В.Морозов

ГЕРМАН УТРЮМОВ

АДМИРАЛ ФСБ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ровно пять лет назад в московских газетах появился скорбный некролог о смерти Героя России Германа Алексеевича Угрюмова (1948–2001). Он скончался скоропостижно на территории Чеченской Республики при выполнении воинского долга. Буквально накануне в Кремле президент России Владимир Путин подписал указ о присвоении Г.А. Угрюмову звания адмирала. Заместитель директора Федеральной службы безопасности, начальник Департамента по защите конституционного строя и борьбы с терроризмом, он, если можно так выразиться, родился контрразведчиком. Его боялись и ненавидели те, кого принято называть террористами, — причём как в России, так и за её пределами. Он пользовался огромным уважением у специальных служб всего мира. На одном из совещаний, когда объявили: «Угрюмов Герман Алексеевич…», Путин остановил: «Известен. То есть лично известен». Писатель, фронтовик Семён Шуртаков в рецензии на эту книгу заметил: «Как бы хорошо и справедливо было, если бы замечательный человек Герой России Герман Угрюмов был лично известен… всем гражданам России!»

- Вячеслав Морозов
  - Пролог
  - ЧАСТЬ 1. Становление личности
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - ЧАСТЬ 2. Противостояние злу
    - Глава 4
    - Глава 5
  - ЧАСТЬ 3
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - ЧАСТЬ 4. АНтитеррор
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12

Вячеслав Морозов
Адмирал ФСБ
Документальный роман

Посвящается молодым, выбирающим путь.

УКАЗ

Президента Российской Федерации

О присвоении звания ГЕРОЯ Российской Федерации вице-адмиралу Угрюмову Г. А.

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, присвоить звание

Героя Российской Федерации вице-адмиралу ***Угрюмову Герману Алексеевичу.***

Президент Российской Федерации В. Путин.

Москва, Кремль.

20 декабря 2000 г.

Пролог
Угрюмов Герман Алексеевич

Est socia mortis homini vita ingloria.
Бесславная жизнь человека равна смерти.

Публий Сир. Сентенции

Живя жизнью моих героев, я мыслила за них.

Маргарита Волина. Черный роман

1 июня 2001 года в московских газетах появился скорбный некролог о смерти Героя России Германа Алексеевича Угрюмова. Большинству сограждан России, которым и которой он честно служил, имя его ни о чем не говорило. Правда, кто-то мог припомнить, что фамилия «Угрюмов» упоминалась в связи с поимкой Салмана Радуева, а еще раньше — в связи с «делом» Пасько. Для коллег адмирала из Федеральной службы безопасности имя Германа Угрюмова было и останется священным.

«31 мая 2001 года при выполнении воинского долга на территории Чеченской Республики скоропостижно скончался заместитель директора — руководитель Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности Российской Федерации вице-адмирал **УГРЮМОВ** Герман Алексеевич.

Г. А. Угрюмов родился в 1948 году в Астрахани. С 1967 года он курсант Каспийского высшего военно-морского училища имени С. М. Кирова. По завершении обучения был направлен для прохождения службы на Каспийскую флотилию.

С 1975 года Г. А. Угрюмов на службе в органах безопасности в войсках, где в полной мере проявились его организаторские способности, талант руководителя. В 1999 году он назначен на должность первого заместителя руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, а с ноября 1999 года — заместителем директора — руководителем департамента.

Г. А. Угрюмов внёс большой вклад в обеспечение безопасности государства, сохранение его суверенитета. В январе

2001 года Указом Президента Российской Федерации был назначен руководителем Регионального оперативного штаба на Северном Кавказе. При его непосредственном участии были разработаны и проведены специальные мероприятия в рамках контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе, в результате которых были обезврежены руководители и активные члены бандформирований, спасены сотни человеческих жизней.

При выполнении служебных задач Г. А. Угрюмов проявил личное мужество и героизм. Его отличали преданность делу, глубокие специальные знания, исключительная требовательность к подчиненным, умение работать с людьми. Эти качества в сочетании с большим жизненным и профессиональным опытом позволили ему успешно осуществлять руководство сложной и многосторонней деятельностью по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

Заслуги Г. А. Угрюмова в деле обеспечения государственной безопасности получили высокую оценку Родины. Ему присвоено звание Героя Российской Федерации. Он награжден орденами «За военные заслуги», «Знак Почета», многими медалями.

Светлая память о Германе Алексеевиче Угрюмове навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллегия Федеральной службы безопасности Российской Федерации».

Буквально накануне в Кремле Президент России Владимир Путин подписал Указ о присвоении Г. А. Угрюмову звания адмирала, поэтому потрясённые внезапной смертью Угрюмова коллеги не успели сориентироваться. И на траурной фотографии Угрюмов в вице-адмиральских погонах, трехзвёздные ему носить не пришлось. Широкую грудь адмирала украшает Золотая Звезда Героя России, но и звездочку он никогда не надевал и даже не успел подержать в руках: звезда на фото сканированная…

Странная гримаса судьбы: моряк, умерший на берегу; Герой России, никогда не надевавший звёздочку; адмирал, который никогда не носил адмиральских погон… Может, это указующий перст судьбы, что всё, на что Угрюмов был запрограммирован, что он мог ещё сделать, он сделать не успел…

Низкий поклон его друзьям и соратникам, без которых эта книга не могла состояться.

ЧАСТЬ 1. Становление личности

Хотите, чтобы человек стал Личностью? Тогда поставьте его с самого начала — с детства в такие взаимоотношения со всеми другими людьми, внутри которых он не только мог бы, но и вынужден был бы стать личностью.

Э. В. Ильенков, советский философ, мыслитель

Глава 1
Родители. детство

Дай Бог вспоить, вскормить, на коня посадить.

Русская пословица

Из личной анкеты:

Дата рождения: 10 октября 1948 г.
Место рождения: г. Астрахань.
Национальность: русский.

Александра Алексеевна Угрюмова, мать:

Родилась я в Астрахани 5 августа 1927 года. Самые яркие и жуткие воспоминания — война. Войну мы пережили очень тяжело. Старший брат погиб под Воронежем, там и похоронен. Фронт уже подходил к Астрахани, когда я закончила восемь классов и собралась поступать в техникум. В 1942 году умер отец. Мама сразу заметно постарела, силы ее оставили — горе в стране, горе в семье, горе кругом: похоронили папу — и тут же получаем извещение о смерти брата. Это кого хочешь подкосит…

Мама работала в швейной мастерской, где шили фуфайки для фронта, а мне на дом она брала работу — шить трехпалые рукавицы, тоже для фронта. Я не могла ее оставить в такое время. Сестра моя всю войну проработала в госпитале у операционного стола, всегда жаловалась на то, что ноги отекают. 15 мая 1945

года, уже после Победы, я официально поступила на работу. Стала работать в железнодорожном отделе перевозки почты на станции Астрахань.

А в 1946 году в город пришёл эшелон — наших солдат зачем-то перегоняли к иранской границе. Эшелон остановился на вокзальных путях, в городе шумиха: столько солдат-победителей приехало!.. Познакомились мы с Алешей при необычных обстоятельствах: у меня украли куртку, а он помог её найти. Утром является ко мне домой — с буханкой хлеба и огромным копчёным лещом. Сестра было возмутилась: что за вольности! У нас дома порядки были строгие. «Ты что, ему адрес дала? Свидание назначила? А вы, молодой человек, по какому праву сюда припёрлись?» — и так далее. Алексей сумел так объясниться, что приняли и его, и его драгоценный подарок (по тем-то временам!). Как-то сумел уговорить моего начальника дать адрес, где я живу, и явился. Старший сержант, грудь в «золоте»: ордена, медали. Рост — под два метра. Стал приходить ко мне, ухаживал за мной. Кончилось тем, что в 1947 году мы поженились. В начале года он демобилизовался (кажется, в феврале), а в мае приехал за мной: «Шурочка, пойдем под венец!» Как было отказать? Я уж и сама его полюбила, пока встречались. Красавец, герой! Две медали «За отвагу», за Варшаву, Кёнигсберг, Берлин… Одна медаль «За отвагу» за то, что подбил прямой наводкой танк — он был командиром 76-миллиметрового орудия, вторая — когда ходил за линию фронта и привел ценного «языка».

Помню, когда он за мной еще ухаживал — это было лето или весна 1946 года, зелень кругом, — сестра сообщила, что в Астрахань приехал с цирком знаменитый наш борец Иван Поддубный. Мы, конечно же, пошли, Лёша умудрился взять билеты в первый ряд. Поддубный гнул подковы, пальцами сворачивал в трубку пятаки, клал на плечи брус, как коромысло, на котором висели по шесть человек с обоих концов, и он устраивал из этой «вешалки» карусель. А потом лег на помост, на него положили щит и на щит вкатили рояль.

В перерыве Поддубный спрыгнул со сцены, подошел к Лёше, протянул руку:

— Здорово, солдат! Отвоевался?

— Отвоевался.

— Вот и хорошо. Жена? — глянул на меня.

— Будущая жена.

— Счастья вам! — пошел на сцену и уже оттуда: — Хорошая будет жена!

Лёша усмехнулся, глянул на меня:

— Кто знает, кто знает…

Капитан 2-го ранга Николай Алексеевич Медведев:

Отец Германа Алексеевича был разведчиком у Г. К. Жукова. Пошёл за линию фронта, притащил на себе немецкого офицера — очень нужного в тот момент «языка». Снимают с него каску, с этого немца, а он весь синий, едва дышит, того и гляди — концы отдаст. Пока наши медики его откачивали, командир спрашивает: «Угрюмов, ты что вытворяешь? Ты б еще труп нам приволок! Как ты его брал, так-растак?!» — «Да ничего я с ним не делал, голым кулаком по каске отоварил — и все!..»

Владислав Угрюмов, сын:

Дед был призван в армию в 1940 году, попал в Западную Белоруссию. Войну встретил в погранчастях. Тогда в каждом пограничном округе имелись части и подразделения по прикрытию государственной границы. Он попал в отдельный противотанковый дивизион, который дислоцировался неподалеку от Бреста — напротив Кобринского укрепления. Из истории Великой Отечественной войны известно, что многие полки в канун нападения фашистской Германии на нашу страну были выведены на манёвры, за пределы Брестского гарнизона. Вот там, в полевом лагере, их часть и встретила удар немецких войск. По рассказам отца, дед уже в первый день войны участвовал в рукопашной. Не побежали! Вечером 22 июня при поддержке танков БТ-7, остатков какой-то стрелковой дивизии, которая дислоцировалась восточнее Бреста, уцелевших пограничников, отдельной конвойной роты и роты НКВД, охранявшей железнодорожный мост через Буг, они попытались взять Брест обратно, но превосходство немцев, прежде всего в воздухе, сорвало эту мужественную атаку. Тем не менее они смогли прорваться к железнодорожному вокзалу Бреста — почти в полном окружении. Вскоре немцы оттуда их выбили.

После этого — около восьмидесяти километров непрерывного отступления. Уткнулись в какое-то болото. Снаряды все израсходованы. Утопили замки от орудий в болоте, орудия бросили и отступали в пешем порядке. Всё это время немецкая авиация бомбила и расстреливала отступавших. У «сорокапяток» обслуга — три человека, конная тяга полагалась только для 76-миллиметровых орудий. Лошадей всех давно перебили немцы с воздуха.

Отступление разбитых частей — всегда хаос, неразбериха и, наверное, паническое настроение. Нашёлся некий полковник, который взял командование на себя. Сказал: всё, здесь окапываемся и будем держать оборону! Собрал воедино все

разрозненные и разбитые подразделения, которые отступали в этом направлении, рассредоточил по фронту — и тут они впервые испытали на себе, что такое танковая атака. Бой закончился удачно: подбили несколько танков, немецкая атака захлебнулась.

Затем опять отступление в направлении Смоленска. Потом был страшный бой под Ельней, где эсэсовцы устлали своими чёрными трупами всё поле, где полегли и почти все наши войска, где родилась Гвардия. Дед чудом остался жив.

После переформирования он попал в отдельную разведроту при Ставке Георгия Константиновича Жукова. Шли бои, а их держали в резерве. Кинули в самое пекло только под Кёнигсбергом. Их рота выходила в тыл немцам по подземным коммуникациям. Ухитрились протащить с собой «сорокапятку» и миномет с боекомплектом. Ударили как раз по немецкому штабу.

Держали в резерве — не значит, что не воевали. Участвовали в спецоперациях, охраняли вагон маршала Жукова. Не раз дед летал в немецкий тыл, к партизанам, выполняя только ему ведомые задания. Отец имел рост 1 метр 81 см. Дед — такой же крупной стати, но ростом повыше.

Александра Алексеевна Угрюмова, мать:

Однажды Алеша рассказывал, как в Берлине маршал Жуков устроил ему выволочку. Война уже кончилась, капитуляция подписана, в Берлине налаживается мирная жизнь, ну и нашим солдатам давно хочется по домам: стосковались по цивильному образу жизни. Алексей надел чёрные суконные брюки штатского покроя, заправил в сапоги и вышел по какой-то надобности. Идёт, а навстречу на «виллисе» — маршал. Остановил машину: «Подойдите, товарищ сержант!» Подошёл, доложился: такой-то, такой-то, направляюсь туда-то. «Поясните, как называется ваша форма одежды». «Товарищ Маршал Советского Союза, только постирал форменные брюки, как меня вызвали!» «С вестового бы снял или подождал, когда свои высохнут!..» «Виноват, товарищ Маршал Советского Союза!..» Жуков объявил ему пять суток домашнего ареста. «Есть пять суток домашнего ареста!»— развернулся по-уставному, пошёл. Жуков ему вслед: «Ладно, сержант, хватит с тебя трёх суток!»

Ещё был примечательный случай при форсировании Одера. Его орудие на конной тяге, а на переправе лопнули постромки. Лошади выплыли, а орудие утонуло. Перспектива — трибунал. И беда-то в том, что Алеша плавать не умел. Тем не менее сам нырял с вожжами, чтоб зацепить пушку. Вытащили.

Алексей долгое время работал на элеваторе, потом зашевелился осколок в лёгких — у него было несколько тяжёлых

ранений. Отлежал в госпитале в Казани, и когда дело подошло к пенсии, решил перейти санитаром в психоневрологическую больницу. Там и дорабатывал стаж. Я ж 34 года проработала на элеваторе таксировщицей в бухгалтерии. А умер Лёша просто нелепо. Хирург после какой-то травмы снял ему ноготь с большого пальца и, чтобы не было воспаления, приказал медперсоналу: «Три дня поколите ему пенициллин». Пробу делать не стали — здоровяк. А у него организм, оказывается, не переносил пенициллина. После первого укола он упал — и сразу всё!.. Случилось это 10 декабря 1979 года. А родился он 5 марта 1923 года. 56 лет и 9 месяцев пожил на свете…

После войны трудно очень жили, поэтому Алеша и вынужден был всё время подрабатывать, чтоб вытянуть семью. Вдобавок кто-то нам нанёс сильнейший удар по семейному бюджету: решили мы строить свой домишко, купили лес, привезли, а лес этот украли. Подрабатывал Алексей у военных, там рядом с Бишкилем военные лагеря были. Это тот период, когда маршала Жукова назначили командующим Уральским военным округом — он и начал с обустройства. Такие городки там выстроил, столько дорог проложил!.. Я сама его видела несколько раз: коренастый такой, крепкий, уверенный, настоящий маршал. С рабочими здоровался обязательно, вступал в разговоры, отдавал распоряжения. За ним были закреплены два штабных вагона, в которых он, наверное, и жил какое-то время. Помню его двух огромных собак. Ездил на черной «эмке» и, что характерно, машину всегда оставлял у ворот, дальше шёл пешком: надо всё было своими глазами увидеть, с людьми пообщаться.

Знаю, что у Алёши была встреча с Жуковым, но подробностей не помню.

Капитан 1-го ранга Олег Иванович Пил-ов:

Когда Жукова отправили в глубинку командовать Уральским военным округом, он вспомнил, что где-то неподалёку должен жить бывший командир его отдельной разведроты, и приказал разыскать Алексея Платоновича. Доложили: живёт совсем рядом, в Бишкиле. Маршал на своей машине отправляет порученца: доставить. В поселке переполох: к Угрюмовым маршальская машина прикатила!.. Алексей Платонович поехал не один, взял с собой сына Германа. Так что юный Герман Угрюмов имел счастье повидаться с прославленным полководцем, а возможно, и посидеть у него на коленях. Можно как угодно относиться к этому факту из биографии — просто случай, мистическое совпадение, нечаянный перехлёст жизненных путей-дорожек… Но всё в жизни имеет некую закономерность, а может, и предначертание.

Александра Алексеевна Угрюмова, мать:

Детей у нас было четверо, Герман — старший. Родился он 10 октября в 1948 году. Лёня родился 21 февраля 1950 года, на следующий год — дочь Валентина, в 54-м году родилась дочь Надежда. Был еще один сын, но он умер в младенчестве. Когда я прихварывала, то за детей была всегда спокойна: муж и избу натопит, и похлёбку сварит, и детей покормит.

Герман характером был весь в отца, такой же ответственный. Бывало, с улицы кричат: «Герка, пошли в футбол играть!» — «Нет, я еще уроки не доделал!» Если я задерживалась на работе или уходила куда-то, он обязательно, без просьб и напоминаний, к моему приходу сделает что-нибудь приятное материнскому сердцу: дров принесёт, воды натаскает, картошку почистит, пол подметёт… И Лёня такой же был. Старшие дети отвечали за младших. Гера за Надей присматривал, Лёня за Валей. Однажды чуть не уморил Надюшку: она есть захотела, так он нажевал ей моркови и напихал полный рот — чуть не подавилась… Так и росли, помогая друг другу. В семье у нас не было слова «хочу», а было — «надо». Они и сами видели, как отец мне по дому помогает всё время, хотя приходит уставшим с работы.

А Германом мы назвали его в честь моего погибшего брата. Он знал это. Отец мой еще до революции служил на подводной лодке «Морж». И у Германа была мечта стать военным моряком. А когда ему было четыре годика, мама моя сшила ему пальтишко с пуговицами в два ряда — почти как у нашего директора элеватора. И когда его спрашивали, кем хочешь быть, он важно отвечал: «Директором».

Учился он стабильно хорошо, приятно было ходить на родительские собрания. Читал много. У нас в семье на хорошую библиотечную книгу была очередь: кто за кем читает. Круглым отличником он не был, но — всегда среди первых. Учителя говорили: если б все ученики были такими, как ваш сын, как приятно было бы в школе работать! И мне приятно, и отцу. Я никогда не спрашивала Геру, выучил ли он уроки: знала, что выучил. Сызмала на летних каникулах брал наше подсобное хозяйство на себя. С удовольствием ходил на покос, умел обращаться с лошадьми, работал на волокуше, на конных граблях. Мужики доверяли ему, потому что он был рослым, сноровистым, сильным.

Класса с 4-го стал всерьёз бредить морем: в тетрадках рисунки — сплошь море и корабли. Заявил совсем уже по-взрослому: «Буду военным моряком!»

Лариса Григорьевна Соколова, двоюродная сестра:

Геру назвали так в память о Германе Алексеевиче Шишкине, его дяде, пропавшем без вести в боях под Воронежем. Когда он до поступления в военно-морское училище жил в Астрахани, бабаня каждый год на 9 мая брала его с собой, покупала на свою скудную пенсию цветы, и они ехали в центр города к могиле Неизвестного солдата. Бабушка плакала о погибшем сыне, о том, что не может прийти к нему на могилку, что даже не знает, где сын похоронен.

В 1999 году заезжает на пару дней Гера и сообщает нам, что он по своим каналам обнаружил в одном из сёл Воронежской области стелу, на которой выведены золотом фамилии русских солдат, павших в боях за Родину. Одна из фамилий — *Шишкин Г. А.*

Сколько лет эта память ему не давала покоя!.. И ведь не успокоился, пока не нашёл место, где покоится прах дяди Германа, чьё имя он носит!

Владислав Угрюмов, сын:

В Баку, в редкие вечера, когда он бывал дома, мы иногда играли с ним в «морской бой». Причем не в клеточки, как обычно, а он придумал свою игру: на морской карте расставляли игрушечные корабли. Каждый корабль имел свою скорость, соответствующую условно настоящему кораблю, примерное вооружение. Эсминец мог двигаться через две клетки, крейсер — через три. Каждый корабль имел и свой радиус разведки. Стреляли по квадратам. Получались такие игровые КШУ (командно-штабные учения). Меня очень увлекала морская тематика игр, и отец всячески поощрял мой интерес к морю. Можно сказать, даже подогревал. Но — умело, исподволь.

Помню, я напросился на две недели матросом на мобильный полукатер. Он разрешил без колебаний. Матросы сшили для меня маленькую робу, гюйсик. Работал я как юнга, выполнял все поручения, даже на камбузе дежурил. Отец, чтобы меня не «расслаблять», приехал на катер только один раз: посмотрел, как я справляюсь с обязанностями, командира расспросил, матросов. Командиром катера был мичман Вячеслав Авт-ов — одновременно и личный водитель отца. Вот он, четыре матроса и я, юнга, — вся команда. Я многому там научился: как подать сигнал SOS, включить сирену, сигналы фонарем и флажками, как сделать прокачку, потом запустить вспомогательный двигатель, затем главный двигатель; где контрольные приборы: давления масла, температуры, расхода топлива; мог ориентироваться по компасу, знал расцветку вымпелов — который следует поднять в определенном случае. Многое мне отец рассказывал еще дома.

Когда я в восемь лет серьезно заболел морем, он вручил мне военно-морской словарь: изучай! Потом экзаменовал: это что за судно? Водоизмещение его? Вооружение? Габариты? Пришлось мне выучить все корабли Каспийской флотилии: класс, длина, ширина, количество человек в экипаже, бортовые номера, водоизмещение, вооружение, сколько на каком корабле офицеров, мичманов и матросов… Он сам загорался, когда говорил со мной о море, о морской военной службе, о кораблях, флотоводцах, морских сражениях. Видимо, свербило на душе оттого, что мечта его детства осталась до конца не реализованной.

Александра Алексеевна Угрюмова, мать:

Когда он заканчивал восьмой класс, мы его опять спросили: кем хочешь стать? «Только военным моряком». Написала я тогда сестре в Астрахань, что Гера хочет приехать поступать в мореходку. Собрали его в дорогу. У меня было плохо со здоровьем, на следующий день ложилась на операцию, и я проводила его до вокзала в сумеречном состоянии — да таком, что на обратном пути домой заблудилась. Наплакалась вволю, так жаль было расставаться. Понимала, что с этого часа он уже оторван от дома, впереди своя жизненная дорога, свой нелёгкий путь.

Но в мореходку он не попал, там предпочтение отдавали детям моряков. А он то ли забыл, что дед его был подводником, то ли не захотел пользоваться дедовыми заслугами — смолчал об этом.

Остановился у сестры Антонины, поступил в судоремонтное ПТУ и одновременно в вечернюю школу. Не потерял ни одного месяца. Записался в ДНД — добровольную народную дружину. Были такие: патрулировали вечерами улицы, дежурили в клубах и на танцплощадках, утихомиривали хулиганов и пьяных. Еще учась в школе, он занимался боксом, хотя я и противилась. Но он сказал, что боксёром становиться не собирается, а для самообороны это надо. Поступил в бригадмил — и стал пропускать занятия в школе, о чём нам сообщила сестра. Правда, на успеваемости это никак не отразилось. Тем не менее поговорили с Лёшей, решили, что я съезжу в Астрахань, посмотрю всё своими глазами. Приезжаю, прихожу в школу. Учительница, Тамара Евгеньевна, говорит, что Герман иногда уходит с последнего урока на дежурство, но потом догоняет учёбу, так что причин для волнения пока нет. Рассказала про его особенность: есть, например, простой и известный способ решения задачи, а ему одного способа мало: ищет другие. Затем я поехала в

судоремонтное училище. В вестибюле Доска почета — «Наши лучшие ученики», а в центре — портрет моего сына. Стою, плачу — слезы радости. Подошел заместитель начальника училища:

— Вы чья-то мама? Почему вы плачете?

— Да от радости плачу — за сына, за Германа…

— Угрюмова? О, это у нас золотой парень!

В Астрахани и мореходка, и речное училище, но ему надо было непременно в военное, и он подал заявку в военкомат. Военкомат направил туда пятнадцать человек, а училище выделило всего три вакансии. Но Герман конкурс выдержал и стал курсантом.

Лариса Григорьевна Соколова, двоюродная сестра:

Думаю, что был тот самый переломный случай, когда из упрямого, работящего, но бесшабашного уральского хлопца Герки Угрюмова началось превращение в Германа Алексеевича Угрюмова, будущего аса-контрразведчика, адмирала, будущего Героя России.

Гера сдал вступительные экзамены так: русский язык и литература — 5, физика — 5, химия — 4, английский язык — 4, математика — 2. Всё, провалился!.. Возвращаться в деревню, к отцу и матери? Какими глазами на них смотреть? Рвался-то на море, твердил им, что хочет стать военным моряком… В Астрахань, к тёте Тосе и бабане? То же самое — стыд глаза выест… Как он рассказывал позже, у него уже тогда выработался принцип: что бы ни случилось — нельзя сидеть сложа руки, надо что-то делать! Он набрался храбрости и пошёл прямо к начальнику училища на приём. Объяснил, как мог, что мечта его — стать морским офицером, что домой он вернуться не может — стыдно перед родными, что профтехучилище закончил с отличием, разбирается в дизелях…

Начальник училища затребовал экзаменационный лист, посмотрел оценки.

— Э-э, парень, да тебе б надо в гуманитарный вуз. Поди, и сам стихи пишешь?

— Пишу…

— Ну, так чего же к нам решил поступать? У нас же не Литературный институт.

— Да я с детства с железками вожусь. А литература — это больше для души…

— Ладно, верю в твой искренний порыв молодой души, что мечта твоя — стать морским офицером. Скажу больше: верю, что ты им станешь. Но даже если я тебя своим приказом зачислю в число поступивших, то кого-то ведь придётся отчислить. Того, чьё место ты займёшь. Решай — согласен?

— Ни в коем случае!

— Похвально. Тогда мой тебе совет: оставайся здесь, в Баку, устройся моряком на судно. Всё равно тебя скоро призовут в армию; обещаю тебе, что служить будешь здесь, на учебном корабле. За это время подучишь математику; а через годик попытай счастья ещё раз. Устроиться на «коробку» я помогу. Два часа даю тебе на раздумье.

Гера вышел из высокого кабинета — голова кругом. Главное-то — что провалился на экзаменах! И об этом позоре надо будет сообщить матери и отцу, бабане и тёте Тосе. Попробуй-ка — отыщи слова… Оправдал надежды, нечего сказать!

Так это всё его придавило, что он поднялся на последний этаж, сел на лестничную ступеньку и заплакал. Вдруг растворилась одна из дверей — выходит офицер в форме капитана 1-го ранга.

— Это что за «мокруха»? Провалился на экзаменах?

Гера согласно мотает головой и начинает вслух клясть себя за то, что не учил раньше математику, на которой и «запоролся». Кричал в исступлении:

— Я всё равно буду морским офицером! Я всё равно поступлю!

Каперанг стал его успокаивать:

— Будешь, будешь. Но зачем так кричать? Давай-ка в умывалку, сполосни лицо, приведи себя в порядок и пойдём со мной.

Этот капитан 1-го ранга оказался военврачом, работающим в училище. Он привёз Германа к себе домой. Дома уже ждали жена, дочь, сын Сергей, приёмный сын Николай — сын погибшего на войне друга, и друзья за столом. Геру накормили, потом офицер отозвал его и сыновей в другую комнату и сказал Сергею:

— Через два дня у нас будет дополнительный набор на другой факультет. Эти два симпатичных оболтуса — Николай и Герман — оба провалили математику. Даю тебе двое суток, чтоб ты их подтянул по этому предмету. Заодно и самому нелишне вспомнить кое-что. Если задача ясна, то — отдать якорь!..

Двое суток ребята потели над учебниками, потом были повторные испытания — Герман сдал на «хорошо» и был зачислен на химический факультет. Николай тоже поступил.

Думаю, после такой передряги Гера уже чётко усвоил, какая сложная штука жизнь и как трудно даётся мечта. Если это действительно — мечта. Во всяком случае, став курсантом, он разительно переменился в лучшую сторону: собран, подтянут, точен, обязателен, внимателен и так далее. Он уже всем существом впитал нравственный кодекс морского офицера, ещё

не будучи им, и старался поступать и жить по его заповедям.

Глава 2
Училище. Служба

История личности — это история её предков.

В. С. Пикуль.

Битва железных канцлеров

…Человек должен в поте лица отыскивать то, что понимал инстинктом.

В. Ф. Одоевский.

Психологические заметки

Высшее военно-морское училище имени С. М. Кирова на Каспии — одно из одиннадцати высших морских военных училищ СССР. И… одно из четырёх, которых Россия недосчиталась после развала великой державы — Советского Союза.

Пригодность морского офицера к службе, пожалуй, могут определить пять военно-образовательных стандартов, которые можно назвать фундаментальными, генеральными, основополагающими:

— высокий уровень подготовки офицера как руководителя подразделения, корабля, части в мирное и военное время;

— способность организовать обучение и воспитание личного состава, поддержание необходимого уровня обученности и дисциплины;

— тактическое мышление и пространственное представление обстановки на море;

— способность принимать решение и брать ответственность на себя в условиях недостатка информации и дефицита времени;

— способность переносить тяготы и лишения военной службы, привычка к морю.

(Здесь я ссылаюсь на размышления начальника Балтийского военно-морского института контр-адмирала *А. А. Римашевского*, с которым вполне солидарен.)

Герман Угрюмов соответствовал этому перечню не только вполне, а и с большим «перехлёстом»!..

Воспитание в будущем офицере профессиональных и положительных качеств — это одна сторона, не меньшее внимание в дореволюционном Морском корпусе, кадетских и юнкерских училищах уделяли и искоренению врождённых и приобретённых человеческих пороков. Без них человек как бы неполон, однако они, оставь их без исправления и должного контроля, — станут непреодолимой помехой для формирования Личности. Личности офицера. Генерал от инфантерии П. О. Бобровский писал: «Отсутствие сознания собственного достоинства, недостаток самолюбия, изворотливая робость, неоткрытость, разного рода плутовские проделки и готовность пользоваться плохо положенным — вот те выдающиеся черты, доказывающие отсутствие хороших нравственных задатков и неотчётливое понимание нравственной нормы…» *(Юнкерские училища. Обучение и военное воспитание юнкеров, том 2, 1873 г.).* Особое внимание именно к нравственным нормам воина прослеживается от первых Уложений времен царя Алексея Михайловича, воинских артикулов Петра I, в суворовских афоризмах и размышлениях — вплоть до основополагающих параграфов череды военных уставов, утвержденных в разное время разными российскими правителями. Нравственный кодекс русского офицера в итоге приобрёл точное афористичное очертание: **жизнь — Родине, сердце — даме, честь — никому!**

Потомок русских эмигрантов, писатель *Владимир Волков,* рассказывает: «Верность присяге всегда считалась одним из главных достоинств русского офицерства. Французский офицер командует, немецкий идёт позади своих солдат, направляя их, а русский встаёт под пулями во весь рост и первым бросается в атаку. Меня с детства воспитывали: если есть у офицера привилегии, то главная из них — рисковать собственной жизнью на глазах у солдат. Горд тем, что мои предки до конца остались верны Родине, не изменили присяге. Они покинули Россию, ибо не могли отказаться от своих принципов, но всегда оставались русскими».

Обобщим: помимо обучения воинской специальности именно высокие нравственные качества будущего офицера культивировали в Каспийском высшем военно-морском училище, счастливым курсантом которого в 1967 году и стал молодой Герман Угрюмов, в первый и последний раз присягнув на верность Отечеству. Этой клятве он остался верен всю жизнь.

В Своде военных постановлений за 1869 год записано: «Присяга есть клятва, которую солдат даёт перед лицом Божьим на кресте Спасителя и на святом Его Евангелии: служить Богу и государю верою и правдою /…/, смело и весело идти в бой за

царя, Русь святую и веру православную. Изменнику же присяги не будет пощады ни на белом свете, ни на Страшном суде Божьем». В тексте самой присяги угрозы карой не было.

После Октябрьской революции и формирования Красной Армии в смутнейшее время для страны ВЦИК 22 апреля 1918 года, в день рождения В. И. Ленина, принял декрет об обязательном обучении всех трудящихся военному делу и утвердил «Формулу торжественного обещания», которая — для вящего запоминания — печаталась в каждой «Служебной книжке красноармейца». Если текст присяги воина российской — подавляюще православной («царской», как уничижительно говорят и пишут) — армии стремился воздействовать прежде всего на душу человека, на его православную сущность, то «Формула…» основывалась на классовом сознании и завершалась недвусмысленным предупреждением: «…Если по злому умыслу отступлю от моего торжественного *обещания*, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

Время, время… 3 января 1939 года Президиум Верховного Совета СССР счёл нужным утвердить другой текст военной присяги, а 23 февраля того же года, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, его подписал Член Главного Военного Совета РККА И. В. Сталин. Вот этот текст Военной присяги.

> «Я, гражданин Союза Советских Социалистических республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.
>
> Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.
>
> Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.
>
> Если же по злому умыслу я нарушу эту мою

торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

10 июня 1947 года, уже после Великой Отечественной войны, опять возник новый вариант текста, близкий к сегодняшнему.

М. С. Горбачёв, великий специалист по разоружению страны, 13 декабря 1991 года своим личным указом утвердил опять-таки новый текст присяги, не обсуждённый ни депутатами Верховного Совета, ни военными людьми. Как мрачно шутили в те дни офицеры: «Всё бы хорошо, но непонятно — какому народу мы клянёмся, какую Конституцию мы обязаны защищать и, главное — какую Родину, если иметь в виду государство?..»

После развала СССР новый Президент РФ подписал 5 января 1992 года Указом № 7 скоропалительный и не согласованный ни с кем (в том числе и с военными) текст ещё одной в истории России воинской присяги, в которой отсутствовало главное: «Я, гражданин…» (впрочем, этой важнейшей фразы не было и в «ставропольском» варианте). Наспех состряпанная цидулка обязывала некоего виртуального россиянина «не применять оружие против своего народа и законно избранных им органов власти» (именно эта формулировка объясняла спешность подписания Указа, включенного в десятку первых государственных указов, а также «соблюдать законы иного государства» — то есть в первую очередь уважать суверенитеты бывших республик разодранного в Беловежье СССР. Всё, понимашь, продумано!.. Слава Богу, век её был недолог: по этому ущербному тексту присягнули лишь два воинских призыва. Последний вариант Военной присяги появился 11 февраля 1993 года: *«Я (фамилия, имя, отчество) торжественно клянусь на верность своей Родине — Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать её Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество».*

Всё-таки: сколько скорби причиняет одна только мысль об истории Российского государства — как бы оно ни называлось в различные времена!.. Не стыдно и всплакнуть по такому поводу — «слить» эмоции в память Господа. Но! — «Что такое Отечество?» — задавался вопросом *Алексей Степанович Хомяков*. И отвечал сам себе: «Это та страна и тот народ, создавший страну, с которым срослась вся моя жизнь, всё моё духовное существование, вся целость моей человеческой деятельности. Это

тот народ, с которым я связан вполне жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце моё не изошло кровью и не высохло».

А это — разве это не про Германа Угрюмова?.. Про него, про него!

Капитан 1-го ранга Виктор Алексеевич Смирнов:

Герман был уже на втором курсе, когда я поступил в училище. Познакомились мы с ним в сентябре 1968 года. Я родом из Мценска Орловской области, разница в возрасте у нас в полтора-два года. Я поступил, окончив десятилетку, Герман уже успел понюхать самостоятельной жизни. Тем не менее сошлись мы сразу, и у нас быстро сложились довольно теплые отношения.

На втором курсе Герман уже был заместителем командира роты. Тут следует немного разъяснить. Командиром роты был, естественно, офицер; его заместитель и старшина роты — курсанты, командиры взводов — тоже курсанты. Но замов, как правило, назначали со старших курсов, Германа же назначили уже после первого года обучения.

Выделялся он и ростом, и габаритами, и общительностью — фамилия его как-то совсем не соответствовала характеру, жизненной энергии, которая из него прямо-таки выплёскивалась. Очень жёстким был командиром и при этом пользовался авторитетом у курсантов и преподавателей. Здесь ситуация объясняется точной фразой одного из наших полководцев: требовательность без личного примера уже есть тирания. Это прописная истина, ведь: учи наставлением в нужное время, достойным примером — всегда. Лорд Боллингброк даже выше забирал: «Самые суровые приказы смягчаются личным примером, и даже жестокость выглядит оправданной». Вряд ли он читал в ту пору сочинения Боллингброка, скорее это было врождённое чувство порядочности, культивируемое в их семье.

Командиром роты у нас был капитан 3-го ранга Чирков, очень уважаемый нами человек, и он Германа полностью доверял. Уважал его и неоднократно ставил в пример младшим командирам и начальник факультета Василий Степанович Бойко, другие преподаватели. Дело в том, что он в учёбе наглядно проявил свое усердие и трудолюбие. Учеба давалась ему вначале трудновато: и тяжелое деревенское детство, и вечернее образование в ШРМ, которое вряд ли даёт больше знаний, чем обычная десятилетка, и год пропуска… Так ли я сказал — не знаю, но предметы брал он не с ходу, как те, кто еще вчера сидел за партой. Брал горбом! До третьего курса, по-моему, у него еще были тройки и четвёрки, потом — одни пятёрки.

Химический факультет, на котором мы с ним учились, состоял из нескольких отделений: дозиметристы — будущие начальники химических служб для АПЛ (в чистом виде); радиохимики (я был радиохимиком) — специалисты по контролю за ядерной энергетической установкой, это береговая служба, в принципе; и так называемые общие химики. Герман был общим химиком. Специальность общего химика предполагала дальнейшую службу на надводных кораблях в должности начальника химической службы в авиационных полках, на складах химического оружия и так далее: в ВМФ это специальность широкого профиля.

Характерный штрих — распределение молодых лейтенантов-химиков: кого направили на Северный флот, кого на ТОФ, кого на Балтику. Германа*, единственного из выпускников,* оставили на Каспийской флотилии старшим помощником командира корабля. Я не знаю случая ни раньше, ни позже, чтоб молоденького лейтенанта-химика сразу после училища назначили старпомом! Случай действительно уникальный. И он свидетельствует о том, насколько Герман Угрюмов был неординарным человеком. За год он освоил штурманское ремесло. Корабль, насколько я помню, числился в передовых.

Капитан 1-го ранга Юрий Алексеевич М-цев:

Это был большой пожарный катер, очень сложный по конструкции — это легко понять, если представить себе выполняемые им задачи. Такой корабль на Каспии был единственным — своеобразная «скорая помощь», поэтому выучка и готовность команды должны были соответствовать стоящим перед ней задачам. И — соответствовала. Первой наградой Германа Алексеевича была медаль «За отвагу на пожаре», которой он гордился больше других.

Александр Угрюмов, сын:

В конце 90-х мы отдыхали в Новороссийске, и отец вдруг сказал:

— Надо съездить в Новочеркасск, там мой друг живет, мичман.

Поехали в Новочеркасск, не зная адреса. Но отец быстро отыскал дом Михаила Григорьевича Гудкова, с которым служил вместе еще на Каспии, с которым тушил пожар на бакинских нефтепромыслах. Встреча их была, конечно же, очень трогательной. Видно было, что она доставила искреннюю радость обоим — и мичману, и контр-адмиралу.

Михаил Григорьевич Гудков:

Случилось это осенью, уже в холодную пору. Прошло лишь полгода, как мы из Ленинграда получили это судно. Сначала командиром на нем был П-н, никчемный человек, Герман Алексеевич был у него помощником, я — мичманом на этом корабле. Вскоре выяснилось, что П-н как командир не соответствует своей должности, и командиром корабля назначили Угрюмова.

Загорелись нефтяные вышки мористее острова Наргина. Судя по высоте огненного столба — давление в этом фонтане не меньше 180–200 атмосфер. Наш корабль подошел первым. Бросили якорь, рядом эта гудящая лава — Дантов ад!.. На корабле у нас водяные пушки — у одних давление 70, у других — 110 атмосфер. Для наглядности: струю можно погладить рукой, как поверхность металлической трубы. Но горящую скважину такой мощи поди-ка потуши!.. Хотя насосы у нас тоже довольно мощные были на судне: по четыре двигателя на каждый насос, на один ствол водяной пушки перекачивали по 1000 тонн воды в час. 4000 тонн воды в час на горящую скважину в общей сложности.

Чтобы подойти к платформе, из-под которой гудел огненный столб, включалась система СВЗ — система водяной защиты, шестнадцать тонн только пенообразователя… А так не подойдешь! На мостике в рубке стёкла полопались от чудовищной температуры, хотя всё судно было покрыто водой из СВЗ. На палубе толстый слоище грязи, мы все в копоти, как черти. Наша задача — оторвать пламя от моря, не дать ему подняться вверх.

Подошли еще суда со специальными турбинными установками — три самолетные турбины. Удалось оторвать огненный столб от поверхности моря, на некоторое время огонь потух, но бушевал внизу. Кипит Каспийское море, жар-кошмар!.. Потом опять загорелся столб над поверхностью — мы снова отсекаем его водяными пушками. Потом — опять… Подошли два СВД — «Генерал Гамидов» и «Генерал Зейналов». Установили вокруг пылающей скважины глубинные бомбы и разом их подорвали, чтобы отсечь от воды огненный фонтан. Борьба с огнём продолжалась не сутки и не двое, а почти два месяца…

Владислав Угрюмов, сын:

Аварийно-спасательная служба в тот раз вряд ли сама справилась бы, поэтому военные пришли на помощь. Я видел фотографии — даже они страшат. Горят нефтяные промыслы, какая картина пожара может быть ужаснее?.. А там ведь, на этих полуплавучих островках, нефтяники живут, там и всякие

баллоны, которые если уж рванут, то не хуже бомбы… Людей они сумели эвакуировать, а проще — спасти.

Виктор Алексеевич Смирнов:

Сейчас я в запасе. Последняя моя должность была — начальник контрразведки по Ленинградской военно-морской базе. Там, кстати, сейчас и находится наш родной с Германом химический факультет. В 1993 году, когда Герман Алексеевич был уже контр-адмиралом и служил во Владивостоке, меня разыскал наш бывший преподаватель, доктор наук Виталий Петрович Комлев — интереснейший человек, тоже очень колоритная фигура. Сидим, разговариваем, вспоминаем, потом он спрашивает:

— А где сейчас Гера Угрюмов? Талантливый был курсант. Я ему еще на первом курсе говорил: «Быть тебе, Угрюмов, адмиралом! Есть у тебя для этого все задатки, не растеряй их только, не растряси по дороге».

Как мне приятно было сообщить, что он не ошибся и что Герман действительно стал адмиралом! Такое прозрение учителя можно даже не комментировать…

Глава 3
КГБ СССР. Начальник Особого Отдела

Хотя цель контрразведки — оборона, её стратегия носит наступательный характер. Идеал контршпионажа — раскрытие планов разведки противника на их ранней стадии, до того, как они начали наносить ущерб.

Аллен Даллес. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа

«Безопасность собственная есть высший закон в политике», — писал наш великий историк Николай Михайлович Карамзин, имея в виду безопасность государства Российского. В российской литературе термин «государственная безопасность» встречаем уже в XIX веке в работе профессора И. Тарасова, который отмечал, что опасность может иметь общее значение и частное, а также пример слияния этих понятий: предатель-перебежчик наносит государству как общий, так и частный ущерб.

Военная контрразведка, как утверждают историки спецслужб, родилась в России 21 января 1903 года, когда император Николай

II утвердил доклад военного министра, почётного члена Академии Генерального штаба, Артиллерийской, Инженерной, Военно-юридической и Военно-медицинской академий генерал-адъютанта Алексея Куропаткина. Генерал Куропаткин определил задачу нового органа, предложенного им называться «Разведочным отделением Главного штаба»: она должна заключаться в «установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов и конечными пунктами лиц, состоящих на государственной службе внутри страны».

В советский период термин «государственная безопасность» введён в апреле 1934 года при образовании в составе НКВД Главного управления государственной безопасности, которому были переданы функции ОГПУ. В 1936 году этот термин официально был включен в текст сталинской Конституции СССР.

Любой врач и более-менее образованный провизор прекрасно знает, что противоядие в структуре своих компонентов непременно должно отражать компоненты яда. Если это правило спроецировать на проблему государственной безопасности, то получится, что всякая угроза требует адекватных, чаще всего — зеркальных действий.

В официальных документах и воспоминаниях друзей-соратников значится, что службу в органах госбезопасности Герман Алексеевич начал в 1976 году, после обучения в новосибирской Высшей школе КГБ. Есть и другие свидетельства. Не считаю важным для себя и для читателя докапываться до никому не нужной «истины», приведу лишь различные свидетельства, поскольку у спецслужб есть свои секреты и есть золотое правило их надёжного сохранения: знать только то, что тебе положено.

Юрий Алексеевич М-цев:

В 1973 году ему предложили перейти в органы КГБ. По его словам, он долго колебался, согласие дал не сразу, поскольку видел свою офицерскую карьеру как карьеру военного моряка, но, в конце концов, его уломали. Примечательно, что в его личном деле нет даже рапорта (или по-флотски — рапорта) о зачислении его в органы КГБ.

Александра Алексеевна Угрюмова, мать:

Когда Герман учился на втором курсе, к нам домой приехал незнакомый мужчина. Я была на работе, директор вызывает в кабинет: «Вот, товарищ хочет с вами побеседовать». Мужчина предъявил мне удостоверение сотрудника КГБ, сказал, что имеет

сведения, что наш сын желает работать в органах госбезопасности. Что бы вы на это сказали? Отвечаю, что я не против, если он сам так решил, но главное слово всё-таки за ним. Только дайте ему доучиться. А закончит училище, и если не передумает, то пусть будет, как он скажет.

Позже он прислал нам письмо — и вот строки, которые я запомнила едва ли не дословно: «Дорогие мама и папа, я прошел все проверки. Спасибо вам большое за вашу чистоту. Спасибо, папа, за силу и доброту, а тебе, мама, спасибо за интеллигентность!»

Юрий Алексеевич М-цев:

После окончания высшей школы КГБ СССР он был направлен на ту же Каспийскую флотилию. Оперативную работу начал в родном Военно-морском училище имени С. М. Кирова, на факультете иностранных студентов. Там обучалось что-то около тысячи человек. Много курсантов было из стран Ближнего Востока, практически из всех стран Магриба, из Центральной Африки, не было только из южной Африки.

Там он хорошо изучил характер восточных народов, и эти знания на практике использовал в своей дальнейшей работе. Он часто выезжал в Чечню, Дагестан, Калмыкию и Кара-Калпакию, во многие места Азербайджана, и среди этих восточных народов везде был своим человеком. Хорошо знал их менталитет, традиции, уважал их и пользовался ответным уважением, и можно сказать, что нерешаемых вопросов у него на юге страны не было.

Виктор Алексеевич Смирнов:

В училище было два факультета: советский — в нём штурманский и химический факультеты — и иностранный. Здесь был конгломерат национальностей: кубинцы, эфиопы, гвинейцы, болгары, югославы, корейцы, арабы, сомалийцы и т. д.

Как оперуполномоченный Герман Алексеевич быстро рос. Вскоре после назначения в училище он уже занимался иностранным факультетом. А работа с иностранцами — очень серьёзная работа. Я имею в виду контрразведывательную работу.

Капитан 1-го ранга Баграт Рафаэлович Князчан:

Вернулся он на Каспий капитан-лейтенантом, а через непродолжительное время — по-моему, досрочно — ему присвоили звание капитана 3-го ранга. В Каспийском военно-морском училище существовали практически два училища: наше и иностранное. Наших курсантов было 1100 человек, иностранцев

— больше. Причем были как курсанты, так и слушатели: приезжали морские офицеры на год-два для повышения квалификации. Учитывая возрастающий объём работы, при училище в 1978 или 79-м году создали группу Особого отдела из пяти или шести человек. Герман стал начальником этой группы. На этом посту, если не ошибаюсь, у него произошло пять или шесть раскрытий. Скандалов не было. Приезжали представители посольств, военные атташе, чтобы загладить дело. А «засвеченного» курсанта отчисляли однозначно.

А иностранцы там вели себя вольно, особенно ливийцы. Если ливийский курсант получает стипендию больше зарплаты нашего офицера, он и ведёт себя соответственно. Страна у них нефтяная, богатая, Каддафи мог себе позволить в отношении сограждан применять не только кнут, но и пряник…

Генерал-лейтенант Александр Александрович Зданович:

Когда я с 1982 по конец 88-го года работал в Инспекторском управлении, мне приходилось по нескольку раз в год выезжать на Каспий, в Особый отдел для проведения ряда серьезных мероприятий, чтобы оказать ему всяческую поддержку и реализовать рекомендации центрального аппарата. Работа Особого отдела не всегда выливалась в какие-то процессуальные действия — задержания, аресты и тому подобное. Точнее сказать, за весь указанный период там такого попросту не было. Но были выявлены агенты и штатные сотрудники ряда иностранных спецслужб, деятельность которых удалось парализовать. За те годы, когда мне приходилось сталкиваться с этой проблематикой, таких лиц выявили не один десяток.

Оперативная деятельность в тот период была очень активной именно на этом направлении. Германа Алексеевича в Центре ценили за умение организовать работу. Таких центров на территории страны ведь было немного — меньше десятка по различным видам вооруженных сил. Бакинский был одним из самых важных.

Руслан Михайлович Арешидзе:

Когда мне в 1977 году исполнилось тридцать лет, мне предложили должность директора комбината питания в Каспийском училище. Кормили там иностранцев. До меня комбинат возглавлял умудрённый опытом еврей по фамилии Розенберг. За питание отвечали и начальник управления торговли округа, и начальник Военторга, и, разумеется, директор комбината. Но если директор в чем-то провинился — «летели» сразу все три головы. Поэтому подобные назначения были

взвешены и продуманы. Были две кандидатуры: моя и одного из соплеменников Розенберга. Герман Алексеевич только что занял пост начальника Особого отдела Каспийской флотилии. Заочно, не зная меня, он принял решение в мою пользу.

Он воспринимал человека не по его характеру — характер у всех разный, — а по его деловым качествам. А если деловые качества прекрасные, то ненужное надо опустить, а главное выпятить. И лучше это сделать публично: похвалить за хорошую работу — и человек сам сделается лучше.

В человеке он ценил прежде всего человека.

Николай Алексеевич Медведев:

В 1978 году я закончил высшую школу КГБ, и меня распределили в Баку. В то время там было самое большое военно-морское училище в СССР, носившее имя С. М. Кирова. Состав курсантов — наипестрейший, тьма иностранцев. С точки зрения органов безопасности — очень важный объект, поскольку мы знали, что ГП (главный противник) через агентуру из третьих стран вёл там разведывательную работу: сбор информации по технике, вооружению, боеготовности, моральному состоянию войск. Острый участок работы!

Я прилетел на самолете. У трапа меня встречает крепкий, здоровенного роста мужик, сажает в машину, и мы едем в отдел. Никогда не слышал, чтобы так встречали молодых лейтенантов! По дороге знакомимся, в отделе меня представляют сотрудникам, обозначают круг обязанностей, а дальше — у меня легкий шок: Герман Алексеевич кладет на стол ключи и говорит: «Ваша квартира, товарищ лейтенант, расположена по такому-то адресу. Можете вселяться». А у меня жена, дети… Вот ты б не крикнул: «Мама моя!»?.. До сих пор вот тут в груди дёргается, когда вспоминаю. У нас же как: офицер — это почти синоним бомжа. Ты сколько лет на свете живёшь без квартиры? И мы — «почти всю жизнь»!.. В России офицер, самый преданный Родине человек — это самый преданный Родиной человек. Ладно, это долгая песня… Я получил комнату на пятом этаже, вселились с женой и двумя детьми. Комната пустая, одни стены. Он сам пришел посмотреть, как мы обустраиваемся. Оглядел квартиру:

— Ничего, Коля, все организуем!

Принесли матросские кровати, матрацы. Мебель в то время купить (тогда все говорили — «достать») — одна из жгучих проблем. В магазинах шаром покати!

Через некоторое время приглашает меня в Военторг:

— Ну-ка, посмотри, эта штука вам подойдет?..

Когда я жене сказал, что Герман Алексеевич достал нам

румынский мягкий гарнитур, она чуть в обморок не упала. После того как я сказал, сколько он стоит, чуть не упала вторично. А стоил он в советских деньгах около двух тысяч рублей — при моей зарплате 400. У меня заначек никаких, у Угрюмова тоже. Тем не менее он убедил меня гарнитур купить. Впервые в жизни я взял деньги в долг, недостающую часть неизвестно где сыскал Герман.

Капитан 1-го ранга Иван Андреевич Ч-в:

С Северного флота я был переведен на Балтику, откуда и попал в органы госбезопасности. Закончил высшую школу КГБ в Новосибирске и был страшно огорчён, что меня, единственного из выпуска, распределили на Каспий. Для моремана Каспий — это что-то вроде ссылки, так мне казалось. Первый вопрос: за что? В чем я провинился?.. Помню, возмущался: в промысловом флоте на внутреннем море я буду ловить шпионов и спасать Россию?! А до вручения документов и отъезда осталась ровно неделя. Уже не обжалуешь, хотя и пытался…

Отгулял отпуск, приезжаю с семьей — жена и сынишка двухлетний. Разыскал Особый отдел, доложился. С ходу получил выговор от Германа Алексеевича:

— Как офицер, прибывающий к месту прохождения службы, вы были обязаны меня предупредить о приезде заранее. Тогда бы и встретили вас, как подобает встречать у моряков.

На этом, правда, короткий выговор закончился, нас напоили чаем, меня представили коллективу. Затем Герман Алексеевич вызывает водителя:

— Забирай эту милую семейку и отвези их домой, — и протягивает мне ключи от квартиры. — Потом доложите, как устроились.

Я за спинку стула взялся, чтоб не упасть: до сих пор у меня своего угла никогда не было.

Капитан 2-го ранга Вячеслав Авт-ов:

В 1979 году я пришел служить срочную службу на Каспийскую флотилию, тогда же и познакомился там с Германом Алексеевичем. Мы с ним выезжали для проведения различных операций в отношении иностранцев неоднократно, тогда и познакомились поближе. Общение было чисто человеческое, на профессиональные темы наложено табу. Контрразведка — дело серьезное: коль тебе ничего не рассказывают — значит, спрашивать не положено. А если и сам нечто такое заприметил, мельком услышал и что-то там понял, сообразил — должен забыть насмерть, выдрать этот случай из памяти и никогда о нём не вспоминать. У него было чутьё — с кем можно вступать в

близкие, доверительные отношения. С ним я просто сроднился.

Когда моя служба подходила к концу, он спросил:

— Как ты смотришь на то, чтоб связать судьбу с профессией чекиста?

А это была моя мечта с детства, он угадал мои мысли. Вероятно, в общении с ним я как-то проявил себя. Моим оформлением в органы он занимался сам. После демобилизации я вернулся в отдел и служил с ним по 1992 год. Я был холостой, но он сумел «выбить» для меня отдельную квартиру. Мы часто выезжали в командировки, так как зона его ответственности была огромной: весь Каспий — от Чечни до иранской границы.

Это был уникальной доброты человек, он весь состоял из неё. Умел разговаривать с кем угодно: если собеседник был моложе — говорил с ним на его уровне, если старше — с соблюдением всех существующих приличий.

Один такой момент: приехали мы в Чечню, в Заводской район Грозного, а было очень жарко. Смотрим — пивной ларек.

— Останови машину, пивка попить хочу.

Пиво в розлив, бутылочного в то время практически не было, очередь порядочная. Он говорит:

— Ну, хохол, сейчас увидишь, как меня, советского полковника, здесь уважают.

Я был в «гражданке», а он в камуфляже, со знаками различия — три звезды. Наверное, поэтому и сказал «полковника», а не «капитана 1-го ранга». Подошел к очереди и говорит:

— Уважаемые граждане, я понимаю, что жара, холодного пива всем хочется, но не разрешите ли советскому полковнику тоже утолить жажду? Безопасность страны Советов от этого никак не пострадает.

Народ весело расступился, ему тут же налили пива. Он выпил кружку, поблагодарил всех, и мы поехали.

Руслан Михайлович Арешидзе:

Что касается его знания Кавказа и Закавказья. С ним по республике мы ездили на отдых, на пикники. Я хорошо знаю азербайджанский — вырос там, понимаю армянский, слабенько, но говорю по-грузински, понимаю лезгин. Знание азербайджанского языка давало мне возможность разговаривать с татами, даглинцами, балкарцами, кабардинцами. В свое время папа возил меня по разным районам Азербайджана, я проникся уважением к этому народу. И много рассказывал Герману об их обычаях: здесь не положено громко разговаривать, тут говорить может только хозяин — и прочие тонкости. Например, приезжает гость — это в доме человек номер один: ему всё внимание,

«красный угол» за столом, мягкая перина, лучший кусок. Ему это импонировало, а потом он задумался: почему на Востоке так сильны традиции? И ответил: потому что в веках сохранилась жёсткая иерархия, подчиненность младшего старшему. Такие взаимоотношения воспитываются с пелёнок, но этому специально не учат детей: ребенок именно с пелёнок понимает свое место в семье, поскольку в воспитании главное — пример родителей. Тот же русский «Домострой», который мы когда-то утратили. То же «Поучение Владимира Мономаха детям», которое мы по глупости забыли…

Несколько раз я пытался вытащить его на охоту, но он всегда говорил:

— Руслан, я убивать не люблю. Охота — это убийство!

— Герман, охота — это охота! Древнейший промысел человека. Спорт, наконец!

— Нет, охоту я не люблю. Вот рыбалка — это да-а-а!

Рыбак он был еще тот… Выезжали много раз, но я не помню его с удочкой. Для него выезд на рыбалку — это был повод скрыться от суеты, отдохнуть на природе. К таким поездкам он никогда не готовился, они рождались внепланово. Допустим, звонит:

— Руслан, что ты там делаешь? Если не сильно занят, заходи ко мне.

Захожу.

— Как ты думаешь, мы эту неделю хорошо потрудились? Согласен, хорошо. Значит, нам полагается отдохнуть! А если к вечеру сегодня уедем, а?

— А что такое вечер в твоём понимании?

— Ну, часа в четыре.

— Не могу, не получится. Если сильно поднапрячься, то часов в шесть или чуть позже постараюсь «закруглиться»…

— Тогда к семи разгребай дела, берем снасти, загружаемся и едем! И не тяни, не тяни!..

И так спонтанно, в тот же день, мы куда-нибудь уезжали на денёк-два. В словах «не тяни» и есть весь Герман: если он загорался какой-то идеей и не видел служебных препятствий на пути к её осуществлению, то мигом готов был встать «на крыло». И нас, друзей своих, ворошил: по-быстрому, мужики, по-быстрому!.. А «загружались» обычно по максимуму — душа у него была такая: едем вдвоем — еды берем на четверых, едем вчетвером — на восьмерых. Поскольку или еще кто-нибудь по дороге присоединится, или лишний денёк добавится.

Полковник Сергей Иванович Кошев:

Так получилось, что моя служебная деятельность была достаточно узкой: я занимался разведкой и впервые пересекся с Германом Алексеевичем, решая один из вопросов, когда служил в Одессе. У нас была интересная разработка по разоблачению иностранного агента из числа военнослужащих, обучавшихся в Советском Союзе. Это был год 1986 или 87-й. Замысел наш предполагал ввести своего человека в ближайшее окружение этого иностранца, который был, по сути, резидентом одной из стран «третьего мира», из арабских стран, и активно занимался разведывательной деятельностью — в том числе, как потом выяснилось, завербовал нашего переводчика за рубежом и работал уже с ним на нашей территории по заданию своих «хозяев». Использовать гражданина СССР в качестве внедренного оперативного источника было достаточно трудным делом, и мы разослали ориентировки с соответствующим, очень подробным изложением того, кто нам нужен: национальность, психологические особенности, возможные связи и так далее. Недели две ждали ответа.

Неожиданно возник Герман Алексеевич. Примечательно то, что он имел достаточно второстепенное отношение к этому вопросу. Существовали другие центры, где иностранцев было больше, которыми занимались специальные люди, владеющие богатой информацией. А он курировал Каспийскую флотилию, военно-морское училище, где также были иностранные морские офицеры, проходящие непродолжительную стажировку — от шести месяцев до года. Из их числа Угрюмов и предложил кандидата для участия в нашей операции. Для непосвященных отмечу, что за столь короткий срок обучения очень сложно узнать человека, иностранного офицера, обратить его в «нашу веру» и быть в нём уверенным. А уверенным в нём надо было быть больше, чем на двести процентов. Иначе мы сами превратимся в «объект разработки» и станем пешками в чужой игре.

Автор: Уместно будет прервать Сергея Ивановича, для того чтобы вспомнить речь И. В. Сталина, произнесенную в День работников госбезопасности, в декабре 1952 года, касающуюся этой темы. *«В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжелые провалы. Идти в лоб — это близорукая тактика.*

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств — это будет ненадёжный

агент».

Одним словом, кандидатура, предложенная Германом Алексеевичем, оказалась вполне надежной, с его участием мы провели операцию, и, как говорят казённым суконным языком, «был достигнут конкретный положительный результат». Нам требовалось выяснить планы и намерения агента, степень его осведомленности, круг связей в нашей стране и за рубежом, нанесенный им ущерб. Это гораздо важнее, чем взять с поличным и устроить политический скандал. О деталях операции, разумеется, умолчу, поскольку в подобных делах срока давности не существует: где огласке предаются детали в действии спецслужб, там ставятся под угрозу конкретные живые люди. У нас, как и у врачей, первая заповедь звучит одинаково: *не навреди!*

Герман Алексеевич умел работать по нескольким линиям. В следующий раз мы с ним встретились в Москве, в гостинице «Пекин». Теперь он, в свою очередь, вёл подобную разработку и принимал, как всегда, достаточно нестандартные решения в разработке деталей операции. В Центре посчитали, что его план неосуществим, оторван от реальных возможностей, вызвали его «на ковёр» и подвергли резкой критике. Тем не менее он свою точку зрения не изменил. И буквально через год, в ходе дополнительных мероприятий совершенно другого органа спецслужб, выяснилось, что Угрюмов был прав.

Если его в какое-то время заинтересовал сотрудник с задатками профессионализма, он в дальнейшем отслеживал его судьбу: вырос ли его потенциал, профессиональный уровень — или же у него произошел сбой и ему еще надо профессионально расти? И если чувствовал, что этот человек надежен, что он ему нужен, то помогал решить довольно сложные кадровые вопросы и «перетаскивал» его к себе, формировал команду, я бы сказал даже — школу.

Николай Алексеевич Медведев:

Принципиально важно отметить, что, работая под его началом, мы твердо знали, что работаем не в «корзину», что работа наша небессмысленна. Помнишь рассуждение Достоевского в «Записках из Мертвого дома», когда он пишет, что самое тяжкое наказание для заключенных — это бессмысленная работа? Заставь их целый день перетаскивать кучу песка с одного места на другое, а потом обратно — и многие попросту свихнутся. А вырубить баржу изо льда — хоть и тяжелее работа, но она имеет смысл, поэтому не подавляет разум и даже вдохновляет. Даже зэков подневольных!.. Что уж о нас говорить.

От него в Москву, в Шестой отдел, информация шла валом.

Когда я приезжал на Лубянку, многие говорили:

— Ну, ваш Угрюмов дает! Засыпал нас информацией. Откуда у него такая осведомленность? Наверное, ухо мохнатое…

Прозвали его Мохнатое ухо. Он знал об этом и не обижался, посмеивался только.

Иван Андреевич Ч-в:

Шесть лет мы вместе служили в Баку, почти год в Новороссийске, потом его назначили на Тихоокеанский флот, он пригласил туда и меня. Я с уверенностью ехал за ним, поскольку если Герман Алексеевич сказал, то всё будет сработано по полной программе. Без сучка и задоринки. Ты только будь готов целиком отдаться службе, долгу, работе, которой посвятил свою жизнь. На Лубянке знали, что Угрюмов никогда не приглаживает факты, а работает по принципу: получил информацию, проверил ее и доложил. С полученной информацией надо работать — проверить и перепроверить, а не торопиться «булькнуть», чтоб тебя наверху заметили: ах, какой он оперативный!.. Этим азам нас учил Герман Алексеевич. И если он проводил совещание, то оно было и поучительным, и показательным, и игровым, и мозговым штурмом, и юмор в нём присутствовал, и кто заслуживал — перцу под хвост получал…

Мы видели, что руководящий механизм настолько отработан, что надо выложиться, из кожи вылезти, чтоб ему соответствовать. А задавали тон тот же Герман Алексеевич, тот же Николай Алексеевич Медведев, прекрасный педагог и воспитатель. Поставленную задачу надо было выполнить не натянуто, не через силу, а творчески и добросовестно.

Николай Алексеевич Медведев:

Он умел держать удар, умел принимать решения, принимать вызов. Он умел просчитывать ходы противника наперёд и работать на упреждение. В контрразведывательной работе он словно руководствовался золотым правилом *айкидо*: убереги себя от ударов и удержи противника от их нанесения. Мы все чувствовали в нём спокойную уверенность, которая передавалась и нам. Если Герман сказал «да», значит, так и есть. И потом — сказав «да», он никогда от своих слов не отказывался. Знали точно: если решение им принято — значит, всё взвешено, продумано, проанализировано. Можно спокойно работать.

Ну, ладно, приведу один показательный пример по проведению операций. Я получаю информацию, что кое у кого «за речкой» проявился повышенный интерес к нашему складу вооружений. Скажем так: вот стоит наше училище, а через дорогу

— самый большой на Каспийской флотилии склад вооружений. Неведомо почему у иностранцев вдруг возникло подозрение, что на этом складе хранится ядерный боезапас. И они бросили довольно значительные силы, для того чтобы получить точную информацию — подтверждающую либо опровергающую этот, так скажем, слух из агентства ОБС (одна баба сказала). Между нами: не было там ничего подобного! Никаких ракет, тем более — ядерных боеголовок к ним. Мыши были, ракет — не было!.. Их спецы в аналитическом отделе даже по косвенным данным могли просчитать, что русские не такие идиоты, чтобы в Баку размещать боеголовки с ядерной начинкой. Коль они так шибко заинтересовались — значит, на этом можно сыграть. И сыграть красиво! Мы, используя их интерес, можем выявить тех людей из иностранных граждан, которые связаны со спецслужбами и тайно занимаются сбором секретной информации. Надо сказать, в организационном плане наладить такую непростую работу по выявлению указанных лиц чрезвычайно сложно. Герман говорит:

— Давай сделаем так. Я выхожу на командование округа ПВО, там ребята понимающие, они меня знают, договоримся. В определённое время по этой дороге проедет пара зачехлённых машин — как будто там, в кузовах, находятся ракеты. Время подберём такое, чтоб в училище была большая перемена. Расставим где надо своих людей и посмотрим, у кого штаны наскипидарены, а у кого спина задымится…

Мы связались с местным ГАИ, с командованием ПВО, чтобы прошли машины именно с их номерами, закамуфлированные под соответствующий груз, нарядили и расставили своих «наружников» и стали ждать. Комбинация интереснейшая! Середина дня, едут милицейские машины с мигалками, городской транспорт уступает дорогу, за «гаишниками» — два мрачных зачехлённых грузовика, в кабинах справа от водителя — офицеры со свирепыми мордами, сзади опять «гаишники» с мигалками — словом, устроили классический балаган. Но поди разбери, коль всё на полном серьёзе! Чисто сработали, без блефа!

Дальше проще пареной репы: наши люди засекли — кто занервничал, кто к кому побежал, что доложил — «et cetera», как говорят французы и как любил говорить Александр Сергеевич Пушкин в конце незавершённой фразы. Мы не дали «делу» хода, поскольку все нити пока уходили в нети. Выждали, пока «казачки» сами проклюнутся, и дождались: именно те люди, которых мы подозревали, сами себя изобличили. Они начали целенаправленно выяснять: а что было в этих грузовиках? Стали проявлять агентурный интерес к персоналу — к ВОХРу, который охранял этот склад вооружений, искать обходные пути для

получения секретных сведений по «ядерному» бакинскому вопросу.

Мы набрали тогда информации — под самую штангу, битком!.. А принцип-то древнейший: если хочешь изобличить вражеского агента — создай ему такие условия, чтобы он себя проявил. Условия нами были созданы. Герман Алексеевич этим мастерством владел исключительно. И работал не так, что, мол, давайте мы что-нибудь такое придумаем — авось кто-то и попадется в нашу ловушку. Не-ет, всё готовится, продумывается, расписывается, просчитывается — и за себя, и за противника. Каждый опер получает свою задачу. Но при этом нужна такая команда, чтобы каждый опер сделал свою работу на высочайшем уровне. А Герман умел подобрать команду — это не только я, это любой другой тебе скажет, кто с ним работал. И все эти люди — по-своему самородки, потому что просто исполнительных «серых мышек» Угрюмов к себе не приближал. В работе для него был наивысший шарм — инициатива с перспективой оперативного развития. Конечный итог — положительный результат, как скромно говорят в нашей «конторе».

Я сказал, что у нас было двойное подчинение: по линии ВМФ нас курировал 6-й отдел на Лубянке, по линии разведработы — 3-й. Приезжает комиссия из 6-го отдела: та-ак, боеготовность, сохранность оружия, утечка информации и прочее. Приезжает другая — из 3-го отдела: проверка на предмет эффективности разведдеятельности, наши позиции среди иностранцев и т. д. Непременно были и люди из ПГУ. Так вот, Герман всегда старался объединить разные направления нашей работы и проводить комплексные мероприятия. Вот это то, чему надо учиться молодым чекистам! Комплексное мероприятие — сложная и интересная вещь. Для того чтобы достигнуть задуманного результата, надо провести большую подготовительную работу, создать такие условия, чтобы противник себя как-то проявил, обнаружил, предоставить ему такую возможность…

Еще один пример его потрясающих знаний. Одна иностранная спецслужба загорелась желанием получить информацию о нашей технике вооружений — речь об известных теперь «Каспийских монстрах», экранопланах. Я пришел к Герману Алексеевичу:

— Клюнули на нашу подставу!

Мне удалось подставить им молодого офицера, которого они «завербовали» и теперь считали, что он у них в руках. Он отвечает:

— Добро. Мы им сами устроим «утечку информации». Пусть

ребята порадуются, что не зря работали.

И он подготовил кипу бумаг со штампами «Секретно», «Совершенно секретно», через типографию сделал какую-то «документацию» — выставочно, с картинками… Наш парень передал всё это своим «хозяевам». Мы контролировали дальнейший процесс: приняли за чистую монету! Так это ж нужна ума палата, чтоб такое сочинить: ведь там не «чайники», а военная разведка, уж зёрна от плевел они должны были отличить. Потом мы проверяли через внешнюю разведку — ПГУ подтвердило, что да, охотой за «монстрами» занималась группа, состоящая из стольких-то действующих разведчиков.

Автор: Очень поэтично описал экранопланы *Максим Калашников* в книге «Сломанный меч империи». Процитируем его для наглядности — что же это за Wunder-Waffe (чудо-оружие) и почему за его секретом охотились наши противники.

«Первым об экранопланах задумывался Роберт Бартини, советский авиаконструктор с трагической судьбой. Проектировал такие машины и Александр Липпиш, талантливый гитлеровский инженер. В 70-е и 80-е годы имперские конструкторы далеко обошли Запад в разработке аппаратов с динамическим способом передвижения — экранопланов и кораблей на воздушной подушке (КВП). Первыми в серию пошли военные КВП, предназначенные для высадки десантов русской морской пехоты.

…Экраноплану не грозят притаившиеся под поверхностью вод и на отмелях мины. Он недосягаем для торпед с подводных лодок. Зато он сам, обладая скоростью 300–400 вёрст в час, нагонит и уничтожит глубинными бомбами даже самую быстроходную подлодку. Экраноплан может нести противокорабельные ракеты и мины, нанося удары по вражеским эскадрам. Проектировался аппарат, способный перебрасывать уже целый батальон морских пехотинцев со всей техникой и вооружением на несколько тысяч километров со скоростью 600 км/час».

Максим Калашников приводит тактико-технические данные воплощённых проектов и гениальных конструкторских разработок, оставшихся на бумаге из-за развала СССР и прихода к власти «демократов». После того как с «Каспийских монстров» была снята завеса секретности, в городе Каспийске побывал американский конструктор экранопланов Стивен Хукер, глава фирмы «Аэрокон», плотно работающей с военным ведомством США. Затем он посетил несколько российских фирм, занимающихся экранопланами. Примечательна его реакция на увиденное: «Они опередили нас на 30 лет!»

Если не больше, господин Хукер, — добавим от себя…

Вице-адмирал Александр Владиславович Жардецкий:

Дезинформация по «монстрам» — тут вы, возможно, не до конца правильно поняли. Или ваш собеседник, не имея права разглашать детали, изложил ситуацию в ужатом варианте, поэтому получилось подобие легенды. Для того чтобы запустить «дезу» противнику, нужно получить на это санкцию у руководства. Существовала специальная инструкция, запрещавшая работникам заниматься дезинформацией без разрешения руководства КГБ. «Деза» по такой сложной технике, как экранопланы, могла проводиться только на плановой основе — через разные источники, с участием ПГУ, ГРУ, 3-го главка и так далее. Руководители Особых отделов на местах имели право решать только узкую задачу с подачи Центра: подсунь им то, что мы скажем.

Подобное возможно лишь в одном случае, когда «деза» должна заставить противника немедленно действовать в определенном направлении и обнаружить себя. Даже если это и легенда, то весьма красноречивая: легенды о человеке заурядном никогда ещё на свет не появлялись.

Но Герман был оперативно грамотным человеком, мозг у него был — мозгом оперативника. Другому надо вдалбливать, разжёвывать, а Герману достаточно было поставить задачу. Как её выполнить — можно и не заикаться, он сам всё организует и доведёт до логического конца. Он не нуждался в мелкой опёке. Как бывший его начальник скажу, что Угрюмов отличался от некоторых оперативников-руководителей лаконичностью в отчётах. Другой сделает с гулькин нос, а рапорт пришлёт, как роман в стихах: вспотел — покажись начальству, пока рубаха не высохла. А Герман Алексеевич докладывал в двух-трёх словах: такая-то операция проведена успешно, результаты её такие-то. А за этими словами могло быть всё что угодно: свалка, стрельба, полномасштабный риск. Потом только мы узнавали о степени сложности проведённых им операций.

Будучи начальником корпусного органа, Особого отдела Каспийской флотилии, он уже в то время практически перерос себя по своим способностям к более сложным операциям. Пожалуй, это не один я понимал…

ЧАСТЬ 2. Противостояние злу

В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано.

Теодор Рузвельт

Глава 4
Между двух огней

Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма… Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы.

Из речи М. С. Горбачева на семинаре в Американском университете в Турции

Герман Угрюмов был прежде всего созидателем — это отмечают все, когда-либо его знавшие. Созидатель мужественен от природы, ибо по Божьему замыслу рождён противостоять злу. Не преодолев его, он не имеет возможности созидать. Разрушители сбрасывают маски и засучивают рукава в двух случаях: когда есть возможность сбиться в стаю или когда они на время приходят к власти. Чаще такое происходит одновременно, либо одно вытекает из другого.

Но чем грандиознее величие первых, тем выпуклее и заметнее ничтожество вторых.

Объявленная гласность началась с политического, литературно-газетного и общественного размежевания, оплёвывания «победителями» в этой борьбе собственной истории, вековых духовных ценностей, унижения русского народа — «народа-раба» (журнал «Октябрь», например, писал о том, что история России настолько противоположна свободе, что русские даже (!) не приняли свободы, которую несли им «сапоги солдат Наполеона…»)*, лукавого «наката» на армию, флот и спецслужбы, свержения «кумиров». «Страна находится в состоянии

разбушевавшейся помойки», — констатировал философ А. А. Зиновьев, проживавший тогда в эмиграции.

Георгий Васильевич Свиридов — великий композитор и не менее великий философ, сделал запись в дневнике, поставив едва ли не самый точный диагноз больной стране: «Размежевание идёт по самой главной, основной линии человеческого бытия — по линии духовно-нравственной. Здесь — начало всего, смысла жизни!». Его рассуждения в ту пору — отнюдь не стариковски желчные, как говорят порой иные либеральные критики, а мудрые и бронебойно-точные — привести здесь считаю просто необходимым. «Так называемое разоблачение зла /…/ давно уже превратилось в смакование, ожесточающее душу самого художника и вернейшим способом убивающее его талант, если он у него есть. В деле смакования достигнуты необыкновенные результаты, поражающие в своём роде изобретательностью и вдохновением, фантазией, в коллекционировании всевозможной грязи, извращений, порока, показа постыдного и т. д. /…/ За всем этим часто скрывается холодный цинизм, исключающий художественное вдохновение и подменяющий его умозрительным изобретательством, не лишённым в своём роде примечательности. Но всего этого — слишком много, это стало однообразным.

Очернение, окарикатуривание Родины, человека, жизни, всего святого, всего чистого. Кажется, можно подумать, что подобные художники — страдальцы и мученики, ничуть не бывало. Чаще всего — это преуспевающие и подчас весьма деловые люди, ловко, бездумно и предприимчиво торгующие своей художественной сноровкой. Прокламируя борьбу со злом, они, в конечном итоге, служат ему!»

С беспрецедентного разгула «пятой колонны», в которую обернулась «четвертая власть», началось неприкрытое и безнаказанное подмывание основ Державы.

Замечательный русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов написал в те дни горькие строки:

Сажусь на коня вороного —
Проносится тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не настигнет рассвет.

Сокрыты святые обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя Победы
Я вынес на теле моём.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Накануне объединения двух Германий, свершавшегося с согласия Горбачева, в городах ГДР на стенах домов писали «юмористический» лозунг «протеста»: «Kohl o Nie!» — «Коль — о, никогда!» Немецкий юмор заключался в игре слов: если прочесть все буквы подряд, то получится «Колония».

После объединения Германии с подачи «лучшего немца» из Ставрополя — один к одному! — возникла ситуация, о которой Иван Ильин писал после Второй мировой войны: «Для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении!..» Но поучительным это могло быть для таких, как Угрюмов, но не для тех, кто уверенной рукой вёл государственный корабль прямо на рифы. Однажды выбрав свой путь, Герман Угрюмов не думал о его длине и подстерегающих опасностях. Он продолжал защищать страну, которая его вскормила, на верность которой он единожды дал клятву. Как же должны были ненавидеть таких, как он, представители тогдашней «передовой интеллигенции»!..

Нескончаемые демонстрации, митинги, пикеты. У здания ТАСС стоят люди с плакатами: «Долой КПСС!», «Сегодня мы у стен Кремля — завтра в Кремле», «Руководителей к ответу, как Чаушеску!», «КГБ и КПСС — мафия!». Корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс сообщает о призывах «взять Зимний дворец и Лубянку». О «Лубянке» без негодующей дрожи в голосе не говорит, пожалуй, ни один пишущий журналист или таковым себя считающий щелкопёр(ша) …

Славно поработала «пятая колонна» на ниве разрушения целостности государства и его безопасности. Следом за «дезинтеграцией империи» начали, по выражению генерала Л. В. Шебаршина, толочь в ступе и саму «Контору Глубокого Бурения». За неполные пять лет сменили семь названий, за восемь лет — одиннадцать руководителей на Лубянке. Герману Алексеевичу пришлось поработать со всеми. А пока…

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

События в Азербайджане нельзя рассматривать вне контекста всех процессов в Закавказье и СССР. Мы работали на прогнозном

уровне, поэтому была поставлена задача: проникнуть в глубокое подполье деструктивных сил — организаций, которые действовали в регионе. Речь идет о боевом крыле НФА (Независимого фронта Азербайджана) и боевых групп, которые выставил Нагорный Карабах. Цель была поставлена следующая: вскрыть их цели и замыслы, перехватить их связи с западными спецслужбами и со спецслужбами стран региона — Турции и прежде всего Ирана. В процессе определенного анализа было принято решение: внедрить нашего источника и начать долговременную контртеррористическую операцию.

Я отрабатывал его легенду, отвечал за его внедрение в глубокое подполье. Первоначальный этап — внедрение, второй — активное использование для добывания информации, которая бы представляла интерес для руководства страны, для подразделений, работавших в регионе. Прежде всего информация должна быть упреждающей. Разумеется, операция суперсекретная. Знали о ней лишь два человека — Герман Алексеевич и я. Были подключены очень хорошие наши специалисты — те подразделения, которые обеспечивают нашу работу. Приехали из Москвы три группы наружного наблюдения, о которых никто не знал и не должен был даже догадываться. Прибыли две бригады технических специалистов, которые снабдили нас оперативной техникой. Все эти силы обеспечивали работу одного лишь источника: его работу, его безопасность, его проверку.

В результате операции, когда мы ее завершили, в общей сложности было арестовано 27 человек, в том числе один из известнейших лидеров НФА Нимат Панахов. Мы получили абсолютно достоверные данные, что Нимат Панахов в течение полугода, до того, как начались кровавые события в Азербайджане, проходил специальную подготовку в Иране, в одном из медресе. На самом деле там базировалась разведшкола одной из спецслужб. Он прошел подготовку и практически был куратором создания военного крыла НФА, деятельность которого была направлена на отделение республики от СССР. Повторяю: сведения мы получили абсолютно достоверные. Мы получили массу информации о действиях деструктивных сил, которые работали на развал Союза, на обострение ситуации в регионе. Была получена информация о плане развала СССР.

Это был наш канал получения информации, и мы никак не умаляем деятельности других подразделений — в том числе и ПГУ (внешней разведки). Уверен, что они получали ту же информацию по своим каналам и докладывали о ней Генеральному секретарю через Председателя Комитета. Надлежащей реакции руководства страны не последовало.

Кто бы сейчас ни говорил, что, мол, у нас были другие цели: реформировать систему, властные структуры, усовершенствовать и перестроить общественные отношения и тому подобное, я скажу, что все это либо чушь, либо ложь. Повторюсь опять: **мы получили план развала Советской Державы**. Развалить Советский Союз, ослабить, столкнуть между собой народы, которые десятилетиями жили в братстве и добрососедстве, создать конфликтные ситуации между республиками. В нашем случае — между Арменией и Азербайджаном, используя фактор анклава — Нагорного Карабаха и Нахичеванской АССР.

Автор: 1987 год. 17 октября в Ереване прошла многотысячная экологическая демонстрация, закончившаяся митингом, на котором выступили известные люди Армении: С. Капутикян, М. Маркарян, З. Балаян и другие. Демонстрация и митинг, по существу, были лишь заявлены как экологические.

18 октября в Ереване опять состоялась многотысячная демонстрация, посвященная теперь уже земельному конфликту в селе Чардахлу в Нагорном Карабахе. После ее разгона милицией на площади остались клочки от разорванных портретов Горбачёва.

1988 год. 12 февраля в НКАО началась волна митингов за воссоединение с Арменией.

13 февраля. Массовая демонстрация в Степанакерте за присоединение Нагорного Карабаха к Армении.

16 февраля. Непрерывный митинг с той же «повесткой дня».

17 февраля. Пленум ЦК КПСС. Главный вопрос — «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению». О Нагорном Карабахе говорили разве что в кулуарах. Главная и самая жгучая новость дня: Борис Ельцин освобождён от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

18 февраля. В Баку появились первые беженцы-азербайджанцы из Армении, что всколыхнуло не только столицу республики, но и практически весь Азербайджан.

20 февраля. Сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской области приняла решение просить Верховный Совет Азербайджана, Армении и СССР — «решить вопрос о передаче НКАО из состава АзССР в состав АрССР».

Решение стало началом о ф и ц и а л ь н о г о конфликта между двумя соседними республиками.

21 февраля. В Ереване состоялся первый митинг поддержки НКАО. В Степанакерт прибыли кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС Н. Демичев и Г. Разумовский, которые встретились с первым секретарем обкома НКАО Г. Погосяном.

25 февраля. Состоялся телефонный разговор М. Горбачева с Г. Погосяном. В Ереван введены войска.

27 февраля. Погромы в Сумгаите. Погибли 32 человека, более 400 ранены. Разграблено около 400 квартир, сожжено более 50 объектов соцкультбыта.

Николай Алексеевич Медведев:

Баку был очень многонациональным, дружным городом. Но когда началась сумгаитская резня, все пошло вверх дном. Власти немедленно обратились к войскам, к органам безопасности. Решили послать туда самых надёжных — в том числе и по линии спецслужб. КГБ Азербайджана работало; тем не менее был сформирован временный Особый отдел, скомплектованный из числа офицеров военной контрразведки.

Мы попали в самое пекло — вошли в Сумгаит прямо в день резни. Наш батальон курсантов Каспийского училища вошел в Сумгаит прямо в пик событий. Без оружия!

Баграт Рафаэлович Князчан:

Началось с того, что два «ишака» — армянин и азербайджанец — подрались и азербайджанец был убит. Случилось это на границе Нагорного Карабаха и Агдамского района. Пролилась кровь — ответом стал сумгаитский погром. Там арматурные заточки (мы знали даже, на каких заводах их делали) раздавались сотнями. Убивали людей по спискам, по адресам. Выбрасывали с верхних этажей, стаскивали в кучи, обливали бензином и сжигали. XV век!.. У меня в НЗ на складе были черенки от БСЛ — большой саперной лопаты, больше 20 тысяч черенков. Из Москвы приказ: оружие не применять! Герман сказал, чтобы я выдал курсантам эти черенки — хоть чем-то защищаться!.. В Сумгаит отбыли офицеры и курсанты — человек триста, снимали и часть экипажей с кораблей флотилии. Моя задача была — организовать походные кухни, питание. Я-то приезжал-уезжал, а Герман там находился с первого дня. Весь его аппарат Особого отдела там побывал. Такую ораву сразу успокоить — где там!.. Много было в толпе «нашахоров» (анашистов) — у них глаза на лбу и абсолютный беспросвет во взоре!..

Сумгаит сумели усмирить: 4-я армия, стоявшая в Баку, пришла туда с техникой — это уже серьезно. Народный фронт потребовал: войска пусть остаются, но БТРы уберите и уберите этих «чёрных» — моряков то есть. Морячки наши и курсанты там себя показали с наилучшей стороны, действовали жёстко и решительно.

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

Вся ответственность за наведение порядка в Сумгаите легла на Германа Алексеевича, все указания поступали от него. Мы ввели комендантский час, на БТРах разъезжали по городу, проводили зачистки, проверяли документы. Впечатление от всего этого жуткое. Ну, этот негодяй зарубил армянина, своего соседа, мне как оперативнику надо было его взять и доказать его вину, документально оформить его признание. И это — в той ситуации, когда весь город пылал. Нормально мыслящий человек может это хотя бы представить?..

Нам и войти туда было непросто: везде на въезде стояли блок-посты, возникшие стихийно, — давить их, что ли?.. Обыкновенные люди, обезумевшие только. Но мы всё-таки вошли в город. А кушать-то хочется! И Герман лично, на своей машине начальника Особого отдела Каспийской флотилии, привозил нам еду. Загрузит термосы с горячей пищей, хлеба побольше — и к нам. Мог бы и приказать — было кому приказать. Нет, ехал сам!

Тогда еще присутствие военных само по себе было отрезвляющим фактором. Но весь взбаламученный город разом не отрезвишь. До прихода войск мы находились в Сумгаите четверо суток.

Патрулируем. Схватили мародёров или насильников, свезли их в одно место, задокументировали, провели фильтрацию — выяснили личности, их адреса, передали сведения в МВД Азербайджана, отпустили. Потом снова ловили этих же подонков… Там многое покупалось-продавалось, против чего мы были бессильны.

Примерно за год до этого мы прогнозировали эти события — в привязке к Нагорному Карабаху. Мог быть не обязательно Сумгаит. Но почему полыхнул именно он? Это самый промышленный город в Азербайджане, там плохая экологическая обстановка, промышленность в основном химическая. Туда выезжали люди, отсидевшие в тюрьмах и лишенные прописки в других регионах республики. Бывшие зэки — основная масса населения. То есть питательная среда уже существовала. Тем не менее для меня это был шок, как для человека, исповедующего братские чувства к любому другому народу: люди, которые вчера еще сидели за одним столом, вместе справляли праздники, дни рождения, обнимались при встрече, вдруг сцепились так, что одни начали убивать других — тех, кого вчера ещё при встрече обнимали и говорили ласковые слова.

Николай М., участник событий:

В Сумгаите всё было страшно. Многотысячная толпа на главной городской площади между Дворцом культуры и зданием горкома партии бурлила и не собиралась расходиться. В тесных дворах откупоривались бочки со старым вином.

Одновременно группы обкурившихся анашой людей шастали по дворам, пока вдали от центра, выспрашивали, где живут армяне. Уже случалось, что выламывали двери, врывались в квартиры, грабили, насиловали, убивали.

У нас были автоматы и по 20 холостых патронов. Наш капитан предупредил, чтобы и ими стреляли только в воздух и только в случае крайней необходимости. Главное наше оружие — дубинки и локоть друга. Самолет наш приземлился в местности с некавказским названием Насосная. Загрузились в автобусы, а водителей нет: сбежали вместе с ключами. Ждём. Наконец какой-то начальник принимает решение:

— У кого есть водительские права — за руль. Зажигание замкнуть напрямую. Я отвечаю.

Едва въехали в город — остановились. Улицу запрудила толпа, не пропускает. Первый автобус сигналил-сигналил, потом медленно тронулся, надеясь раздвинуть толпу…

Началось так: кто-то первым кинул булыжник в ветровое стекло нашего автобуса, третьего в колонне. И понеслось! Толпа плотно обступила автобусы и давай бить окна, стараясь руками, железками дотянуться до нас.

Это, наверное, и есть крайний случай.

Я дергаю затвор и даю короткую очередь над головами. Мгновенно отхлынули, остолбенев. Мы быстро выгрузились и начали оттеснять толпу.

Вдруг позади что-то грохнуло стеклянно и обдало жаром. Я оглянулся — наш автобус изнутри горит.

Потом я видел их зажигательные «гранаты» — изымали при обысках. Наполненный бензином 250-граммовый пузырек с делениями — моя сестра такие в детской молочной кухне получала — заткнут пробкой, залитой лаком. К пузырьку изолентой примотан небольшой, сантиметров десять, кусочек шахтного бикфордова шнура. Но были и пол-литровые бутылки, и «огнетушители» из-под шампанского. Словом, встретить нас готовились основательно.

…Первым упал Сашка из Кургана. Стоял в цепи рядом со мной. Я даже не понял, что с ним случилось. Лицо его стало белым, белее мела, и застыло какой-то неподвижной маской. Только рот широко открыт и хрипло хватает воздух. И помочь не могу! Орущая толпа, готовая растерзать, стоит вплотную. Мы чуть сдвинулись, закрыв его цепью, и начали давить на толпу. Потом

еще двое ребят из моего взвода упали. И тут в толпе кто-то крикнул:

— Да у них холостые патроны! Бей их, гадов!

Нас то есть. Стало очень серьезно. Дубинки оказались лишь помехой, болтались на тесьме. Мы теперь спасали себя сами: отбивались прикладами автоматов, ногами, тычками стволов в оскаленные физиономии.

Нас оттеснили. Мы уходили, унося раненых ребят.

Потом выяснилось, что «демонстранты» были вооружены кусками заточенной арматурной стали и проинструктированы. Они всаживали свои заточки снизу вверх, под обрез бронежилета, едва лишь появлялась такая возможность. За два дня наш полк потерял 96 человек ранеными. Слава Богу, убитых не было…

Толпа зверела, чувствуя не столько свою силу, сколько безнаказанность. Зверела, зная, что у нас холостые, да и те кончились… Зверела, зная, что в сумгаитской милиции только один милиционер — армянин, который на дверях горисполкома стоит.

Может быть, главное, что мы сделали, — это отвлекли злобу толпы на себя. Об армянах вроде забыли. Нас же — всего полк безоружных солдат на громадный взбесившийся город.

Генерал-лейтенант Краев, армейский начальник штаба Южного направления ЗакВО, которого после введения военного положения назначили военным комендантом города, увидев развитие событий, взял ответственность на себя… И очень сильно нам помогли братишки из Каспийской флотилии, которых тоже бросили в Сумгаит. Действовали чётко, решительно, погромщики их боялись и прозвали «чёрной смертью» — прямо как немцы наших моряков во время войны.

Армян в городе оказалось тысячи полторы, их собрали на площади, оцепили морской пехотой и охраняли круглосуточно. Банк и сберкассу тоже отстояли. Окна, правда, не уцелели. А ситуацию переломили лишь кровью.

…Вакханалия раскручивалась по всем законам вакханалии. Наша беспомощность их ободряла. Многие мужики в толпе уже не обращали внимания на то, что подошли морские пехотинцы и срочно переброшенное подразделение бакинской милиции. Рвут на себе плащи, рубахи:

— Стреляй, русская скотина!

На перископы БМП набрасывают тряпьё, молотят по броне железяками, вопят. Оскорбления — градом. И это — простые работяги и их жёны. Уголовники же «делом занимались» — грабили квартиры.

А отрезвели они вмиг, когда БМП, после многократных

предупреждений по мегафону, двинулись вперед, прямо на толпу — по проезжей части дороги, как и положено. Отрезвели, когда увидели, что армия — это серьезно. Шесть человек, попавших под гусеницы, были размазаны по асфальту…

К ночи по городу отловили человек 400–500, наиболее злобствовавших, передали особистам. Те непонятно когда спали. Не желавших утихомириваться сгребли на городской стадион. Утром начали проводить идентификацию, фотографировать задержанных. Но этим уже занимались люди, прилетевшие из Москвы и приехавшие из Баку.

Спасённых армян спрашивали, куда они хотят выехать на жительство, просили назвать знакомых, которые могли бы их принять, и отправляли туда. Удивительно, что все армяне просились в Россию — в основном в Краснодарский край, в Ростовскую область, в Чалтырь — есть такой армянский поселок под Ростовом. И ни один не захотел ехать в Армению!

И второе. Парни из Особого отдела и следователи из Москвы просили их анонимно (никто не узнает!) назвать людей, участвовавших в погромах. И ни один не назвал! «Нэ видэл…» — и всё тут. Хотя многие, конечно, знали. Многих грабили их же соседи.

Когда ж построили всю сумгаитскую милицию — Бог ты мой, вот это «войско»!.. Фалды пиджаков не сходятся, животы, как астраханские арбузы, морды, как говорится, с похмелья не об….шь. Ни один из этих «рейнджеров» не сделал даже выстрела в воздух.

Наши ребята все выжили, но многие остались калеками на всю жизнь.

В начале апреля нам прибыла замена из десантников, наш полк возвратили в казармы.

Журналист Анатолий Мостовой:

В ЦК КПСС первое сообщение о беспорядках, несколько смягчённое, по традиции, поступило в тот же день. Сначала в оперативной сводке МВД СССР за сутки, а через несколько часов — особо, по каналам КГБ СССР. Генеральному секретарю доложили через час. К этому времени папка для доклада разбухла от прогнозов специалистов КГБ и МВД, которые знали на примере Новочеркасска, Ферганы, Алма-Аты возможную динамику развития ситуации. В сводке сообщалось о первых девяти убитых, о массовых погромах, о беспомощности и бегстве местных органов власти, из чего следовало, что процесс развивается лавинообразно, приобретает необратимый характер.

Специалисты из Управления по защите конституционного

строя КГБ СССР настаивали на незамедлительных адекватных мерах. Они знали, что такое прецедент и какова его провоцирующая роль на населённом сотней племён Кавказе.

М. Горбачёв, получив информацию, связался с Баку. Чувствовалось, что он не хочет брать на себя ответственность за принятие решения. И тем более за возможные последствия.

— Я думаю, азербайджанские товарищи сами справятся, — вынес он вердикт. — У них достаточно сил и средств.

Очередная сводка пришла в Кремль утром 28 февраля. Не менее 20 убитых. Погромы приняли массовый характер. В них втянуто почти всё население. Местные органы власти не в состоянии взять ситуацию под контроль. Председатель горисполкома, первый секретарь горкома, начальник милиции сбежали — выехали в неизвестном направлении. Власти в городе нет.

Эта информация поступила из сумгаитского городского отдела КГБ. Только КГБ ещё выполнял свой профессиональный долг, хотя начальник отдела и большинство сотрудников были азербайджанцы. Но это были люди, побывавшие в командировках в первых горячих точках Союза. Да и в Афгане. Они знали цену национально-криминальной свободе.

Лишь тогда М. Горбачёв решился хоть на какие-то действия. Министру внутренних дел было отдано распоряжение: принять меры по локализации и ликвидации очага конфликта. Председателю КГБ — обеспечить содействие имеющимися на месте силами и средствами.

Николай Алексеевич Медведев:

Политическое руководство страны, по существу, предало и армию, и спецслужбы, и сам народ. Спецслужбы — это инструмент любого государства. Но мы-то свою работу выполнили — и выполнили на отлично!.. За два-три месяца до сумгаитских погромов мы получили упреждающую информацию. На ранней стадии конфликт можно было пресечь! Набрали такое количество материалов — Бог ты мой! Потом сидели у Германа в кабинете и нарисовали здоровенную «простыню». Эта карта была вся испещрена квадратиками, цепочками, обозначениями связей между организациями, лидерами, партиями и так далее. Передали все это в КГБ Азербайджана и, разумеется, срочно доложили в Москву. В Центре проявили большую заинтересованность и даже прислали специально сотрудника центрального аппарата для того, чтобы он ознакомился с нашими материалами на месте.

Мы получили данные, что в подготовке грядущих

беспорядков принимают участие достаточно заметные в республике люди. Потрясающие данные были получены! Когда мы с Угрюмовым приехали в КГБ Азербайджана, в приемной председателя Комитета развернули нашу «простыню», развязали тесемки на папке с документами — у всех присутствующих, как в то время выражалась молодёжь, сделались «глаза по семь копеек»… Оригиналы документов мы оставили азербайджанским коллегам. Владимир Александрович Крючков, Председатель КГБ, объявил нам благодарность.

Как распорядились нашей информацией — неизвестно, но что она была доложена Горбачёву — в этом сомневаться не приходится. Но Комитет уже шатался: на КГБ отечественные СМИ вылили столько грязи к тому времени: «гебилы», «потомки кровавого Феликса», «наследники Лаврентия Павловича» — и тому подобная мерзость.

Роль западных разведок в организации беспорядков была не просто большая, а великая. Разумеется, при полном попустительстве политического руководства, которое создало в стране ситуацию, ставшую «питательным бульоном» для их работы. Фигурально выражаясь, стране задрали подол — как говорил когда-то Лазарь Моисеевич Каганович: «Задерём подол матушке-России!..» Таки задрали! «Засланными казачками» были арабы, а к арабам азербайджанцы всегда относились с уважением. Они все были фарцовщики, у них была валюта, они посещали злачные места, были знакомы с лидерами Народного фронта. Добавлю, что отличить в таких условиях фарцовщика от агента было очень сложно. Нам важно было иметь своих людей среди иностранцев. И мы получали данные, что в рамках такой-то общественной организации с безобидным названием, зарегистрированной на законном основании, происходят такие процессы, которые могут привести к сильнейшим общественным потрясениям.

Мы сразу доложили об этом в Третий главк, писали и напрямую Крючкову и его заместителю. Называли это *адресовками* — вроде служебной записки. Герман плотно общался и с ГРУ. ГРУ — организация весьма серьёзная, где дураков не держат, — по своим каналам тоже получало подобную информацию. Так что со своей стороны мы сделали всё, чтобы кровь в Азербайджане не пролилась. *Сумгаитских погромов могло не быть.*

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

В Сумгаите события начались вечером, около семи-восьми часов, а в 22 часа часть нашего подразделения уже была там —

наши сотрудники Особого отдела, курсанты военно-морского училища (Сумгаит от Баку недалеко). Приехали, зашли в горком партии. От нас требовалось открыть полевой Особый отдел в тех условиях.

Первая задача — безопасность войск, вторая — докопаться до механизма событий, до причин, найти инициаторов резни, провокаторов — особо усердных, выявить убийц, мародёров. Город уже полыхал. Громили квартиры, убивали, сжигали, не жалели ни стариков, ни детей. Курсанты — с черенками от лопат, моряки — даже офицеры — без оружия: категорический запрет Москвы. Личное оружие было только у особистов. Как уже было сказано, этот рукотворный ад расценили в Кремле как мелкое хулиганство. Мол, само присутствие военных автоматически положит конец резне. Лихое решение… Мы работали на сдерживание эмоций: убеждали толпу, где надо — вставали стеной и не пропускали к объектам.

В Сумгаите я пробыл три недели. Герман Алексеевич приезжал туда, связь с ним была постоянной, он был в курсе не только событий, но и деталей. Приехав, оставил за себя старшего — своего заместителя Николая Алексеевича Медведева. Под его руководством мы там и работали.

Я не могу сказать, что бойня началась стихийно, но фактор толпы был использован на все сто процентов. Это был горбачёвский период митингов и демонстраций. Где-то они проходили мирно, выдвигались требования, шествовали с лозунгами, транспарантами. Коль провозгласили демократию — значит, народ имеет право собираться, митинговать, потребовать что-то от руководства. А руководство должно выйти к народу, отчитаться перед ним, вникнуть в его проблемы и пообещать эти проблемы решить. Я считаю, что никто в руководстве страны не осознавал последствий того, что происходило на улицах и площадях городов.

Провокационные заявления известных людей вроде академика Сахарова или академика Аганбегяна давали мощнейшую подпитку деструктивным силам, а через них — и массам. Абел Аганбегян, например, дал пространное интервью одному из иностранных агентств, в котором сказал, что пора пересмотреть границы Нагорного Карабаха, что Карабах должен принадлежать Армении. В то время это означало бросить горящую спичку на территории бензоколонки.

В Армении сразу заговорили о геноциде армян 1915 года (хотя к азербайджанцам это не имело отношения, но народ «заводился»), стали вспоминать, что Баку как город был построен «армянскими руками», равно как и Сумгаит, а далее всё пошло

само собой. Санки с горки надо только столкнуть, дальше они сами покатятся…

Отдадим должное и азербайджанцам: они народ терпеливый; сначала они не поддавались на провокации, роптали, митинговали, расходились — как и все, пользовались горбачёвской «свободой».

После выступления Аганбегяна начались митинги и в Нагорном Карабахе, и в Армении. Причем митинги с оскорбительным тоном в адрес азербайджанцев, вроде: «Почему я перед каким-то Мустафой должен отчитываться?!» Слово за слово, дрыном по столу…

В Сумгаите всё тоже началось с митингов. Перед собравшейся толпой появился первый секретарь горкома партии, попытался народ успокоить. Но толпа разогревается (её разогревают). Звучит вопрос об армянах: а что они говорят про нас там, в Нагорном Карабахе?! Секретарь видит, что страсти накаляются, что он ситуацией уже не владеет, и говорит, мол, хорошо, я сам встану во главе колонны, и мы пройдём по улицам маршем протеста. И началось это шествие. В результате ситуация вышла из-под контроля: по дороге начали громить квартиры армян — как бы стихийно. Экстремисты умело подогревали толпу.

Фактор толпы всегда играет отрицательную роль. А уж когда зверства начались — тут и подогревать никого не надо: всё!..

Для всех нас это был сильнейший психологический удар, хотя, повторяю, мы владели информацией. Но владеть информацией — одно, а видеть все это!.. На третий или четвертый день прибыл полпред ЦК КПСС Демичев вместе с Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Демичев выступил перед многотысячной толпой — проку никакого. Армянские семьи мы выводили под охраной на центральную площадь, чтобы обезопасить. Напротив горкома был Дворец культуры, между ними — большая площадь. Организовали питание, горячую еду. Привозили армянские семьи и из районов. Погружали на БМП вместе с солдатами и матросами, с нашими оперативниками. По дороге — и камни, и бутылки с зажигательной смесью — всё было… Вытаскивали армян из больниц, из-под ножей врачей-азербайджанцев, которые фактически добивали раненых армян. Мы уже на второй день каждую больницу, морг, операционную взяли под охрану. После того как прошла первая информация, что в больницах раненых добивают, мы срочно поставили заслон врачам-убийцам.

Работали в экстремальных условиях. Впервые было объявлено чрезвычайное положение. Тогда же приняли Закон о чрезвычайном положении. Воинской группировкой тогда

командовал бывший командующий ЗакВО генерал Игорь Родионов, будущий министр обороны России. И что бы ни говорили о нём, что бы ни писали, но я свидетель: им было сделано всё, чтобы не причинить ущерба населению.

В средствах массовой информации прошёл очередной «накат» на людей в погонах: КГБ не справился с задачей, армия провоцирует толпу… Многие статьи были явно «заказные», поскольку писали их люди, побывавшие на месте событий и знавшие истинное положение дел.

Подполковник спецподразделения «Вымпел» Э. С. Абдулаев:

Осенью 1988 года активистам Народного фронта Азербайджана удавалось выводить на центральную площадь до 500 тысяч митингующих. Перед Домом правительства были разбиты палатки, где находились объявившие голодовку. Цель голодовки — вынудить руководителей компартии подать в отставку.

Азербайджанское правительство оказалось неспособным к решительным действиям. Тогда-то и были направлены в Баку спецподразделения КГБ «Альфа» и «Вымпел».

Надели на нас милицейские погоны. Все офицеры в одночасье стали рядовыми. Жили мы в помещении клуба республиканского КГБ, питались в тамошней столовой, и очень скоро нас разоблачили азербайджанские коллеги, с которыми приходилось встречаться в Афганистане. Они сразу поняли, что приехали мы в Баку неспроста.

Слава Богу, что отказались от операции по захвату лидеров в толпе. Нас могли облить кислотой, швырнуть бутылку с зажигательной смесью, начать стрельбу, наконец. А оружия, по оперативным данным, в толпе имелось в достатке. Началась бы такая мясорубка!..

Но одного из лидеров мы все же взяли. Ночью нас подняли по тревоге, погрузили в машины. Правда, не обошлось без казусов. В то время все перекрестки уже контролировались военными. И вот останавливают наши машины: «Пароль!» А мы пароль не знаем. Пришлось под дулами армейских БТРов связываться по рации с руководством. Только проехали один перекресток — на следующем снова пост. И точно такая же процедура. Словом, опоздали почти на час, вдобавок «наводчики» где-то напутали — и мы два квартала, гремя «железом», бежали по каким-то подворотням и дворам к общежитию, где, по сведениям, скрывался лидер НФА.

Окружили общежитие, вскрыли дверь — «Альфа» устремилась вперед. Через несколько секунд вынесли что-то, завернутое в

одеяло, погрузили в машину. Фамилия задержанного была Панахов. Ему определили меру административного задержания на 30 суток, затем он был отпущен. Благодаря ночной операции этот человек сразу стал национальным героем. Потом он, кажется, возглавил подготовку боевиков на территории Ирана.

Автор: Дадим еще немного «отцеженной» хроники событий, происходивших в регионе, дабы проиллюстрировать скупые строки Меморандума и для более полного понимания — в каких условиях приходилось работать Г. А. Угрюмову и его команде. Это будет и иллюстрация преступной бездеятельности кремлевских сидельцев во главе с М. С. Горбачёвым.

Март 1988 г. Смена высшего партийного руководства Армении и Азербайджана («по состоянию здоровья»): И. Демирчяна на С. Арутюняна и К. Багирова на А. Везирова. Образование комитета «Карабах».

17 марта. Постановление пленума Нагорно-Карабахского обкома КП АзССР обратиться с просьбой к Политбюро ЦК КПСС решить вопрос о передаче НКАО Армянской ССР.

20 марта. В Ереване состоялся 200-тысячный митинг в поддержку НКАО.

4 июня. Начало голодовки 11 человек в Ереване в поддержку требований НКАО.

14 июня. Верховный Совет Азербайджанской ССР подтвердил сохранение Нагорного Карабаха в составе своей республики.

18 июня. Принято Постановление Верховного Совета СССР о решениях ВС Армянской ССР и Азербайджанской ССР по спорному вопросу о НКАО. Президиум ВС СССР считает невозможным изменение границ — со ссылкой на конституционную основу национально-территориального деления Азербайджанской ССР и Армянской ССР.

4 — 15 июля. Всеобщая забастовка в Армении.

5 июля. Войска под командованием генерала Альберта Макашова пытались вытеснить бастующих с территории аэропорта «Звартноц» под Ереваном, перекрывших взлетно-посадочную полосу. Один человек убит.

18 июля. Заседание Президиума ВС СССР, посвященное карабахской проблеме.

18 сентября. Нападение армян в с. Ходжалы в ходе «каменной войны». Применение огнестрельного оружия.

9 ноября. Разрешение на строительство домов для армян-беженцев в Хачин Тап (повод для обострения конфликта). 21 ноября строительство прекращено.

16 ноября. В бакинском сквере им. Сабира состоялся митинг

студентов и городской интеллигенции. Всплеск националистических настроений в городе.

17 ноября — 5 декабря. Волна митингов в Азербайджане с требованием или ликвидации НКАО, или предоставления автономии азербайджанцам в Армении. Лидер Народного фронта Нимат Панахов требует от митингующих поклясться, что «ни один волос не упадет с головы армян».

21 ноября. Армянские погромы в Баку, Кировабаде, Нахичевани, Ханларе, Шамхоре, Шехи, Казахе, Мингечауре. Начало массового исхода беженцев из Азербайджана и Армении.

Конец ноября — начало декабря 1988 г. — полная депортация азербайджанцев из Армении (180–200 тысяч человек).

В ночь с 19 на 20 января 1990 года постановлением Президиума Верховного Совета СССР в столицу Азербайджана были введены войска. В результате беспорядков, по официальным сообщениям, «погибли 132 человека, ранено около 600. Ущерб от разрушений составил 5 637 286 рублей».

От себя добавим, что составитель официальной справки в нравственно-бухгалтерском отношении — удивительный человек: убытки подсчитаны с точностью до 6 рублей, а количество раненых округлено до сотни!..

Подполковник Александер Энверович Рамазанов:

В Баку я прибыл в составе милицейского полка внутренних войск, прибывшего из Киева. Разместились мы в пустом и разбитом спортзале какого-то профтехучилища в Разинском районе. Спали вповалку, и постепенно в углу росла гора изъятого холодного оружия, которое бросали в милиционеров, когда они пытались препятствовать этим диким демонстрациям, не давая митингам перерасти в резню. Стены спортзала были изрешечены следами пуль — видимо, это следы нападения на резервистов из Краснодарского и Ставропольского краёв, которые жили там до нас.

Что я отметил про себя. Раньше, в мирное время, если в Баку по улице шёл «чужой» — ну, угадывалось, что это не бакинец, то общительные азербайджанцы могли окликнуть его, спросить — откуда приехал, поговорить — и так далее. И всё это очень доброжелательно. А уж местные, встречая друг друга, обнимались, останавливались, делились новостями, наливали чай по пиалкам… Сейчас же этот тип общительного азербайджанца исчез — словно вымер! Бакинцы не смотрели друг другу в глаза. Бакинец, вчера ещё добропорядочный гражданин, но в этом всеобщем кровавом кураже ставший убийцей, боялся встретиться с глазами такого же убийцы; вчерашний добропорядочный

семьянин, сегодня ставший погромщиком, боялся встречного взгляда такого же погромщика… Я видел десятки разбившихся армян, выпрыгнувших с верхних этажей, чтоб не попасть в руки тех, кто вломился в квартиру.

Общее впечатление от январского Баку 90-го года — это дыхание надвигающейся страшной и огромной беды. Люди, не могущие смотреть в глаза друг другу… Их уже повязала не ненависть к армянам и русским — их повязало преступление: пролилась кровь. Очнулись — а уже поздно! Убив кого-то, человек может проснуться только изуродованным: убийство это до конца дней будет держать его за горло: он — убийца!

Войска в Баку смогли предотвратить главное: уличные бои и *сплошное* кровопролитие. Понимание ситуации, оперативность и крайняя выдержка людей в погонах, тех самых, которых называли «русскими свиньями», «оккупантами», «убийцами мирных граждан» и похлеще, — по большому счёту спасли город от участи древнего Вавилона. Бакинцы — вечные должники у «русских свиней»: военных, спецназовцев, кагэбэшников. Вечные!.. Память бы им только не отшибло.

Глава 5
Стреляющий регион

Мы всё время между двух огней. Сегодня защитили азербайджанцев от армянских боевиков, нас обвиняют — вы, дескать, продались азербайджанцам, завтра помогли армянским жителям — азербайджанская сторона недовольна. Мы ведь исполняем спасительную миссию!..

Полковник В. Скоробогатов, бывший начальник политотдела ВВ в Нагорном Карабахе

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

К началу событий в Баку внутри всех деструктивных сил мы имели прекрасные позиции. Мы внедрились во все их организации, в том числе и в Народный фронт. Знали про них всё: где расположены базы боевиков, их вооружение, квартиры, где они проживали, явки, участников, руководителей. Знал об

этом и КГБ Азербайджана.

Когда после ввода войск в Баку в КГБ Азербайджана состоялось совещание, на котором присутствовал заместитель председателя КГБ СССР Пирожков, сотрудники возмущались: почему не была дана санкция на изоляцию провокаторов, руководителей развала, а прибегли к вводу войск и боевой техники? Ведь мы и без войск могли обезоружить всю их верхушку в результате одной операции! В принципе, это и есть дело спецслужб. И главное, мы бы действовали в рамках существующего законодательства: задержание, предъявление обвинения, арест — вплоть до суда. Доказательная база у нас была богатейшая.

Боевые структуры Народного фронта практически заняли город, перекрыли все трассы, заняли все госучреждения, морской порт. Блокировали аэропорт, пытались занять военный аэродром. Они были вооружены, имели свой арсенал.

Власть от руководства городом, республикой утекала не по часам, а по минутам… А нам не позволяли арестовать зачинщиков этой кровавой смуты. Мы имели полное досье и на Эльчибея, и на Нимата Панахова, и на других активистов. Знали, кто за ними стоит: турецкая и иранская разведки. Кстати сказать, Панахов затем сбежал в Иран. Его, правда, арестовывали после ввода войск, но отпустили.

Заместитель начальника 5-го Управления КГБ Азербайджана Карабаинов (потом он стал генералом, начальником 5-го Управления, затем начальником пресс-центра) встретился с Германом Алексеевичем, и тот предоставил ему полные данные о том, что Панахов работает на иранскую разведку, прошёл там выучку — в том числе и по части ораторского искусства. Что всё происходящее организовывается по заказу и не имеет ничего общего с демократией, свободой слова, правами человека, что идёт целенаправленная работа по дестабилизации обстановки. Карабаинов ответил: «Зря вы волнуетесь. Я побеседовал с Панаховым в изоляторе КГБ — нормальный рабочий парень. Ничего страшного, успокойтесь».

Как должны мы были себя чувствовать? А те десятки сотрудников, которые работали внутри этих подрывных групп и с риском для жизни добывали информацию?..

А как красиво говорил Панахов на митингах!.. Шербет! Рахат-лукум! Рабочие молились на него.

Баграт Рафаэлович Князчан:

Митингование в Баку после Сумгаита тянулось месяцами. Покушения на армян и русских не прекращались в республике и в

столице: поджигали дома, убивали. Допустим, врываются ночью, выламывают двери, насилуют женщин, отбирают ценности, поганят квартиру. Что должны думать соседи-армяне? Естественно, как бы побыстрее уехать. Но на вокзалах билеты армянам не продают, контейнеров не дают… Мне приходилось и добывать билеты, и контейнеры, и сопровождать людей до посадки.

Условия поставлены такие: бросайте всё и мотайте отсюда, тогда не тронем. Случалось и так: по спискам увидят, что грузят армянский контейнер — крановщик его пару раз о землю шваркнет, потом только опустит на платформу. Внутри контейнера — каша из обломков мебели, стекла, посуды.

Было бы еще хуже, если бы не Герман. Он знал всю обстановку, его ребята с площади не уходили. Но что можно реально сделать, если на площади, как минимум, 50 тысяч наэлектризованных людей!.. Только иметь информацию и вырабатывать упреждающие решения.

Пару раз его ребята очищали площадь. Большую помощь оказало местное КГБ. Мобилизовали пять-шесть десятков автобусов (насколько я знаю, это была разработка Германа). На огромной площади ежедневно собиралось от 30 до 50 тысяч человек, а на ночь оставалось у костров тысяч пять. Подъезжали всё время машины, привозили митингующим водку, продукты. И вот: пять колонн автобусов разрезают площадь, милиция и переодетые сотрудники распихивают людей в автобусы и развозят по городу. Несколько раз так очищали ночную площадь. А что дальше: в отделениях переписывали фамилии и отпускали. «А я сижу просто ради интереса» — и докажи обратное…

Только пять постов досмотра я организовал на южном въезде в Баку: на 80-м километре, на 65-м, на 30-м и два прямо на въезде в город. Матросы тогда уже были вооружены. Багажник открывают — водка, палатки, продукты… Водку разбивали, палатки изымали. А везли спиртное ящиками из районов, коровьи, бараньи туши — на пропитание митингующим. Кто-то хорошо все это организовывал, чувствовалась невидимая рука кукловода.

Николай Алексеевич Медведев:

Я бы посоветовал тебе выделить отдельной строкой: Герману Алексеевичу не хватало власти и полномочий для того, чтобы реализовать всю ту информацию, которую органы безопасности имели. И лично он.

Автор: Николай Алексеевич Медведев правильно сказал о нехватке полномочий у тех людей, которые обладали полной

информацией о создавшемся взрывоопасном положении в республике. Вспоминается книга *Антона Ивановича Деникина* «Путь русского офицера», где он рассказывает о смуте 1905 года: «На почве растерянности властей на местах выросло такое явление, не сроднее военной среде, как организация тайных офицерских обществ; не для каких-либо политических целей, а для самозащиты… Мне известны три таких общества. В Вильне и Ковно офицерство ввиду угроз террористическими актами по адресу высших военных начальников взяло на учёт известных в городе революционных деятелей, предупредив их негласно о готовящемся возмездии… В Баку дело обстояло более просто и откровенно: открытое собрание офицеров гарнизона постановило и опубликовало во всеобщее сведение: «В случае совершения убийства хоть одного солдата или офицера гарнизона, прежде всего являются ответственными, кроме преступников, руководители и организаторы революционных организаций. Преступники пусть знают, что отныне их будут ловить и убивать. Мы не остановимся ни перед чем для восстановления и поддержания порядка».

В то время такое жёсткое заявление оказалось более чем действенным. Но — увы! — времена меняются, и Герман Угрюмов в иное время и при других политических обстоятельствах не мог действовать такими же методами… Он действовал другими.

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

Сотни русских и армянских семей до скончания века должны молить Господа о царствии небесном для Угрюмова. У них, конечно, были и конкретные спасители, мужественно отбивавшие их от взбесившейся толпы, а затем сопровождавшие в безопасные места. Но Герман Алексеевич разрабатывал и лично руководил операцией по спасению мирного населения. От него зависело — как слаженно будут действовать другие.

Не забуду 1989 год, когда я получил по своим каналам информацию, что с целью запугивания командующего Каспийской военной флотилией готовится покушение на его сына, который вначале был курсантом Каспийского военного училища, а затем перевёлся в Ленинград. Они нашли его и там.

Я срочно доложил информацию Герману Алексеевичу.

— Быстро в машину, поехали!

Приезжаем к командующему, вошли вдвоём, доложили. Тот схватился за сердце:

— Мужики, это мой единственный сын! Какая от меня нужна помощь?..

Обмозговали все варианты, выбрали лучший, спланировали красивую и надежную операцию. Покушение на сына

командующего не состоялось.

Что ещё мне представляется важным: ещё до начала кровавой свистопляски в Сумгаите и Баку у нас в Особом отделе существовал слаженный, сплочённый коллектив. Старшие товарищи помогали молодым, а не кичились своей опытностью, не стремились в угол загнать. Это ж здоровая атмосфера, способствующая профессиональному росту, подогревающая желание работать и совершенствовать мастерство. О себе скажу: школа, которую я прошёл с ним бок о бок именно в мирный период, очень многое мне дала! И в профессиональном, и в человеческом плане.

И вот когда грянул армяно-азербайджанский конфликт — ведь для всех это было так ново, непривычно, растеряться можно! То, что мы изучали в Высшей школе КГБ — это другое. Был сильный Советский Союз — влиятельное государство на международной арене, и вдруг он изнутри запылал. Начались такие страшные тектонические сдвиги в стране, что только в злой сказке можно сочинить!.. «Борьба с массовыми беспорядками». Да она в любой точке страны — разная, как и сами эти беспорядки. И каждый день, каждый час, в каждой отдельной ситуации — разная. И чётких инструкций — ты должен сделать то, а ты поступить вот так, а ты сказать следующее, а ты побежать туда-то и позвонить тому-то — их не существует. И нигде такое не преподают. В каждой конторе на любом этаже висит в рамке план эвакуации в случае пожара. Найдётся ль хоть один пожарник, который скажет: «Однажды я был свидетелем, когда эвакуация шла по утверждённому плану»?.. Нет же, конечно. Но непременно найдутся такие, которые оценят действия ответственного руководителя: бардака было мало, паника гасилась, наиболее ценное имущество было спасено.

И то, что в нужное время на нужном месте оказался именно Угрюмов со своей сплочённой, готовой к нестандартным ситуациям командой, — это Господний промысел. Я неспроста упомянул о команде: Угрюмов умел строить взаимоотношения внутри команды, с руководителями военными, гражданскими, партийными — любого уровня. И потому имел громадный авторитет.

Работать на прогнозном уровне — безусловно, это высшая одарённость. Всем ли она свойственна? Увы, нет. 1988 год. Уже грянули сумгаитские события. Я оказался по делам в Молдавии. Повстречался с коллегами, послушал людей на улицах (резануло ухо новомодное обращение друг к другу — «господа»), почитал местные газеты, посмотрел телевизионные выступления, отметил, как в парламенте различные группы выясняют отношения. В

разговоре с офицерами подразделения разведки сказал:

— Ребята, если ничего не предпринять, вы скоро получите второй Карабах.

— Да Бог с тобой, не паникуй! Ты ж видишь, у нас всё спокойно. Да и молдавский народ не такой вспыльчивый и горячий, как в Закавказье. А то, что ты видел сборища у памятника Штефану Челмаре, плакатики на ограде Центрального парка — так молодой дури надо ж выход иметь. Да там и заводил-то — всего несколько человек…

— Попомните мои слова: если превентивных мер не примете, то завтра станете заложниками этих «нескольких человек». И все граждане республики с вами впридачу.

Так безмятежно чувствовали себя некоторые особисты не только в Молдавии. А потом-то, когда маховик раскрутился, стало «поздно пить боржом»…

По свидетельству одного из офицеров, однажды Герман Алексеевич даже сорвался и кричал на двух высоких чинов из МВД и КГБ, прибывших с проверкой на Каспийскую флотилию из Москвы:

— Вы что там, наших шифровок не читаете? Выходит, мои парни, рискуя жизнью, работают на «корзину»? Вы что, не информируете высшее руководство? Да вы понимаете, что развал страны уже начался?! Страну подпалили с юга, а мы вам этот прогноз давали еще год назад!!

У гнева тоже есть свои права, утверждал Уильям Шекспир. Генералы выдержали вулканический выброс эмоций капитана первого ранга, понимая, что это и есть тот самый предел, когда самообладание перестаёт быть добродетелью. Ему ответили, что Лубянка постоянно держит Горбачёва в курсе событий и сводки по ситуации в Азербайджане каждое утро кладутся ему на стол.

…Власть в Баку тем временем перешла к Народному фронту Азербайджана. Город был отдан на разграбление, на территории военного городка под охраной солдат внутренних войск и курсантов военно-морского училища укрывались от погромщиков сотни армянских и русских семей. Иностранных курсантов загодя отозвали домой представители их стран.

Что испытало неазербайджанское население в те дни, можно судить по некоторым письмам, опубликованным в различных патриотических изданиях. Вот, например, судьба бакинца *Ю. В. Ерёмина*:

«У меня убили отца. Топором разрубили голову. Из-за квартиры, которую прокуратура забрала себе. Вопрос о её возврате или компенсации поднять было невозможно. В прокуратуре сказали: лучше сиди и не дёргайся! Заставили

подписать доверенность. В консульстве России консул Бойко ответил мне, что он «поднимать национальный вопрос» не станет, а писать куда-то и жаловаться бесполезно».

Еще одна живая картинка из Баку 90-го года. Беженка *Н. И. Таржиманова*:

«Там творилось что-то невообразимое! С 13 января начались погромы, и мой ребенок, вцепившись в меня, кричал: «Мама, нас сейчас убьют!» А после ввода войск директор школы, где я работала (это вам не на базаре!), азербайджанка, интеллигентная женщина, сказала: «Ничего, войска уйдут — и здесь на каждом дереве будет по русскому висеть!» Мы бежали, оставив квартиры, имущество, мебель… А я ведь родилась в Азербайджане, да не только я: там еще бабушка моя родилась!..»

На улицах вывешивали плакаты: «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки!», «Война Армении!», «Ни одного армянина в республике!» — и им подобные. Подполковник Внутренних войск МВД СССР *В. Гондусов* рассказывает об увиденном тогда:

«Жёлтый «уазик» катит по проспекту Ленина. У одного из перекрестков замечаем большую группу людей. Они стоят возле груды вещей. Одеяла, ковры, стулья, покорёженный от удара об асфальт холодильник, разбитый телефонный аппарат, детские игрушки, какая-то одежда… Этот домашний скарб вышвырнут из квартиры руками погромщиков. Вещи теперь лежат кучей вперемешку с грязным талым снегом, и смотреть на них жутко. На дереве, зацепившись за ветки, болтается пододеяльник.

В одном из дворов наткнулись на труп пожилой женщины, голова которой была пробита валявшимся рядом огнетушителем.

Рация сообщила о происшествии: в одну из квартир бросили взрывное устройство. Молодому армянину оторвало пальцы на руке. «Скорая» приехала быстро. Поглядев на окровавленного человека, врач повернулся и, захлопывая дверцу, бросил: «Он нам не нужен». Раненого, предварительно перевязав, отвез на служебной машине к родственникам политработник подразделения.

И следующая ночь в городе была такой же страшной, как и предыдущая. Вновь пылали костры погромов, лилась кровь невинных людей. На наших глазах военнослужащие отбили женщину, которую волокли во двор два молодых парня. Буквально в двадцати метрах от РОВД на мусорной свалке валялись, как страшные черные куклы, два обугленных трупа. Жгли людей и на привокзальной площади.

Блокировались эшелоны с техникой для воинских частей. Боевой технике и автотранспорту нанесены значительные

повреждения. Саботировалось снабжение войск продовольствием, хотя на этот счет ими заключены соответствующие договоры».

18 января на митинге перед многотысячной толпой выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Е. М. Примаков. Его слушали, пока он говорил. Едва он закончил, радикальные лидеры НФА сделали всё, чтобы у толпы от услышанного ничего в памяти не осталось. 19 января с ними встретился председатель КГБ республики В. А. Гусейнов. Но «победителям» эта встреча нужна была так же, как зайцу «здравствуй»…

Ввод войск в Баку электронными и многими печатными СМИ был преподнесен как военный беспредел Советской армии и её командования. Что же волновало в ту пору законодателей общественного мнения?

Февраль того же 90-го года, популярная телепрограмма «Взгляд». Сюжет о том, как тяжко живётся московским педерастам и лесбиянкам, как они «не находят сочувствия и понимания» у общественности, однако полны решимости стойко бороться за свои права. Затем появляется на экране народный артист Михаил Ульянов и сообщает о «большой беде», которая только что произошла: случился пожар в здании Союза театральных деятелей. В конце передачи — записки из зала, на них перед телекамерой отвечают «мэтры». Записка с деланной простецой и наивностью: «В последнее время часто слышишь о русофобии. Скажите, какие в нашей стране существуют русофобские издания, в которых можно прочитать русофобские статьи?» Отвечает Олег Попцов: «При чем тут органы печати? Главное — создать миф! Миф о русофобии был успешно создан, а коль создан — с ним борются, чтобы оправдать те или иные движения, поступки».

Бывший Председатель КГБ СССР *В. А. Крючков* в двухтомнике мемуаров «Личное дело», правда, упоминает совершенно противоположный миф — о «русском фашизме» — и даже называет его создателей — сионистскую организацию «Бнай Брит» («Сыны Завета»). А с «мифом о русофобии», продравшим меня до озноба, мне довелось столкнуться в августе 1991 года во время одной из встреч с доктором юридических наук Галиной Ильиничной Литвиновой. К назначенному часу я приехал в Институт государства и права. Галина Ильинична извинилась, что назначила встречу на одно время сразу двоим: «У меня тут женщина из Загорска, я её скоро отпущу».

Женщина из Загорска оказалась беженкой из Баку. Внешне похожа на внезапно постаревшую девочку-подростка, бледная, руки трясутся, сильно заикается — так, что порой трудно разобрать речь. Проблема её такая: по какому пункту из юридических документов их семью должны считать беженцами?

Их с мужем не прописывают, пособий не выплачивают, на работу не принимают («Правда, я шитьем пытаюсь подрабатывать, полы в подъездах мою»), статуса беженцев не присваивают. Галина Ильинична стала объяснять, что в СССР нет юридического документа, регламентирующего статус беженца, но есть документы международные, подписанные и нашей страной, из которых следует… — и так далее. Беженка взяла лист бумаги, авторучку, но записать ничего не смогла — руки тряслись так, что ручка оставляла на листке только прыгающие каракули. Я взялся помочь.

Закончив писать, спросил беженку, кивнув на ее трясущиеся руки:

— Это отчего у вас так?..

— Ой, да сейчас уже почти прошло! Я и говорить сейчас стала лучше. (А я-то, грешным делом, думал, что хуже уже некуда!) А вот когда нас убивали…

— Где вас убивали?

— Да в Баку, где мы жили. В феврале 90-го вечером выломали дверь, мужа чем-то ударили по голове, он без сознания валялся все это время, меня били, разорвали одежду. Потом меня прикрутили к кровати, сказали: «Смотри, сука, и запоминай!», — и на моих глазах начали старшенькую насиловать — Ольгу, двенадцать лет ей было. Вшестером. Хорошо, что Маринку четырехлетнюю в кухне заперли, не видела всего этого… Потом пограбили, побили всё в квартире и велели до вечера убраться. Когда мы бежали в аэропорт, мне чуть не под ноги упала девчоночка — выбросили откуда-то с верхних этажей. Вдрызг!.. Её кровь мне всё платье забрызгала… Прибежали в аэропорт, а там говорят, что мест на Москву нету. На третьи сутки кое-как улетели. И всё время, как рейс на Москву — ящики картонные с цветами десятками загружали на каждый рейс. И в аэропорту всё издевались, убить обещали. Спасибо военным, они нас взяли под охрану и на самолет помогли сесть… Я тогда говорить вообще не могла. А сейчас, — на губах её появилось что-то наподобие улыбки, — сейчас намного лучше разговариваю. И руки уже не так трясутся…

Когда она ушла, Литвинова помолчала немного и сказала:

— Сколько же я выслушала подобных историй!.. Есть и похлеще той, что вы только что услышали. Запредельные для понимания!..

Герман Угрюмов, знавший поэзию Есенина почти наизусть, наверняка не мог в эти дни не вспомнить классическое его стихотворение:

…Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыплённым взглядом,
Как лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом…
Всё спуталось…
Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнём и саблями сверкая,
Междоусобный рвёт раздор.

Подполковник группы спецназа «Вымпел» Эркебек Абдулаев:

15 января 1990 года спецгруппы КГБ СССР прибыли в Баку. Мы разместились в гостинице «Апшерон» на правительственной площади, ходили в штатском. Что запомнилось? Многотысячной толпы не было, но чувствовалась скрытая напряженность. Очень чётко действовали силы Народного фронта. К примеру, я видел колонну военной техники, заблокированную мощными КамАЗами, груженными камнем, и мотострелковая рота не могла двинуться ни назад, ни вперёд несколько суток.

По оперативным данным, руководство Народного фронта планировало широкомасштабную операцию в Нагорном Карабахе. 20 тысяч азербайджанских боевиков находились на подступах к Степанакерту, который защищал кадровый полк Советской Армии и один полк Внутренних войск. Сил явно не хватало. В Карабах 18 января срочно перебросили основную часть людей из «Альфы» и «Вымпела», взвод «краповых беретов», роту спецназа Советской Армии. Я был в этом сводном отряде. В Степанакерте нам дали список семнадцати активистов, из которых сумели задержать тринадцать человек и отправить вертолетами в Ростов. Через 30 суток они были отпущены.

Как оказалось, основные события разворачивались всё же в Баку. Еще неизвестно, что произошло бы, если бы двадцать тысяч вооружённых боевиков оставались в столице. Радиоразведка перехватила срочную команду: «Всем возвращаться в Баку!» Но дороги были уже заблокированы войсками.

Автор: *Герберт Кларк Гувер*, 31-й президент США, отмечал в одном из документов консультативного характера: «Разведка

имеет дело со всем тем, что необходимо знать, прежде чем предпринять какое-либо направленное действие». Это аксиома. Задача разведки — добыть точные и неопровержимые данные. Информационная открытость немало этому способствует. Оценить её и её значимость — это уже работа аналитиков.

Ассоциация «Братья-мусульмане» была создана в 1928 году при активной поддержке Лондона (англичане всё-таки предпочли в то время остаться в тени) — на свою голову, как выяснилось позже. Аналогичную ошибку повторили США, инспирировав и поддержав движение «Талибан» — за что платить по счётам будут ещё довольно долго. Артур Шопенгауэр предупреждал подобных инициаторов: «Тот, кто пришёл в этот мир с желанием его переделать, должен радоваться, если ему удастся унести ноги».

Капитан 2-го ранга Вячеслав Авт-ов:

Зная азербайджанский менталитет и некоторый набор слов по-азербайджански, Герман Алексеевич легко мог общаться с местным населением. Когда в Баку шли погромы, мы находились в городе, и нам надо было срочно попасть в Управление. Я вырулил на улицу лейтенанта Шмидта и понял, что мы попали если не в ловушку, то в очень крепкий переплёт. Улица не заполнена, а просто забита людьми: огромная беснующаяся агрессивная масса. Из машин, кроме нас на чёрной «Волге», — никого. Нас тут же обступили, взяли в кольцо. Просто счастье, что никто не заподозрил в нас армян — разорвали бы машину, как картонную. Что делать? Герман Алексеевич открыл дверцу. Спокойно вышел из машины и спрашивает по-хозяйски:

— Кто здесь старший?

Не ожидали такого поворота. Пауза. Угрюмов опять, но уже громче:

— Я вас спрашиваю: кто здесь старший?!

Выдвинулся один, назвался — то ли Мамедов, то ли Исмаилов.

Герман Алексеевич делает властный жест:

— Гяль бура! (Иди сюда!)

Тот подошёл.

— В чем дело, что вы тут творите, чем занимаетесь? Разве не знаете, что военные с вами и мы вас в обиду не дадим. Но кто ж так дела проворачивает! Надо всё делать грамотно, понял? А чтоб грамотно — надо кое-что соображать. Так вот, слушайте: сейчас мы всё организуем так, как надо. Ждите меня здесь, никуда не расходитесь, я скоро вернусь.

Сел в машину и сказал: «Трогай!» Минуту назад нас окружала разъярённая толпа, готовая разорвать живьём, а тут — тишина, на лицах застыло выжидательное недоумение. Вежливо

расступились. И я поехал по живому коридору. Метров 350 тянулся этот «коридор»…

Конечно, мы не вернулись. У Германа Алексеевича находился секретный документ, и нельзя было допустить, чтобы он попал в чьи-то руки. Оружия при нас не было. А случилось это на второй или третий день после начала бакинских погромов, в январе 1990 года, еще до ввода войск.

Автор: В таких случаях выручить может только личное самообладание, умение в одно мгновение угадать накал страстей толпы, подчинить её своей воле и без малейшей фальши сыграть свою роль. Дрогни голос, мускул лица, выбери иной тон, скажи не то словечко — и толпа безошибочно это уловит. И тогда — конец!..

В эти дни особисты почти не спали. Когда отдыхал сам Угрюмов — непонятно. Возможно, успевал забыться в короткие минуты переезда с объекта на объект.

— Герман Алексеевич, — обратился к нему как-то один из помощников, — вы бы прилегли на полчасика, вроде ничего экстренного не предвидится. А если что — сразу вас разбужу!

— Знаешь, что бы тебе ответил государь-император Николай I? «В моем государстве вечно на часах должны быть три человека: священник, доктор и я». Есть и хорошая русская пословица: тогда будет досуг, когда вон понесут. Свободен!

Виктор Алексеевич Смирнов:

Бакинские события моментально стали известны во всех уголках страны, и со всего Союза Герману начали звонить коллеги, просто знакомые, чтобы он помог выбраться из пекла оставшимся семьям, родственникам. И сколько ж он русских и армянских семей спас — кто бы подсчитал! Наш сотрудник Измаденов Александр Викторович (сейчас он генерал-лейтенант) жил тогда в Баку, и его семье существовала вполне реальная угроза — Герман вывез её. А постреливали там регулярно и нешуточно, но при этом он не потерял ни одного сотрудника.

Очень тесно он работал с командованием Каспийской флотилии. Командиром её в то время был вице-адмирал Владимир Ефимович Ляшенко (сейчас, к сожалению, покойный). Так вот, Ляшенко и все командиры Каспийской флотилии, наверное, ни одного решения не принимали без участия Германа Алексеевича. Потому что у Угрюмова в руках была вся полнота информации и чётко, бесперебойно, отлаженно работавший отдел высококвалифицированных сотрудников, на которых всегда можно было положиться.

Практически всех своих ребят он потом представил к

государственным наградам, но, как у нас нередко бывает, наградили не всех. Но самого Германа отметили.

Юрий Алексеевич М-цев:

Решения он принимал такие, которые не позволяли Народному фронту целиком овладеть ситуацией. В итоге сумел эвакуировать и отдел, и семьи сотрудников, сам выехал последним. Действовал очень продуманно. Наша контрразведка знала, что готовятся два или три покушения на членов семей офицеров Каспийской флотилии, которые готовились к отъезду, на него самого. Сумели отвести беду. Он придумывал различные комбинации, ложные варианты умело доводил до боевиков Народного фронта, устраивал «утечки» информации о ложном продвижении автобусов или грузовиков, сам же вывозил людей безопасными маршрутами. То есть применял нормальные оперативные хитрости.

Руслан Михайлович Арешидзе:

Позже я спрашивал его: мол, ты еще до Сумгаита говорил мне, что всё будет нормально. Что ж вы, не могли заранее взять зачинщиков? Он сказал:

— Руслан, мы сделали всё, что могли. Может, даже больше. Всё остальное зависело от политиков.

Он тем не менее всегда был настроен по-боевому. Не в том смысле, что «мы им головы мигом поотрываем!», а делал своё дело в соответствии с возникшей ситуацией. Оптимизм его не покидал.

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

Неподалеку от военно-морского училища находился арсенал. Перед вводом войск, в январе 1990 года, боевики попытались арсенал захватить. Одним из элементов нашей работы было разложение боевиков, чтобы они отказались от своих замыслов. Его мы постоянно использовали. Из числа местного населения мы знали немало трезво мыслящих людей, которые понимали, куда боевики ведут народ и чем все это может кончиться.

Мы успели получить от них упреждающую информацию, что к нам из центра города движутся четыре КамАЗа, набитые вооруженными людьми. По боевой тревоге подняли училище, всех вооружили, расставили по местам. Связались с командованием Каспийской флотилии (на проводе был вице-адмирал Жданов) и в считанные минуты обговорили тактику действий. Уже на подступах к училищу послали вперёд помощников из местного населения, чтобы те предупредили боевиков: никто вас здесь хлебом-солью встречать не собирается,

так что лучше не соваться, иначе могут быть большие жертвы. Это отрезвляющий фактор.

КамАЗы остановились на подъезде к арсеналу, от них подошла делегация для переговоров. Бородачам с автоматами показали вооруженных людей, которые имели свои сектора ведения огня, пострашали. Почувствовали, что у них был расчёт на то, что мы будем лишь защищаться словесно, что ли, а стрелять не будем. Поспешили их разочаровать, что нами получен приказ: в случае, если они сунутся к арсеналу, стрелять на поражение.

— Да ты што, командир! Нас тут полторы тысячи, и все с оружием!

— А ништо, «командир». Вот и ладно, коль так, как ты сказал. Пятьсот мы уложим сразу, а остальные пусть подумают. Приказ получен, патронов хватит, а приказы мы выполнять умеем. Или есть на этот счёт какие-то сомнения?.. Если нету — тогда, надеюсь, задача понятна?!

Уехали. Таких попыток было несколько.

Баграт Рафаэлович Князчан:

Арсенал для них был очень лакомым куском. Сколько было нападений — я уже и не упомню. Люди Германа работали ночами под охраной. В Баку было три арсенала. Один в городе, в поселке Зых — это «корень» Апшеронского полуострова. Еще с царских времен построенные подземные хранилища: ракеты, снаряды, торпеды, глубинные бомбы — всё для флота. Это центральный арсенал, очень капитально обустроенный. Филиал центрального арсенала находился от центра Баку на юг, в сторону Ленкорани, в поселке Гобустан, недалеко в горах: не подземный, а наземный. Там орудия корабельные, пулемёты разного калибра, разнокалиберные орудия для СКРов — сторожевых кораблей 40-го и 50-го проектов. Там же находился наш запасной командный пункт командования флотилии: огромные подземные помещения с принудительной вентиляцией и кондиционерами, автономной электростанцией и системой связи. Целый городок с казармами. Народу немного: в основном связисты и обслуживающий персонал — что-то около 80 человек. Охрана небольшая.

И третий — у «клюва» Апшеронского полуострова, в 63 километрах от «корня» полуострова. Здесь были и подземные, и наземные хранилища, где хранился НЗ на случай войны. Здесь же складировалось и химическое оружие. В 30 километрах от склада был наш военный аэродром «Кала».

Именно на третий склад чаще всего нападали боевики, зная, что там колоссальные запасы вооружения. Все их атаки были

отбиты.

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

С боевиками мы практически всегда встречались по нашей инициативе. Чтобы знать обстановку, мы должны были вступать с ними в контакт — знать, с кем мы имеем дело. Хотя внутри их подразделений и имели своих людей. Встречались не за столом, уставленным винами и фруктами, это были конспиративные встречи. Давали слово чести, слово офицера, что со встречи он уйдёт без проблем. Слово чести ни разу не нарушили.

В разговорах пытались убеждать, вести диалог на равных. Мы не боялись выходить в толпу еще в Сумгаите. Ходили в форменке, как и положено морякам. Тогда военным ещё доверяли и с нами разговаривали. Мы так строили беседу, что люди раскрывались и невольно давали информацию. Когда вычисляли лидеров, искали пути выхода на них, чтобы пообщаться с ними. Сколько подобных мероприятий было проведено — не счесть!.. Наше спокойствие и уверенность срабатывали: нас старались открыто не трогать.

Герман Алексеевич сам выезжал на встречи, проявлял неоднократно личное мужество. Боевики его приговорили. Он нащупал их источники финансирования и стал «наступать на пятки». Но он ехал на встречу даже тогда, когда точно знал, что за ним охотятся. Умел смягчить самых оголтелых оппонентов, но попадались всякие экземпляры.

Вячеслав Авт-ов:

Мы выехали в город для очередных переговоров с кем-то из лидеров НФА, остановились в толпе. Бакинцы в тот период дневали и ночевали на улицах и площадях. Германа Алексеевича уже многие узнавали, да и трудно было не узнать: гигант, глыбина! Лидер на встречу пока запаздывает, и Герман Алексеевич пытается говорить с толпой, а один авторитет — судя по замашкам, из тех, кто обычно толпу заводит, — все время перебивает его, орёт что-то по-азербайджански. Герман Алексеевич опытным взглядом сразу отметил в толпе его нукеров. Заметил, что они вооружены. Быстро поворачивается к этому авторитету и так спокойно, тихо говорит ему:

— Подойди поближе.

А среди гомонящего народа поди разбери, что он сказал. Авторитет напрягся — всё-таки к нему обращаются:

— Чэво сказал? Нэ по-онял!

— Подойди, говорю, поближе, — так же спокойно, но тише. Нукеры тоже придвинулись, оружие уже держат открыто: телохранители. Только бородач приблизился, Герман Алексеевич

одним движением сунул ему в штаны гранату, за ремень. А от кольца — веревочка к пальцу привязана… Тут уж голос у него другим сделался:

— Боевиков всех — убрать! А хочешь стать шахидом — полетели на небо вместе.

Тот рявкнул — боевики в момент испарились.

Однажды ночью позволил мне немного отдохнуть, но только я приклонил голову к подушке — звонок:

— Срочно ко мне!

Являюсь. Он говорит, что неожиданно осложнилась обстановка: боевики захватили часть судов и блокировали выход из бухты. Настроены истерично и крайне агрессивно. Якобы они владеют информацией, что на кораблях мы вывозим не беженцев, а секретные архивы и оружие. Требуют проверки.

— Я договорился встретиться прямо в море с их представителями, но некому вести катер. Решай: ты как? Но учти одно: ситуация крайне серьёзная, можем и не вернуться.

— Герман Алексеевич, уже решил: я с вами.

— Тогда слушай меня, хохол. Сегодняшняя поездка и судьба наша будет зависеть от того, насколько нам с тобой повезёт. Оружие нам брать нельзя. Но если попытаются нас взять живьём, то зачем нам мучиться? Всё равно поглумятся, а потом скормят рыбам. Лучше взорвём и себя, и их до кучи. Я вот что придумал…

И мы смастерили себе по приспособлению — такому, знаешь, «мечта камикадзе»… «Эфку» примотали скотчем к поясному ремню на спине, отогнули усики у чеки, к кольцу привязали веревочку, ее пропустили через рукав, и конец веревочки закрепили на широкой резинке, которую надели на большой палец. С виду резинка похожа на пластырь, подозрений вызвать не должна. Попытаются нас взять — «дёрни за верёвочку — дверь и откроется»… прямо на тот свет.

Приехали на берег, вышли. Море неспокойное. Он встал у самой кромки прибоя, помолчал. Потом, словно про себя, негромко начал:

Выйди, выйди в утреннее море
И закинь на счастье невода.
Не с того ль под самою кормою
Разыгралась синяя вода.
Позабыл, со мною не простился,
Не с того ль, ты видишь, милый, сам
Расходился Каспий, рассердился,
Гонит Каспий волны к берегам…

— Ваши стихи, Герман Алексеевич?..

— Господь с тобой, я так не умею! Это Павел Васильев. Великий поэт, между прочим. Поэтический преемник Сергея Есенина. Вот ещё, послушай, его же:

Я тебя не позабуду скоро,
Ты меня забудешь, может быть,
Выйди в море — самая погода
Золотую рыбицу ловить.

Так что, хохол, выходим в море — ловить золотую рыбицу. И помни, о чем мы с тобой договорились. Заводи мотор!

Я завёл катер, поехали. Погода преотвратная: холодный ветер, дождь. Нас уже ждали. Встали на рейд — вижу, что фарватер в бухту нам перекрыли. Всё, мы в ловушке. К нам на борт запрыгнули четыре автоматчика, направили стволы (предохранители сняты): «Сидеть и не шевелиться!»

— А разговаривать-то можно? Все-таки как-никак на переговоры приехали.

Бородачи совсем молодые, морды фанатичные, в глазах, кроме свирепости, ничего не читается. По всему видно, что их хорошо проинструктировали, и как только будет отмашка — не задумываясь, резанут из всех четырёх стволов.

— Ну, коль разговаривать можно, то, пока вашего начальства нет, я вам анекдот расскажу — как раз к случаю, про наши с вами суровые будни. — И давай им травить анекдоты.

Я был в таком напряжении, что уж не припомню, о чём они были, но ситуацию он разрядил. «Переговорщики» появились, когда мы окончательно замёрзли. В результате выборочно осмотрели несколько кораблей, обшарили трюмы, все корабельные закоулки — оружия нет, есть только трясущиеся от страха старики, женщины и дети. Помнится, одна родила прямо в море… Закончились переговоры миром — нас отпустили, убрав судно с фарватера: «Ступайте домой!»

Четыре часа мы просидели с ним под прицелом, у меня рука уже занемела от напряжения — та, к которой верёвочка была привязана. Вернулись в порт, вышли из катера, пересели в «Волгу». Доехали до его дома, вылезли из машины. Уже светать начинает.

— Ладно, — говорю, — Герман Алексеевич, я пошел. — А жили мы с ним ровно в 230 метрах друг от друга, я шагами промерял.

— Нет, машина тебя довезет! — голосом непривычным. Смотрю — у него по щекам слёзы текут.

— Что с вами, Герман Алексеевич?!

Он прижал меня к себе, постояли так немного.

— Ничего, ничего, порядок. Я тебя сохранил, значит — порядок…

У меня самого до сих пор слёзы на глазах наворачиваются, когда вспоминаю этот эпизод!.. О себе не думал. Хотя я тогда еще был холостым, а у него жена и двое парнишек.

Александр Угрюмов, сын:

Я помню, когда он после той ночи появился дома, мы кинулись к нему, чтобы обнять. Он с шутками нас тихонько отстранил: мол, потом наобнимаемся, а пока вы меня «разминируйте». Мы помогали снять куртку, отмотать скотч — и далее по его команде проделали всё, чтоб снять гранату. Он при этом всё время балагурил: дескать, моё «хозяйство» мне ещё пригодится, зачем его азербайджанцам дарить. Граната была в укромном месте, куда при обыске обычно не заглядывают…

Капитан 1-го ранга Я. Я.:

Казалось бы, в той обстановке особистам в городе появляться было противопоказано. Так оно и есть. Но тем не менее работали. Да как красиво! На улицах Баку — стихия полного разгула, шляются вооруженные боевики, жгут костры митингующие толпы. А одному нашему сотруднику, Гр-ову Валентину Несторовичу, надо идти на встречу с источником. Что он делает? Надевает офицерскую форму и спокойно идёт на явочную квартиру. Перед домом, куда ему надо зайти, человек 25 вооружённых боевиков. Он так достойно вёл себя, что прошел сквозь них, и они его не тронули. Провёл встречу и так же спокойно возвратился в часть. А взять Ивана Ч-ва, который с группой в сто курсантов держал оборону здания ЦК КПА, имея приказ не стрелять!..

Мы, оперативники, работали в основном ночью. У меня были встречи в городе в 12 ночи, в час, в два… Бывали такие ситуации, что или наш патруль может тебя пристрелить, или бородачи из НФА прирежут. Герман Алексеевич как руководитель Особого отдела мог не ходить на многие операции, а всё-таки ходил. Если можно было не посылать сотрудника — ехал сам. Рисковал сильно! Это был Опер с большой буквы. Профессионал высшего класса, которых — по пальцам!..

Капитан 1-го ранга Иван Андреевич Ч-в:

Когда народ в Баку взбаламутился и решил брать приступом здание ЦК, Герман Алексеевич лично поставил мне задачу: не допустить, чтобы толпа прорвалась в здание, и обеспечить охрану

второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана Виктора Поляничко. Выделил мне не сотню, а 250 курсантов училища и 13 офицеров. Я, капитан-лейтенант, назначен старшим этого отряда. Мы сумели просочиться в здание ЦК и заблокировать его. Перед зданием на площади сооружена виселица, на ней собирались вешать членов ЦК. Толпа на площади росла на глазах: 20 тысяч, 30 тысяч, 40 тысяч… Ко мне каперанги подходили с вопросом: что делать? Потому что знали: за мной, молодым особистом, стоит Герман Алексеевич. А его имя на Каспии очень много значило, а в училище — и говорить не надо!..

Мы зафиксировали в толпе людей с оружием, следили за ними, чтобы не было от них провокаций. Но ситуация уже патовая: толпу ораторы и подстрекатели довели до белого каления: одна искра — и она повалит на нас. Присутствие военных, увещевания перестают иметь значение. Я из кабинета Поляничко звоню в Особый отдел:

— Герман Алексеевич, ситуация выходит из-под контроля. Ваши рекомендации?

— Ваня, срочно подключай Поляничко и используйте женский фактор. Выставляйте перед зданием цепь женщин, проинструктируйте самых красноречивых. На Востоке к женщинам прислушиваются.

Мы срочно собрали всех сотрудниц аппарата ЦК, всех работниц — большинство азербайджанки, но были и русские, — и они вышли цепью, взявшись за руки, и хором прокричали: «Нет!». Мы уже передёрнули затворы, отсчитали патроны (один для себя), но тут толпа немного поутихла, стало возможным вести хоть какой-то диалог.

Тем временем ребята из группы «А», переодев Поляничко в рабочую спецовку, вывели его подземными коммуникациями из здания ЦК, а я получил по телефону сообщение:

— Иван, держитесь, к вам идет подкрепление!

Морем доставили на катерах курсантов училища, они высадились на побережье, но к зданию ЦК пройти так и не смогли: толпа на площади была словно сцементированная. И перед тем как бородачи из НФА обрезали нам телефонный кабель, я услышал в трубке:

— Ваня, подкрепления не будет, но ты запомни: я тебя с ребятами не брошу!.. — И обрыв связи.

До сих пор эти слова звучат во мне колоколом…

И после того как мы встретились, я сказал ему:

— Герман Алексеевич, дальше я с вами готов идти и ехать хоть куда, в любом качестве, на любую должность.

Сказать про Угрюмова: Учитель — это почти ничего не

сказать. Он был учителем не только в плане профессиональной подготовки, а учителем по жизни вообще: как должен выглядеть настоящий мужчина, русский офицер. Многограннейший человек!

Когда мы уходили с Каспия после распада Союза, то говорили между собой, что какими бы прекрасными людьми ни были наши будущие начальники, но шеф у нас был и останется один — Герман Угрюмов. Наверно, это можно назвать своеобразным мальчишеством, юношеским максимализмом. Тем не менее…

Генерал-майор Юрий Александрович Калганов:

Я прилетел в Баку перед вводом войск вместе с группой антитеррора «А». Добрались до Особого отдела, захожу в кабинет Угрюмова. Передо мной — смертельно уставший, совершенно измотанный человек, заметно похудевший, осунувшийся, круги под глазами. Я даже опешил — передо мной другой человек, только сильно напоминающий Германа Угрюмова.

— Герман Алексеевич, ты на себя давно последний раз в зеркало смотрел?..

— Товарищ генерал, я ж не пушкинская царевна, да у меня и зеркала в кабинете нет.

Телефоны у него звонили непрестанно — ситуация нестандартная в масштабах государства. Разумеется, мы нашли время, чтобы выработать диспозицию, как говорят военные.

Я остановился в районе дислокации 4-й армии, связисты быстро наладили сообщение с Германом Алексеевичем. У меня была связь ВЧ, ЗАС, не было только «Кремлёвки-2». Кремлёвское руководство самоустранилось, а тут каждая минута на вес золота!.. Ввод войск практически неизбежен — в городе идут погромы, гибнут мирные люди. Вопрос: что нам делать, если войска введут в Баку? Связался с Угрюмовым, решили, что главное — сохранить людей и Каспийскую флотилию. Остальное — само собой.

Потом утром такого-то дня мне сообщают, что дан приказ о вводе войск в Баку. Армия не медлила — вошли. Всё, что касалось оперативных вопросов, я докладывал генералу Валентину Варенникову, он был в курсе всех событий, скрытых от «армейского» глаза. По линии Лубянки я получил указание, выполнение которого могло быть возложено только на Германа Алексеевича. Он оказался у аппарата. Я поставил ему задачу, подчеркнув, что этого требует Москва, и услышал в трубке:

— Юрий Александрович, пойми, я реагирую адекватно, поскольку хорошо знаю обстановку. Выполню любую поставленную задачу, только… дай мне один раз поспать хоть шесть-семь часов, а? А потом — Бога ради!..

Вячеслав Авт-ов:

Важный момент — вывод Каспийской флотилии из Баку в 1992 году. Герман Алексеевич почувствовал, что ситуация в какой-то мере упущена, поскольку глобального значения вопросы решались на уровне Москвы — и тут он был бессилен. И он начал прорабатывать вопрос о выводе нашей спецтехники — инициатива была его! — о передислокации отдела. Делёжка шла тяжело. Азербайджанская сторона сначала предлагала 50 на 50 %, потом заговорили иначе и жёстче: мол, а при чем тут Россия? Мы объявили о суверенитете, стало быть, всё нам — и никаких разговоров-переговоров!

От слов легко переходили к делу. Много нападений было на воинские части, воровали автомобили — причем не скрываясь, средь бела дня. Останавливали машину, выбрасывали людей, избивали их и спокойно уезжали. И Герман Алексеевич разработал план вывода автотранспорта. Мы вывели его в два этапа. Герман Алексеевич подключил людей из числа местных, которых мы хорошо знали. Пустили слух, что должны в такой-то день ехать в Махачкалу, а сами в другое время уехали совсем в другую сторону иным маршрутом. «Дезу» мы запускали регулярно. Помогали в этом простые люди. КГБ Азербайджана уже работал только на себя: как себя обезопасить. Русских, армян повыгоняли, начали делить портфели. Их менталитет сыграл в нашу пользу: мы всё время работали на опережение.

Архивы мы вывезли средь бела дня, в обеденный перерыв, в субботу, зная, что это время азербайджанской сиесты — как в шуточной песне: «Все лежат на солнцепёке, чешут пятками живот».

Если бы мы не вывезли архивы, нас бы постигла участь «Штази». 3 августа 1992 года погрузили на разведкорабль «Анемометр» всё, что считали нужным, и взяли курс на Астрахань. На полных парах, сколько могли выжать узлов, рванули из бухты. Я был старшим на переходе.

На тот момент техники у нас практически не было. На запросы НФА Герман Алексеевич отвечал, что техника в командировке, через неделю вернётся. Людей, которые помогали с вывозом, мы надежно спрятали. «Где такие-то люди?» — «Сказано: в командировке. Скоро будут».

Виктор Алексеевич Смирнов:

Думаю: слава Богу, что выводом Каспийской флотилии занимался Угрюмов, а не кто-то другой. Ситуация была тяжелейшая. Советского Союза не существует, республика

объявила о государственном суверенитете, в этой ситуации Особый отдел — уже практически не по праву загостившийся на чужой территории. И с ним ещё цацкаться? Мы у себя дома, это всё наше — и кончен разговор! Мотайте в свою Россию, пока трамваи ходят…

Возложенную на него задачу Герман выполнил блестяще. Тут у него немного были развязаны руки. Дело в том, что в то время начальником военной контрразведки был вице-адмирал Жардецкий — уважаемый человек, который не боялся принимать ответственные решения. После «путча» ГКЧП его освободили от должности, не обращая внимания на огромные заслуги.

Александр Владиславович Жардецкий:

С Особым отделом Каспийской флотилии Москву связывал отдельный кабель. Народный фронт, придя к власти, имел возможность прослушивать любые телефонные разговоры — из здания ЦК, Совмина, КГБ республики, прокуратуры. Спецсвязь с Германом была единственной защищенной нитью, куда они не могли проникнуть. По этой связи он докладывал о ситуации, по ней же получал из Центра распоряжения.

В Каспийском училище было много секретной документации. В частности, по АПЛ, поскольку там готовили химиков для атомного флота. (Дурацкое решение, говоря задним числом, но что поделаешь — так было.) Я помню, что говорил ему: «Герман, сделай всё возможное, чтобы в сейфах не осталось ни одного листочка!» Герман занимался не только своим отделом, он вывез и все документы командования Каспийской флотилии.

Выход из бухты им пытались блокировать. Угрюмов предложил выделить несколько кораблей, которые бы, скажем так, проложили судну с архивами чистый фарватер. Стрельба была, но жертв не было: стреляли на испуг — под форштевень, поверх голов.

Всё оружие вывезти, естественно, не смогли, но большую часть — да. Там же были стационарные установки, береговая артиллерия еще с Первой мировой войны — чуть ли не с картузным заряжанием. Их взорвали вместе с капонирами.

ГРУшники базировались не в военном городке, а в самом Баку. За городом, километрах в пятнадцати, у них был небольшой отряд — порядка ста человек: в основном слухачи — слушали эфир. Их и документацию тоже вывозили на кораблях Каспийской флотилии. Герман их знал, и они его хорошо знали, сотрудничали тесно.

Оперативное чутьё ему было Богом даровано. Еще до пролития крови в Азербайджане к нам поступила информация,

что среди азербайджанских чекистов появились отдельные личности, лояльные к НФА, и через них идет утечка секретной информации. Некоторые сообразительные товарищи составили для себя прогноз событий и, видимо, решили заранее подготовить себе платформу. Мы в Центре знаем, что им нельзя давать задание — противник тут же будет осведомлён. Зачем же тогда?.. А у них оперативные учёты, спецтехника, наружка… Ломаем головы. Что-то надо делать! Набираю телефон Германа:

— Какие у тебя отношения с КГБ Азербайджана?

— Прекрасные.

— В каком смысле? Ты что, всем там доверяешь?

— Нет. Я убедился, что оттуда идет утечка информации. Мои люди проверили — подтвердилось.

— Тогда что же ты делаешь?

— Как что? Приходится обманывать.

— Как?

— Ну, допустим, мои ребята взяли под наблюдение иностранца. Я им докладываю, что взяли под наблюдение, а сам показываю карточку совсем другого человека. Их наружка топает за ним день, другой, третий, пока мы по своим каналам прокачиваем нужного господина.

Александр Витальевич Лад-к:

Я был срочником, старшиной 1-й статьи, когда выводили корабли в Астрахань. Мы сопровождали важный груз, со мной были еще четыре матроса. Запомнившаяся на всю жизнь картина: мы входим в Астраханский порт, а на пирсе стоит Герман Алексеевич и машет нам рукой. Он успел добраться на машине через Чечню и Дагестан — ушел последним, как капитан с тонущего корабля. Такое запоминается!

Лариса Григорьевна Соколова, двоюродная сестра:

Славик Авт-ов рассказывал, что когда Каспийская флотилия — та её часть, что сумела «отсудить» для себя Россия, — ушла своим ходом в Астрахань, с офицерскими семьями на борту, Гера ещё должен был остаться в Баку, чтобы завершить какие-то важные дела. Разумеется, азербайджанская сторона знала об этом, знали и те, кому он во время смуты в республике всячески становился поперёк дороги. Гера прекрасно понимал, что его постараются из республики живым не выпустить. Его служебную «Волгу», номера её отлично знали, сам он был тоже заметной фигурой — не перепутаешь ни с кем. Видимо, друзья-азербайджанцы также его проинформировали: вас приказано живым не брать.

Тем не менее они прорвались. Причём Гера посадил с собой в

машину не успевшую уехать семью одного из своих друзей и сказал им: «Не беспокойтесь, всё будет нормально». Со Славиком они разработали план — как миновать блок-пост. И далее развернулась такая картина.

«Волга» подъезжает к блок-посту, где ей жестом приказывают остановиться. Машина, как положено, замедляет ход — и вдруг открываются обе передние дверцы, из них высовываются с гранатами в руках Славик и Гера, дико орут: «Ложи-ись!!» Воины Аллаха попадали на землю — и тут Славик утопил педаль газа по самый полик. Когда азербайджанцы подняли головы — вдалеке лишь пыль клубилась. Догонять не рискнули: догонишь, а вдруг эти сумасшедшие и впрямь катанут гранату под колёса… Один из солдат опомнился быстрее других и дал вслед прицельную очередь по машине. Другие пассажиры не пострадали, а у Геры оказались задеты печень и лёгкое.

Решили сделать остановку в Чечне, у родственников Славика. Они помогли обработать рану, но предупредили, что в селе неспокойно: ваххабиты мутят воду, настраивают народ против «неверных» и если узнают, кто пожаловал, — расстреляют и гостей, и семью, их приютившую.

До ночи дали Герману отдохнуть, чтобы выехать, когда стемнеет… Пока Гера спал, Славик дремал на полу у входа в дом с автоматом в руках…

Капитан 1-го ранга Борис Михайлович Усвяцов:

На Каспийском море 80 % сил, средств и объектов флотилии базировалось в Азербайджане и лишь 15 % в России. В соответствии с договоренностями 30 % сил, средств и объектов флотилии были оставлены Азербайджану. Но если корабельный состав флотилии удалось вывести почти полностью, то запасы имущества и материально-технических средств были расхищены азербайджанской стороной. Россия потеряла всю береговую инфраструктуру стоимостью более 1 млрд руб.

Автор: Но Россия не потеряла Каспийскую флотилию благодаря таким офицерам, как Герман Алексеевич Угрюмов. А ведь после распада СССР за пределами России оказались 8 из 16 военных округов, 13 общевойсковых армий, 4 армии ПВО, 4 танковые и 5 военно-воздушных армий, десятки портов — и так далее. Общие материальные потери Вооруженных Сил составили более 60 триллионов рублей (по материалам книги полковника Виктора Баранца «Потерянная армия». М.,1998 г.).

Такова была цена предательства «борца с коммунизмом» Горбачёва и его компании.

ЧАСТЬ 3
От Черного моря до Тихого океанА

Вооруженная сила, в частности флот, точнее, его стоимость, есть та страховая премия, которую платит государство за обеспечение своих ценностей.

Теодор Рузвельт

Глава 6
Южный морской рубеж

Люди старого сорта теперь большая редкость: порода вывелась. Они отвечали своей атмосфере точно так же, как формы мамонтов и проч. отвечали первобытной атмосфере земного шара.

Д. В. Григорович. Мой дядя Бандурин

Виктор Алексеевич Смирнов:

К тому времени мы уже практически потеряли Севастополь, начался раздел и Черноморского флота. Руководство КГБ приняло решение создать Особый отдел в Новороссийске. Планировалось перебазировать часть нашего Черноморского флота в Новороссийск. Встал вопрос о начальнике отдела, а это уже адмиральская должность. Выбор пал на Угрюмова.

Надо сказать, тут помог случай. Ещё до введения этой должности его вызвали в Центр и предложили ехать на Северный флот. Он пришёл ко мне, посидели. Говорит:

— Ситуация такая, что как офицер я не могу отказаться, с другой стороны, жена больна, дети родились и всю жизнь прожили в Баку. С юга сразу на Крайний Север — им будет сложно. Если честно, то не знаю, что и делать. Можно, конечно, угробить жену…

Я пошёл на приём к Жардецкому, попросил не портить жизнь человеку. Конечно, он поедет, но надо ли? Давайте направим его в Новороссийск.

Жардецкий отвечает:

— Эту должность мы только планируем, она еще не введена.

— Александр Владиславович, что нам стоит подождать? Ну, месяц, два — всё равно же её введут.

— Согласен!

Так и вышло: через два месяца ввели эту должность и назначили его начальником Особого отдела в Новороссийск.

Автор: Эти два месяца до нового назначения Герман Алексеевич посвятил не заслуженному отпуску, а снова работе. Еще не остыв от бакинских событий, он должен был лететь в Клайпеду. Возникла острая необходимость в этой командировке: в воюющий с Арменией Азербайджан стали поступать партии оружия из выводимых и расформированных частей Западной группы войск. Контрразведка это засекла, встал вопрос о нейтрализации преступной группировки и всего канала поставки оружия. Один из путей по морю проходил из германского порта Мукран до Клайпеды. Прибалтийские республики в числе первых поставили вопрос об отделении, и местное пароходство, по существу, уже принадлежало суверенной Литве.

Подполковник В. И. Ж-ев:

Шла утечка оружия и боеприпасов. Поскольку решение о выводе ЗГВ принималось поспешно и опрометчиво, сложно было организовать процедуру вывода под жёстким контролем. По маршруту ходили как немецкие паромы, так и суда, принадлежавшие Литовскому пароходству.

После разгрузки парома мы отмечали сильное «шевеление» польской разведки. Здесь же паслись и цэрэушники, которые находились в Литве в качестве советников и в своем непосредственном качестве тоже. Мы отследили цепочку, по которой оружие списывалось и в довольно большом количестве уходило разными путями в Баку и другие азербайджанские города. Карабахский конфликт не утихал. Понятно, что работал преступный синдикат. Требовалось внедрить в него свою агентуру, чтобы положить этому конец.

Прилетел Герман Алексеевич. Раньше я его не знал и был поражен громадным ростом, жизненной энергией, которую он прямо-таки источал, заряжая ею и всех нас вокруг. Веселый, общительный, остроумный… Но когда речь заходила о деле, он становился по-суровому деловым и сосредоточенным. Сразу завоевал у нас авторитет безупречным знанием оперативной работы, сильных и слабых сторон противника.

Что меня в нем поразило, так это умение работать с агентурой. С ним плотно общался начальник Особого отдела

капитан 2-го ранга Ж-ан, контролировавший вывод дивизии морской пехоты. Они быстро нашли общий язык. Угрюмов досконально знал людей, их расстановку и возможности. Операцию спланировал быстро и мастерски. Канал доставки оружия был перекрыт. Эффект от этой операции был ошеломляющим для западных разведок, поскольку они, как им казалось, контролировали весь процесс.

Борис Владимирович Пр-вич:

В Новороссийске главная проблема у него была в том, что он прибыл туда… сказать «на голое место» — язык не поворачивается, поскольку никакого места у него там вообще не было. А с «ничего» ему часто приходилось начинать. Когда флотилию вывели из Баку в Астрахань, Герман Алексеевич сумел договориться с властями о помещении для Особого отдела. А в Новороссийске у него даже стен полуразрушенных не было.

Он пешком прочесал весь город, нашел помещение, сумел убедить руководство города передать его ФСБ — ему выделили целый этаж. Кстати сказать, отдел и по сей день там. Скомплектовал отдел. Часть сотрудников пришла за ним из Каспийской флотилии. Особо отмечу, что своих сослуживцев он никогда не оставлял, куда бы его служба ни забрасывала. Он и сам любил сказать иногда: «Я друзей своих не теряю и, упаси Боже, не предаю!» Так оно и было по жизни.

Юрий Алексеевич М-цев:

По его словам, когда он приехал в Новороссийск, у него «не было не только кабинета, но ни стола, ни стула, ни даже авторучки». Через месяц всего у него были столь хорошие отношения с городским руководством, что всё это появилось, а работники его были поставлены в очередь на получение квартир. Он всегда был очень коммуникабельным человеком и умел повести разговор так, что отказать ему не всякий решался.

В Новороссийске он проработал всего восемь месяцев. За это время создал отдел военной контрразведки и военно-морскую базу. Он сделал всё, чтобы в это смутное время у России на Черноморском флоте появилась какая-то отправная точка, с которой мы имели возможность представлять и защищать свои геополитические интересы.

Он обладал феноменальной памятью. Помнил фамилии и имена всех своих школьных товарищей, сокурсников по училищу, сослуживцев по Каспийской флотилии. Последних никогда не забывал. Помнил практически всех, с кем хотя бы раз встречался.

Капитан 1-го ранга Иван Андреевич Ч-в:

В Новороссийск он пригласил См-ва Сергея и меня. Володя С-в уже перевёлся в Москву, уехал Николай Алексеевич Медведев. Из старого состава основной костяк перебазировался в Астрахань. После Баку у многих встала проблема с трудоустройством. И если находили какие-то зацепки, он обязательно помогал.

Герман Алексеевич встретился с адмиралом *Игорем Касатоновым*, прекрасным человеком, потомственным моряком, настоящим патриотом Отечества, и во время встречи они выработали стратегию поведения по вопросу раздела Черноморского флота. Легко поняли друг друга. Касатонов лично помогал «выбить» здание для отдела. Нам выделили этаж в здании РОСТО (раньше ДОСААФ, его в шутку расшифровывали как Добровольное Общество Содействия Андропову, Алиеву, Федорчуку). А потом ни с того ни с сего у нас появилась автомобильная техника, разъездной адмиральский катер, «Ниву» Герман Алексеевич сменил на чёрную «Волгу». Для Новороссийска, где структурная база ещё не была развёрнута, это выглядело внушительно: пришёл человек — и под него что-то дают!..

Начался процесс формирования отдела. Первым начальником отдела кадров стал капитан 1-го ранга *Юрий Васильевич Ми-ев*. Да, целый этаж нам выделили не сразу, сначала всего лишь два кабинета, потом — третий, для Германа Алексеевича. Я размещался на пятом этаже, возглавляя группу по борьбе с коррупцией. Потом вызывает меня:

— Ваня, послушай меня без обиды. С Новой Земли к нам прилетает Вячеслав Павлович Заика, каперанг. Я хочу назначить его начальником группы, а ты пойдёшь к нему заместителем. У тебя ещё всё впереди. Но вот тебе моё слово: забыт ты не будешь! Согласен?

— Герман Алексеевич, какие могут быть вопросы! Конечно, согласен.

Я неспроста говорил, что с ним я готов был идти на любую должность.

Уезжая из Новороссийска, Герман Алексеевич уже видел котлован под будущий дом для наших офицеров. Он уехал, взяв слово с главы городской администрации В. Г. Прохоренко, что мы все будем обеспечены квартирами. Но только он отбыл во Владивосток — ситуация с домом кардинально изменилась. Уже после его смерти приезжаю в Новороссийск, а мне один капитан-лейтенант бесквартирный говорит:

— Эх, был бы здесь Угрюмов, я б уже давно с семьёй жил в собственной квартире!..

Нет, ты понял? Он там до сих пор живёт как легенда! Хотя и

проработал меньше года. И этот капитан-лейтенант знать его не знал, живым в глаза никогда не видел!..

Адмирал Игорь Васильевич Касатонов:

Когда начался развал государства, то военные структуры, а особенно комитетчики, оказались в необыкновенно сложном положении. Дело в том, что у КГБ существовало деление и по географическому признаку, республиканскому. И те, кто служил на Украине, чохом оказались после «приватизации» органов в украинском КГБ. И огромная сила, огромная система, которая раньше занималась обеспечением безопасности на Черноморском флоте, теперь по существу стала работать против него. Особенно в тех конфликтных условиях, когда я сделал политическое заявление (в то время как власть помалкивала), что коль все республики признали, что Россия — правопреемница Советского Союза, значит, она правопреемница и Черноморского флота.

Работающая вертикаль власти: командующий флотом подчиняется главкому, главком — министру обороны, министр — главнокомандующему (Президенту). Но в то время вертикаль эта была разрушена, Украина получила три военных округа (Киевский, Закарпатский и Одесский) и решила наложить руку и на ЧФ. Не могу сказать, что существовал некий переговорный процесс: была, скорее всего, его имитация. Приезжал адмирал флота *Капитанец Иван Матвеевич* с определёнными разработками, предложениями по разделу ЧФ, но украинская сторона выдвигала, например, такое требование: давайте делить стратегическую часть флота, а нестратегическая часть должна безусловно принадлежать нам. Но ведь флот — это сбалансированная система! Его тактическая часть не может существовать без стратегической — и наоборот. Флот — это единый организм. У глаз и ушей разные функции, но кто ж из нас согласится пожертвовать хоть одним ухом, фигурально выражаясь?..

5 января 1992 года я сделал политическое заявление, что подобного предложения принять не могу и не могу ему подчиниться, поскольку не существует такой директивы на уровне СНГ за подписью официальных представителей МИДов России и Украины, министерств обороны и т. п., поэтому давайте вести процесс раздела флота в цивилизованном русле. Пока ж такого документа нет в природе, считаю своей обязанностью прежде всего сохранить Черноморский флот и не допустить его варварского раздирания и уничтожения.

Юридическая зыбкость взаимоотношений усугублялась ещё тем, что в Москве Черноморским флотом интересовались не столь

активно, как в Киеве. Идея маршала Шапошникова: у суверенных государств должны быть объединённые Вооружённые силы. Где ж такое видано!.. В конце января 1992 года Шапошников уговорил Ельцина прибыть в Новороссийск и лично убедиться, в каком состоянии ЧФ, какие сложности он испытывает. С российским Президентом мы подробно обсудили все животрепещущие вопросы, он побывал на кораблях. Видимо, прочувствовал ситуацию, поскольку в Книге почётных гостей записал: «Черноморцы, в трудный час не дрогните! Я вас поддержу!» Конечно, своё слово он сдержал не до конца… После его отлёта в Москву Черноморским флотом месяца два никто не занимался, а Украина в это время последовательно засылала свои структуры на ЧФ, которые действовали и мытьём, и катаньем. Всё это флот, конечно, только разваливало. Как позже стало известно, за решением проблемы Черноморского флота следили даже Северная и Южная Корея, этим вопросом интересовались политики Индии, Таиланда и многих других стран.

Создание Особого отдела по ЧФ в Новороссийске и назначение туда именно Германа Алексеевича стало для меня громадной помощью. До этого существующий отдел КГБ подчинялся, не знаю, по каким причинам, Феодосии, а там, в Крыму, уже активно шла «украинизация» органов. Оттуда приезжали направленцы явно с «киевским» уклоном, каждый день мордовали телефонными звонками: «Почему не даёте информацию?!» А зачем же её давать, если через полчаса её будут читать помощники Кравчука?.. Я сам разговаривал с севастопольскими и новороссийскими контрразведчиками и убеждал их не давать сколь-либо серьёзной информации в Феодосию. Звонил в Министерство безопасности России Виктору Баранникову, чтобы нас избавили от крымской опёки. Если главная база российского Черноморского флота будет находиться в Новороссийске, то нам как можно скорее надо обзаводиться там собственной службой военной контрразведки — это же естественно.

Вдобавок мы накопили достаточно фактов, что готовились аресты и захваты членов Военного совета ЧФ. Мы знали, что украинская сторона установила в Севастополе негласное наблюдение за нашими квартирами, встречами, что телефонные и устные разговоры записываются. Прибывали на рекогносцировку националисты-руховцы во главе с выпущенным из тюрьмы Степаном Хмарой. Появлялась даже украинская «Альфа», которая «примеривалась» к штабу флота. Разумеется, и в штабе среди офицеров нашлись предатели, которые «сливали» информацию. Ну а если «Альфа» получила бы приказ на силовой вариант

захвата кораблей — кто б им противостоял? Срочники-матросы — профессионалам? Да и что, войну начинать?..

Я сообщил Баранникову, что моя закрытая связь на прослушке, просил помочь. Когда из Москвы прилетел один генерал из ОВС СНГ, чтобы разобраться в этом вопросе, украинская сторона, разумеется, ответила, «що усэ цэ — брэхня!» и что у Касатонова повышенная мнительность. Но, повторяю, я имел свои источники на украинской стороне. Позже из Генерального штаба мне прислали космическую связь.

Герман Алексеевич развил бурную деятельность. Вскоре после приезда сообщил мне, что по ночам в моём служебном кабинете бывают посторонние люди и что им известно о том, что в ящике моего стола всегда лежит заряженный пистолет (второй у меня находился дома, под подушкой). Тогда, в Севастополе, меня охраняла украинская милиция. Угрюмов посоветовал сменить охрану, сообщив, что кое-кто из числа охранников, если поступит приказ, готов провести мой захват и арест. То есть ребят внедрили специально для этого. Я пошутил:

— Ну, арестуют они меня, а потом что будут со мною делать? Вдобавок, как они сформулируют причину ареста: законов российских я не нарушаю.

— Нет, охрану вам сменить нужно. Я подберу ребят. Даже временная нейтрализация командующего для флота может обернуться катастрофой.

От него я узнал, что из трёх моих водителей один завербован украинской стороной, что была попытка завербовать моего адъютанта. Однажды я получил приглашение приехать на встречу с работниками «Особого отдела флота Украины» (Мищенко, Скипальский, другие). Предмет беседы — «взаимное выяснение обстановки». Я приехал — но не в назначенное время, а внезапно, чем, по всей видимости, их слегка огорошил. Угрюмов тогда отругал меня, объяснив, почему приезжать не следовало.

Встречались мы с ним постоянно. Он информировал меня о тех событиях, которые были для меня закрыты. Когда я рассказывал ему об утечках информации прямо из своего кабинета, он отвечал:

— Пока ничего менять не надо. Дыру в заборе тоже можно использовать, хотя и удобнее ходить через калитку. Будем запускать «дезу» и выводить их на ложные направления.

Говорил о том, что в Новороссийске собирается хорошая команда из проверенных им людей, но всё равно тяжко работать, поскольку много информации, которую он передаёт в Москву, остаётся невостребованной — уходит в «чёрный ящик».

Встречались мы и в Севастополе, и в Новороссийске — я мог

передвигаться по своему усмотрению куда угодно. Герман Алексеевич уже после нескольких встреч вызвал у меня абсолютное доверие: настоящий русский офицер. Неповерхностный, мыслящий масштабно, в хорошем смысле склонный к авантюризму, к рискованным предприятиям. Видя, как они задыхаются в обустройстве на новом месте, в Новороссийске, я смог помочь ему с техникой.

Герман рождён был создавать — это в нём клокотало. И я по-человечески удивляюсь, вспоминая про это: как же те люди, которые разрушали Россию, Советский Союз, даже не задумывались, что ведь потом-то надо будет *строить!*..

Капитан 1-го ранга Иван Андреевич Ч-в:

Еще до приезда Заики он мне ставит задачу:

— Иван, надо «под себя» взять таможню и всю эту прокурорско-судебную систему, чтобы мы находились в курсе событий. Ты начальник группы по борьбе с коррупцией — вот и действуй.

— Есть!

Первый начальник таможни в Новороссийске был Хмелевский (ныне покойный). Прихожу к нему на приём, он по телефону разговаривает. Затем барственно-устало:

— Извините, родной мой, вы кто такой?..

— Начальник группы по борьбе с коррупцией военной контрразведки Черноморского флота такой-то. Мой начальник — капитан 1-го ранга Угрюмов Герман Алексеевич.

— Но у меня уже есть служба во главе с Бессмертным.

— Да, но вы же видите, как развиваются события.

(А шел вывод наших войск из Грузии, корабли приходили постоянно, нам работы было — по самую маковку!) Я предложил как-то распределить обязанности и участки работы, выработать взаимодействие, обмен информацией.

— Хорошо. Только сейчас я занят, жду вас завтра в 11 утра.

Я доволен: договорился с начальником таможни. А ему только что новый чин присвоили, весь город перед ним ниц падает, а я всего лишь капитан 3-го ранга — свежеиспечённый, только-только надел погоны с двумя просветами. Являюсь в отдел, докладываю Герману Алексеевичу:

— Завтра в 11 часов утра начальник таможни ждет нас в кабинете.

Он отвалился в кресле и говорит:

— Ты меня, наверное, не понял, Ваня. Или я тебе задачу неправильно поставил. Это что, я поеду к начальнику таможни? Я, представитель Федеральной службы безопасности России?! Да

Господь с тобой!

— Вы же сказали — договориться о встрече, я и договорился…

— Да ты что, первый год со мной служишь? **Он** ко **мне** должен приехать! Вот так ты и должен был договариваться.

— Но вы же сказали…

— Погоди! Мы зачем в этот город пришли? Чтобы встать на защиту южных рубежей Отечества. Я что — **свои** проблемы здесь решаю?.. Завтра доставишь его. Следующий посетитель в моём кабинете — военный прокурор!

— Теперь задача понятна!

Это была не амбиция претенциозного руководителя. Угрюмов «столбил» должность хозяина, обозначал для всех и на долгое время своё положение и место: знайте его! ФСБ всегда должна быть на высоте, поскольку это орган **государственной** безопасности. И мне наука: неси имя сотрудника госбезопасности с честью и достоинством.

В работе он заражал личным примером. К нему очень подходила меткая русская пословица — ретивому коню тот же корм, а работы вдвое. Кажется, Конфуций сказал: «Видеть то, осуществления чего требует долг, и не сделать — есть отсутствие мужества». Герман Алексеевич, сколько я его знал, всегда поступал согласно этой заповеди. В служебном кабинете его сразу чувствовалась деловая обстановка и комфорт без излишеств: ничто не отвлекает и ничто не напрягает. На столе на подставке стояла металлическая пластина с выгравированной надписью: «Кто хочет работать — работает, кто не хочет — ищет причину». Когда кто-то жаловался на трудности, он согласно кивал головой: «Да-да, всё правильно», — и поворачивал пластину надписью к собеседнику. Это, я тебе скажу, был ду-у-уш!..

Александр Владиславович Жардецкий:

Из бакинского огня он попал в новороссийское пекло. Демократический бардак в стране сильно ударил по Военно-Морскому Флоту России. Плюс еще эта некрасивая делёжка Черноморского флота, украинский нахрап. Работы у него там было — ой-ё-ёй!

Говорят: когда море спокойно, всякий может быть кормчим. А на его месте справился бы не всякий.

Глава 7
Тихий океан

Путь на мостик не бывает

гладким,
И нельзя построить по прямой
Курс от первой штурманской прокладки
До последней мили за кормой.

Игорь Пантюхов. Капитаны

Будущий адмирал, а тогда капитан 2-го ранга, *Александр Васильевич Колчак* писал в декабре 1907 года после неудачной русско-японской войны, размышляя о программе военно-морского строительства: «Мировое значение моря как совокупности удобнейших и выгоднейших путей сообщения получает исключительную важность во время войны. Водное пространство моря с этой точки зрения можно рассматривать как развитую до пределов сеть железных дорог (*не забудем, что перед войной закончилось строительство Транссибирской магистрали — на протяжении нескольких лет это была «тема дня».* — В. М.*)*, получающих с момента объявления войны желаемое стратегическое значение. …Значение сообщения и транспорта слишком понятно, чтобы стоило о нём говорить далее».

Поражение в войне — горе горькое, но ещё не беда. Беда — когда в стране Смута!.. Человек с сильной волей, огромного личного мужества, бесконечно преданный флоту и России, Колчак верил, что слава русского флота возродится и ещё не раз эхом прокатится над Мировым океаном. Мало того, он заявил: «Я беру на себя смелость разобрать по возможности беспристрастно основные вопросы: для чего России необходима морская сила и что такое эта сила, или точнее, в чём эта сила выражается». Тогда ему исполнилось всего 34 года.

Другой талантливый русский военачальник, тоже с трагической судьбой — Верховный главнокомандующий русской армии, из простых казаков, генерал *Лавр Георгиевич Корнилов*, десять лет спустя, выступая на Государственном совещании в Москве, ещё не преданный масонами и политиками и — Бог знает, насколько глубоко и искренне — веривший в идеалы Февральской буржуазной революции, говорил о насущнейших нуждах армии: «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочёты. Но тем не менее эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованиям. Целым рядом законодательных мер, проведённых после переворота людьми, чуждыми духу и пониманию армии, эта армия была превращена в безумнейшую толпу, дорожащую исключительно собственной жизнью.

…Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский

корпус, доблестно сражавшийся за всё время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным её делу, и теперь должен быть вознаграждён нравственно за все понесённые им, не по его вине, унижения и за систематические издевательства. *(Возгласы: — Правильно!)* Должно быть улучшено материальное положение офицеров, их семей, вдов и сирот павших героев, причём справедливо отметить, что это чуть ли не единственная корпорация в России, которая до сих пор не заикнулась о своих нуждах, которая не требовала улучшения своего материального положения. А каково это положение, показывает недавний пример того прапорщика, который был поднят на улице Петрограда, упавшего от истощения сил, вследствие голода, за неимением средств».

Это была *присказка,* уважаемый читатель… Надеюсь, понятная.

Генерал-полковник Алексей Алексеевич Моляков:

Я был начальником военной контрразведки России, когда на Дальнем Востоке случилась трагедия: погиб начальник Особого отдела Н. В. Егоркин. Встал вопрос — кем его заменить. Я предложил кандидатуру Угрюмова.

После бесед с руководством относительно его кандидатуры было принято однозначное решение: на Тихоокеанский флот назначить его в качестве руководителя военной контрразведки флота. Там и театр военных действий уже побольше, и количественный состав, и масштабы другие.

Мне довелось выехать туда, на ТОФ, и представить его оперативному составу. Полетели мы вместе с министром В. П. Баранниковым и группой лиц — по просьбе Германа Алексеевича, чтобы определиться: в каком состоянии находится хозяйство, которое он принимает. Наша комиссия проработала две недели и сделала соответствующие выводы.

Генерал-лейтенант Владимир Иванович Петрищев:

Мы инспектировали Управление Особых отделов Тихоокеанского флота, побывали везде, всё увидели своими глазами. На разбор специально прилетел министр Баранников. Такое случилось впервые, чтоб министр прилетел ознакомиться с положением Особого отдела, до этого, как максимум, он инспектировал территориальные Управления Особых отделов.

Впечатление было тягостным. Москва словно запамятовала, что есть такой стратегически важный регион России, как Приморье. Финансирование и снабжение — неполное и эпизодическое, элементарные хозяйственные вопросы по

обустройству быта офицеров и мичманов надо было Егоркину решать каждый Божий день — и даже эти крохи вымаливать и выдирать!.. И в этой тяжелейшей обстановке он сумел сохранить оперативное ядро и работать результативно. Кто это нынче оценит!.. Я постарался всё изложить объективно. Простой пример — нет форменной одежды, на службу приходят в чём попало, про форму забыли. Когда я докладывал об этом, кто-то с трибуны бросил фразу: «А они тут в плавках на работу не ходят?».

Герман Алексеевич правильно поступил, попросив нас приехать с проверкой. Одно дело, когда он сам будет мотаться по объектам и изучать — на это потребуется полгода, если не больше, другое дело — когда приедет квалифицированная бригада, всё проверит и разложит по полочкам, нарисует объективную картину и даст рекомендации — где, что и как исправлять. И третье — Центр будет знать его «стартовый капитал» в этом регионе, чтобы затем иметь возможность сравнить — дело пошло на поправку или стало ещё хуже.

Месяцев через десять мы приехали в меньшем составе, чтобы проверить, какие произошли изменения и в какую сторону. В докладе я прямо написал: «Сегодня мы приехали совершенно в другой отдел». Меньше чем за год Герман Алексеевич кардинально изменил ситуацию. Укрепил кадры, повысил дисциплину, ответственность и, естественно, результативность работы. Для нас даже важен был не сам результат — результаты всегда будут, если работа отлажена, нам важно было увидеть — переломилась ли общая обстановка, повысилась ли управляемость людьми. Всё это было налицо. Тогда царила пассивность и безысходность, а сейчас мы увидели, что у людей глаза загорелись.

Алексей Алексеевич Моляков:

А время-то, помните, какое было!.. Отношение к органам госбезопасности сделалось негативным задолго до августа 91-го года. Полагали почему-то, что деятельность органов на протяжении советского периода была только репрессивной… И в это нелегкое для нас время у Германа Алексеевича открылся талант: наладить тот уровень работы, при котором бы коллектив стал более работоспособным и давал ощутимые положительные результаты. Задачи видоизменялись, но по существу оставались прежними. И страна, и оборонный комплекс, и Вооруженные силы нуждались в надежной контрразведывательной защите. Нельзя было терять из виду устремлений спецслужб противников и к Военно-Морскому флоту, и в целом к Вооруженным силам, и к государству. Наивно было бы полагать, что мы, спецслужбы

разных государств, стали «братьями» только потому, что наши президенты называют друг друга на «ты».

А задачи перед Германом Алексеевичем были поставлены очень жёсткие, с учетом сложности обстановки на Дальневосточном театре военных действий. Хозяйство, которое он принял, в целом было в рабочем состоянии. Как в любом коллективе, там были передовики, середнячки, были и отстающие, но в целом сохранилось работоспособное ядро. В этом мы убедились в ходе проверки перед вступлением Угрюмова в должность.

Автор: Ещё бы не помнить, какое для российских спецслужб это было время, и, помимо прочего, огромную статью — на три номера! — в «Известиях» неугомонной искательницы «правды» *Евгении Альбац*, автора книги с красноречивым названием «Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ». Заголовок статьи кричащ, суров и требователен: «Лубянка»: будет ли этому конец?» Как всегда, сердечного жару журналистке не занимать; как сказал в своё время Лев Толстой: «Не могу молчать!» — так и она садится за чистый лист бумаги, когда сердцу уже тесно и тревожно в груди… В её понимании Комитет государственной безопасности, то бишь «Лубянка», *«является тем, чем была до августа девяносто первого и осталась сейчас — политической полицией. Масштабы не те, энтузиазм — не тот, суть та же, что и была все 75 лет существования КГБ. Но самое главное — ради чего автор и пустилась в реминисценции событий последних двух лет — ничего другого после тех косметических реформ, кои были произведены в КГБ, и ждать было нельзя. /…/.*

Более того: эти два года показали, что для такой структуры, как КГБ, для того чтобы она могла функционировать именно как политическая полиция и отравлять жизнь обществу, не так уж важна и форма государственного устройства. /…/.

Система госбезопасности порочна в своей основе. И потому простому реформированию, бумажному обновлению — не поддаётся. И не поддастся. /…/.

КГБ был востребован в самой отвратительной своей ипостаси — в сфере подслушивания и подглядывания за политическими противниками. Это очень опасные игры».

Благородный гнев сопровождает каждую строчку этого печатного труда. «Ну, поганцы эти лубянцы! — думал, наверное, читатель «Известий», разворачивая очередной номер с продолжением. — Это ж до какой истерики даму довели!..» В это время ходил в народе анекдот: по сообщению ИТАР — ТАСС, в домашней библиотеке президента случился пожар; *обе* книги сгорели. Одну он даже не успел раскрасить. Может быть, поэтому

Борис Николаевич, почувствовав книжный голод, набросился на «Известия» и… наткнулся на гневный вопрос журналистки: «Доколе?!» Во всяком случае, государственный документ, подписанный им, кое-где прямо-таки калькирует мысли и фразы из упомянутой статьи. Верх иезуитства — это, конечно, *дата* его подписания: наутро после Дня работников госбезопасности. Вместо огуречного рассола, понимаешь…

У к а з

Президента Российской Федерации

Об упразднении Министерства безопасности Российской Федерации

и создании Федеральной службы контрразведки Российской Федерации

Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась нереформируемой. Предпринимаемые в последние годы попытки реорганизации носили в основном внешний, косметический характер. К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения государственной безопасности России у Министерства безопасности Российской Федерации отсутствует. Контрразведывательная работа ослаблена. Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана.

На фоне происходящих в России демократических, конституционных преобразований существующая система обеспечения государственной безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ.

С целью создания надёжной системы государственной безопасности Российской Федерации **постановляю**:

1. Упразднить Министерство безопасности Российской Федерации.

2. Создать Федеральную службу контрразведки

Российской Федерации.

3. Установить, что Федеральную службу контрразведки Российской Федерации возглавляет директор в ранге министра Российской Федерации и что он подчинён непосредственно Президенту Российской Федерации. Назначить Голушко Н. М. директором Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

4. Директору Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Голушко Н. М. в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение Президенту Российской Федерации Положение о Федеральной службе контрразведки Российской Федерации.

5. Установить, что сотрудники Министерства безопасности Российской Федерации и подведомственных ему органов и организаций считаются временно проходящими службу в Федеральной службе контрразведки Российской Федерации до прохождения ими аттестации, необходимой для зачисления в штаты Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

6. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин

Москва, Кремль.

21 декабря 1993 года.

Автор: Как сообщили те же «Известия» от 24 декабря, «указ был спешно подготовлен без участия Совета безопасности страны». Двум напористым корреспондентам этой газеты начальник Центра общественных связей *Алексей Кондауров* ответил, что есть решение пока не комментировать новость в средствах массовой информации. Спустя несколько лет *Станислав Лекарев и Анатолий Судоплатов* всё-таки прокомментировали решение первого российского президента в открытой печати («Независимое военное обозрение», № 9, 2003).

«В эпоху Ельцина формально многое изменилось, но по существу Вооружённые силы, органы госбезопасности и охраны общественного порядка, так же, как и МИД, по-прежнему в рамках

«одной из самых демократических Конституций» оказались выведенными из-под общественного контроля и стали важнейшим инструментом и гарантом обеспечения незыблемости режима личной власти. Реформы 1990-х годов как в армии, так и в органах безопасности и МВД, которые проводились под лозунгом демократических преобразований, преследовали очевидную цель — минимизировать исходившую от них потенциальную угрозу».

А «неэффективная и обременительная для государственного бюджета» служба тем временем успешно провела операцию «Набат» — по освобождению ростовских школьников, которых четверо бандитов загнали в вертолёт Ми-8МТ и взяли курс на Махачкалу. Подполковник Валентин Падалка и капитан Владимир Степанов добровольно вызвались стать заложниками и лететь на захваченном бандитами вертолёте. Четверо суток экипаж не покидал пилотских кресел. Столько же времени не спали уже «реформированные эмбэшники», но ещё не прошедшие аттестацию… Руслан Имранович Хасбулатов, в то время — верная президентская опора, на встрече в одном из посольств самолично дал всем работникам госбезопасности «аттестацию»: «А **из этих** — кто сколько прослужил, столько и будет сидеть…» Герману Угрюмову, согласно этому заявлению государственного мужа, «светило» париться на нарах, как минимум, 18 лет. Хасбулатов уложился почти в афоризм, но прямо по тексту чувствуется, что сказать хотел больше: ужо вам, скуратовы, шакловитые и ромодановские!

Что же касается **этих** и КГБ как организации, то бывший шеф ЦРУ *Аллен Уэлш Даллес*, как и Евгения Альбац, не любивший это учреждение, со своей точки зрения профессионала-противника всё-таки обозначает спектр его деятельности шире, чем просто «политическая полиция» — и тут ему доверия больше, чем вздорной журналистке: «Это — многоцелевая, универсальная секретная организация, которая, судя по последним данным, способна выполнить, можно сказать, любое задание кремлёвского руководства. Она — больше, нежели секретная полицейская организация, мощнее, чем разведка и контрразведка, вместе взятые. Она — инструмент подрывной деятельности, манипуляций и насилия, тайного вмешательства в дела других стран. Она — агрессивный механизм советских амбиций в «холодной войне».

Приятно знать, будучи гражданином России, что тебя зищищают такие парни, заслужившие столь высокую и злобную оценку от профессионала высокого класса, каковым был Аллен Даллес.

Госсекретарь США Дж. Бейкер, уже после развала Советского

Союза, заявил уже без обиняков и какой-то там «дипломатии» в отношении к «новой», «демократической» России: **«Мы истратили триллионы долларов за сорок лет, чтобы оформить победную войну в СССР».** Джордж Буш-старший, тогдашний президент США, публично заявил, что приход к власти Бориса Ельцина — это **«наша победа — победа ЦРУ».** Тогдашний директор ЦРУ Р. Гейтс, попирая ногами брусчатку Красной площади, с улыбкой заявил корреспонденту агентства Би-би-си: **«Тут, на Красной площади, подле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад своей победы…».**

И это — можно забыть? Даже ради политическо-дипломатических выгод? Да ни за что!

Олег Иванович Пил-ов:

Капитан 1-го ранга В. А. Попов рассказывал такую историю. Предшественник Угрюмова пользовался у подчинённых большим авторитетом, и, естественно, личный состав Управления контрразведки вначале настороженно воспринял его назначение: каким окажется новый начальник?.. На первом совещании Угрюмов сказал: «Понимаю, что вы скорбите об утрате. Николая Васильевича уже не вернуть, поэтому давайте считаться с действительностью. Отныне вами руковожу я». И этим сразу снял напряжение. И началась работа.

Владимир Владимирович Прядко:

Мой дядька, заслуженный военный строитель, с детства внушил мне такую мысль: плох тот начальник, который не занимается строительством. Вот по части стройки Герман Алексеевич стал моим учителем. Впрочем, не только по части стройки, он стал просто моим хорошим учителем.

Я только снял погоны — уволился из ВМФ, и с Сергеем Николаевичем Пилипенко, тоже бывшим морским офицером, мы организовали строительную компанию. Герман Алексеевич нас подключил к своей идее. Что восхищало в нём — это то, что к строительству он относился по-хозяйски. Приезжал на стройку — преображался, потому что он любил созидать.

Пример: чтобы возвести фундамент, нужно круглосуточное бетонирование, чтобы бетон схватился равномерно. И так — трое суток подряд. Он приехал ночью (ноябрь на дворе, холодно, надо успеть до первого снега) и говорит водителю: «Открывай багажник!» Вынимает ящик водки, закуску: «Ну-ка, мужики, согрелись!» Работали пятьдесят человек. У работяг душа отзывчивая: ночь, холод, работа тяжёлая — а тут адмирал приезжает с «сугревом», говорит с ними, как с равными. До сих

пор и рабочие, и прорабы с влажными глазами вспоминают про такие случаи.

Олег Иванович Пил-ов:

Другой случай: у прораба, Сергея Борисовича Рыжковского, на стройке день рождения. Накрыли стол, а тут Герман Алексеевич.

— Что за разгуляй?

— День рождения мастера. Подойдите к столу, они вас уважают, просят.

— Ладно, пяток минут побуду с вами.

Просидел два часа. Песни пели, он стихи читал, фокусы на картах показывал. Устроил конкурс: кто больше песен знает — моряки или строители. Начальник участка Остапенко проиграл ему бутылку «Смирновской» — побежал за ней. Шутки, веселье. Словом, создал такую атмосферу тёплую — люди отдохнули.

Своим обаянием он располагал к себе, поднимал дух, и люди после этого готовы были работать сколько потребуется. Был у нас каменщик, лезгин Алик по кличке Черкес — мастер на все руки. С ним он за руку здоровался, мастеров в любом деле уважал. Однажды приехал, поговорил о деле, потом прорабу и Алику:

— Через два часа я заеду за вами. Будьте готовы по «схеме № 8», — что означало поездку на его служебную дачу. Сам закупил всё, что надо для застолья, забрал их и увёз, чтобы они отдохнули. Надо ли говорить, что этот знак внимания они запомнили на всю жизнь?..

Владимир Иванович Петрищев:

В то время я был в ранге заместителя начальника Инспекторского управления МБ РФ. Приезжал с проверками на Дальний Восток и могу сказать, что Угрюмов был не только хорошим оперативником-контрразведчиком, но и прекрасным хозяйственником. Это в нём, как уже говорил, я отметил еще в Баку. Он во Владивостоке впервые — других подобных примеров не было! — нашёл путь облегчения острейшего жилищного вопроса. Ведь Особые отделы всегда были на обеспечении в войсках, рассчитывались между собой финорганы КГБ и Министерства обороны. А тут издали три приказа: приказ Министра обороны, Главкома Внутренних войск и директора МБ (или тогда уже ФСК — я сам путаюсь с этими реорганизациями!..): мол, чтобы получить жильё, платите денежки, господа офицеры, голубые князья… А откуда у «господ офицеров» деньги?! Семьи кормить многим не на что! Мне давали в год одну-две, в лучшем случае три квартиры — на всю военную

контрразведку России. На всю! А у меня — сотни, сотни бесквартирных!..

А отсутствие жилья в то смутное время вылилось в то, что офицеры сразу перестали воспринимать назначения: лучше я здесь буду старшим опером, чем куда-то поеду начальником!

Ну и как мне его не понять?..

Владимир Владимирович Прядко:

Забегу вперед. Когда первый дом был достроен, Герман Алексеевич уже работал в Москве. Я приехал к нему на Лубянку и специально привез с собой фотографию этого дома в рамочке. И он сказал:

— Володя, это моя гордость. Это будет стоять у меня в кабинете.

56 семей при нём получили квартиры. При этом Управление контрразведки не потратило ни копейки бюджетных денег! Его схема мне показалась вначале несколько авантюрной. Да, в общем, она и была такой. Он любил авантюрные моменты. И для меня это была авантюра, но он смог убедить меня, обаять в первую очередь. Хлопнет по плечу — и что-нибудь из Вергилия: «Мужайся, юноша, так достигают звёзд!» Я согласился, хотя залогом служили лишь его авторитет и слова «По рукам!».

А у нас в фирме в то время денег — ни копейки: только организовались, начали развиваться. И я начал колебаться. После рукобитья проходит три дня — звонок!

Олег Иванович Пил-ов:

Звонит:

— Договор готов?

— Какой договор?.. А-а, понял! — Не ожидали от него такой оперативности контроля. А у него так было: раз что-то сказал, пообещал хотя бы мимоходом — значит, дал слово офицера.

Всё, я пригласил юристов, составили договор. Рассматривали все юридические тонкости договора примерно неделю. Как помню, 17 ноября 1994 года мы его подписали: «Договор на строительство группы жилых домов по ул. Некрасовской в г. Владивостоке».

Но не надо думать, что Угрюмов занимался только стройкой: оперативная работа не шла, а кипела. Успех в строительстве у него совпал с успехом в службе. Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью и контрабандой Брязгунов Виталий Викторович в ходе оперативной разработки сумел взять с поличным на границе с КНДР наркоторговцев. По тому времени это была самая крупная партия героина, перехваченная с

наркокурьерами. 8,7 килограмма чистой отравы!

Для проведения операции требовались большие деньги, чтобы показать корейцам готовность заплатить за «товар». Деньги громадные. Вышли на Черномырдина. Но он выделил недостаточную сумму. Ладно, выкрутились. Сделали элементарную подставу и взяли преступников с поличным. Государственные деньги, отпущенные на операцию, до копейки вернули.

Капитан 1-го ранга Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

Что происходило на ТОФе до приезда Германа Алексеевича? То же, что и в стране. Царила во всём разруха. Я тогда работал в должности оперуполномоченного в информационно-аналитическом подразделении, был капитаном 3-го ранга. Угрюмов сменил Николая Васильевича Егоркина, погибшего в автокатастрофе, очень уважаемого человека, который многое сделал для того, чтобы сохранить контрразведку Тихоокеанского флота.

Угрюмов пришёл к нам в звании капитана 1-го ранга, контр-адмирала получил уже здесь — примерно через месяц. Особый отдел Тихоокеанского флота тогда ещё был отделом, а не управлением, располагался на 9-м и 10-м этажах Управления ФСК по Приморскому краю.

Обращали на себя внимание его габариты и то, что лестничный пролёт он пролетал бегом. Всё время в движении, как ртуть. Даже потом, когда у него сильно болела нога, он всегда рвался вперёд — характер.

В тот период многие сотрудники уходили: неизвестно, кому служим, неизвестно, когда тебя выкинут за борт, как ненужный балласт, — и иди в никуда, без квартиры, без работы. У меня была репутация неплохого инженера (базовое образование — инженер автоматики), рвали, что называется, на части. Наши же бывшие сотрудники, ушедшие в различные структуры, приглашали в свои фирмы. Но я увидел, что пришёл начальник именно боевой, уверенный, хваткий, деловой, — и принял решение остаться. Помню примечательную его фразу после одного из многих в ту пору ЧП: «Я не понимаю, как это так: вооружённый человек на посту пропускает бандитов беспрепятственно! Зачем же тебя тогда вооружили?» Так искренне мог недоумевать только человек с «военной косточкой».

В то время бурно росла организованная преступность, бандиты приходили в воинские части, чтобы добыть оружие, и в одной из в/ч спокойно прошли мимо охраны, которая не посмела их остановить. Нацеленность Угрюмова на то, что армия, силовые

структуры должны защитить государство, обратила на себя внимание. Мы были вооружёнными людьми, но в тот период скованы идеологией «как бы чего не вышло!..» А Герман Алексеевич — это уже из дальнейшего опыта — умел рисковать и брать на себя ответственность. Умел защитить своих сотрудников. Всё, что я буду о нем рассказывать — только иллюстрация к этой фразе.

Угрюмов пришёл на ТОФ, когда и в Приморье, и вообще в России царила антиармейская вакханалия, когда избивали на улицах офицеров, нападали с целью завладения оружием. Шло расслоение и внутри армии, и внутри спецслужб. Кого-то увольняли, кто-то уходил сам. Никого не хочу винить: в той ситуации для ухода у многих были веские причины. С кем-то мы продолжали поддерживать отношения, с другими — нет. Были и такие, кто встал на путь явного предательства, ушел в преступный мир. Но оставались люди, которые продолжали работать ради идеи, несмотря ни на что.

Тогда мы шутили: никто не может упрекнуть нас, что мы Родине служим за деньги: разве ж это деньги?! Правда, нам отвечали: вам податься некуда, потому вы и остались. Аналогичный анекдот ходил и в гражданской среде: «Что ж такое творится: мы им какой уже месяц зарплату не платим, а они всё ходят и ходят на работу!» — «Так, может, за вход деньги брать?..».

Спецслужбы у государства — это как собака у хозяина, она должна быть предана ему. А если собаку бросить, то самый породистый пёс или по помойкам пойдёт, или превратится в волка — что ещё страшнее. А в нашем случае человек тем и отличается от собаки, что мы присягали Родине, а не очередному правительству, и какая Родина ни есть — мы на верность ей давали клятву. И это не пустые слова, подавляющее большинство офицеров свою честь ни на какие блага не променяли. Оставалась и «конъюнктура» — без пены ухи не сваришь, но суть определяла не она. Первая чеченская кампания это подтвердила: надо ехать — поехали, хотя свобода выбора была.

Герман Алексеевич всегда особо выделял и ценил людей, имевших боевой опыт, старался им помочь. Острая криминальная ситуация продиктовала необходимость создания отдела по борьбе с организованной преступностью. Начали с разведки боем, с обобщения материалов, с проверок, обобщения ситуации. Ведь был период, когда с нами вообще не считались: полагали, видимо, что органы безопасности если не распались, то окончательно деморализованы. Выяснилось, что это не так. Люди, которые рвутся в бой, находятся всегда. И нужно организовать их, уметь дать им команду и отвечать потом за то, что они сделают

по твоей команде. Но есть и второе обстоятельство: таких «ухорезов» надо уметь самих попридержать, чтобы они в служебном рвении не «заигрались» и не стали такими же бандитами. Герман Алексеевич справлялся с обеими задачами.

«Красная звезда» от 20 мая 1994 года:

Два матроса ракету нашли

Сотрудникам военной контрразведки понадобилось несколько дней, чтобы установить причину пожара на складе авиабоеприпасов в Новонежино

Вот что сообщил корреспонденту «Красной звезды» начальник Управления военной контрразведки Тихоокеанского флота контр-адмирал **Герман Угрюмов:**

— Самые последние сведения, о которых сейчас можно уверенно говорить, привязывая их к причинам возникновения взрыва на складе в Новонежино, таковы: два военнослужащих срочной службы из свободной смены караула незаконно проникли на техническую территорию объекта и в результате неосторожных действий с пороховым ускорителем авиационной ракеты спровоцировали взрыв с последующим пожаром и более мощными взрывами, приведшими к уничтожению склада. Эти лица признали предъявленные им обвинения. Это только что подтвердил мне и военный прокурор Тихоокеанского флота генерал-майор юстиции Валерий Николаевич Сучков. Заключение экспертизы, судебного следственного эксперимента подтверждают, что именно так и произошли возгорание и взрывы.

— Другие данные, которые ходят сейчас в средствах массовой информации, противоречивы, — продолжал контр-адмирал Угрюмов. — Говорят о валяющихся стволах оружия, связывают случившееся с хищением оружия со склада. Это всё не подтверждается. Совместно с прокуратурой флота мы установили личности людей, причастных к хищению. И на сегодняшний день у нас нет оснований как-либо юридически связывать хищение оружия со взрывами. Хотя версию эту мы не отбрасываем, продолжая разыскивать несколько стволов, которые не удалось пока возвратить на склад. Стрелковое оружие, которое хранилось на складе, —

заключил начальник Управления военной контрразведки, — в результате взрыва не пострадало, оно не разбросано, а находится в тех хранилищах, что и прежде.

Остается добавить, что сумма ущерба, нанесённая, с позволения сказать, такими «шалостями» виновных, исчисляется миллиардами рублей. Сегодня ещё ведется подсчёт. Ведь только в одном поселке Смоляниново пострадало 1070 домов.

Капитан 2-го ранга Николай ЛИТКОВЕЦ (Владивосток).

Борис Владимирович Пр-вич:

Об этом происшествии я услышал по радио. Позвонил дежурному по Управлению, руководство приказало мне срочно вылететь туда в составе комиссии. Прилетели во Владивосток, прибыли к месту катастрофы, где ещё рвались снаряды. Встретили нас командующий Тихоокеанским флотом адмирал Гурьев и Герман Алексеевич. С нами был первый заместитель командующего ВМФ адмирал Игорь Касатонов. С первых же минут Герман Алексеевич проинформировал нас о происшествии, о примерном нанесённом ущербе. Тут же выдвинул возможные версии случившегося, одна из которых подтвердилась буквально на следующие сутки. И мы моментально вышли на круг лиц, безответственное поведение которых послужило причиной взрыва. «Неосторожное обращение», упомянутое в заметке, — это не что иное, как брошенный в сухую траву окурок…

Когда он выдвинул такую версию, командование никак его не поддержало: все склонялись к тому, что произошел теракт. Прав, однако, оказался Угрюмов.

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

Как-то мы летели на Камчатку с группой офицеров Управления, возглавлял её Герман Алексеевич — для проверки и оказания помощи на местах. Запомнилось возвращение. Пассажирские самолеты все перегружены, подогнали военно-транспортный. У него большой грузовой отсек, в котором пассажирам размещаться нельзя, и небольшой отсек за кабиной пилотов — кажется, четыре посадочных места. А нас летело 18 человек. Потому что прибавились молодые лейтенанты с жёнами и детьми, которые хотели улететь в отпуск. У Германа Алексеевича даже малейшего колебания не было — брать их или не брать. Он не сел до тех пор, пока не усадил всех женщин и детишек. Только потом присел на стульчик, который ему вынес

командир. И в этом не было никакой рисовки. Чтобы представить, как мы летели, опишу: мы с товарищем стояли по очереди на одной ноге, потому что для двух ступней места не хватало. И так четыре часа полёта, недолго…

Старший мичман Л. Ст-в:

Пошли мы с ним во Владивостоке на рынок. А это был тот разнузданный период перестройки, когда появились рэкетиры и прочий активный криминальный элемент. Мы вдруг увидели, как двое молодых парней опрокинули лоток с зеленью у одной бабульки, поскольку она, как мы сообразили, не смогла заплатить им мзду — «за место». Герман Алексеевич тут же подошел к тому, что покрепче, и сказал:

— Первое: подними зелень, второе: извинись перед бабушкой, а третье — запомни крепко: теперь я каждый день буду приходить сюда и узнавать, насколько хорошо ты её охраняешь. Надеюсь, ты меня правильно понял? — Внятно, спокойно, не повышая голоса, глаза в глаза.

Крепыш, ещё минуту назад ощущавший себя хозяином рынка, молча кивнул и стал собирать бабкину зелень.

Алексей Алексеевич Моляков:

Своим приходом на Дальний Восток он придал мощный импульс своей службе для более активной работы и личным примером увлекал сотрудников: не просто общими установками и призывами — «Ребята, надо, надо!..» Нет. Его активная жизненная позиция проявлялась в организации работы — прежде всего. Собственно, это и было его задачей.

Есть расхожее выражение, и очень правильное: чтобы узнать человека, дайте ему власть. А власть-то Германа и не портила, ибо он жил другими ценностями — работой, Долгом, Присягой! Во-первых, это был человек, который имел высокопрофессиональный контрразведывательный опыт; во-вторых, от природы у него были отличнейшие данные — аккумулировать всё то, что есть в профессиональном смысле ценного, позитивного у других сотрудников. Потому-то он на ТОФе легко решал те вопросы, с которыми не мог столкнуться на Каспии и в Новороссийске. Он всю жизнь учился, не стыдился этого и поэтому становился мудрее, умнее, профессиональнее.

Автор: Не могу не вспомнить по этому поводу одного из любимых моих полководцев — Михаила Дмитриевича Скобелева, который за свою жизнь провёл, по подсчётам историков, 70 больших и малых сражений — все закончившиеся победами.

«Белый генерал», гроза Оттоманской Порты, непримиримый враг шаблона в проведении военных операций, учился военному искусству всю жизнь. За несколько дней до его смерти книжный магазин Вульфа в Санкт-Петербурге получил заказ от Скобелева — прислать в село Спасское Рязанской губернии книги о Германии и немецкой армии на русском и любом из европейских языков, изданные в последнее время.

Вдумчивый биограф славного генерала *Валентин Масальский* пишет в книге «Скобелев»: «В усвоении уроков войны Скобелев представлял образец презрения ко всякой рутине. Он немедленно реагировал на всё полезное, рождавшееся боевым опытом войск. Для него не имело значения, от кого, офицера или солдата, исходила та или иная полезная мысль. Например, мысль об отражении ночных вылазок текинцев подал солдат. Он был награждён солдатским Георгием… Совещания с офицерами и унтер-офицерами, доводившими принятые решения до солдат, Скобелев проводил не только для уяснения ими смысла действий в предстоящем бою, но и для того, чтобы выслушать их мнения, которые могли содержать новые полезные предложения».

Александр Александрович Зданович:

«Святость — не человеческий удел», — сказал кто-то из русских классиков, поэтому образ любого человека не терпит идеализации, поскольку мы — все живые люди из грешной плоти, со своими недостатками, со своими жизненными ошибками. Иногда он внимательно выслушивал всех выступающих с предложениями по разработке какой-либо операции, потом опускал ладонь на стол и говорил:

— Спасибо, ребята. А теперь слушайте, что Чапай скажет…

Ошибался в жизни каждый из нас, ошибался и Герман Алексеевич — как любой не «лежачий», а активно действующий человек. Один историк шахмат сказал «одын умный вэщь»: «Талантливая ошибка несёт в себе куда больше возможности развития, чем посредственная правильность». Так ошибался и Герман. Но в чем красота этого человека? В том, что он никогда не стеснялся сказать подчинённому: слушай, а ведь ты был прав, а я нет, извини! И это будучи заместителем директора ФСБ — это должность замминистра, — Героем России, вице-адмиралом — а?.. Вот в чём самое нутро-то человеческое проявляется — каков ты есть на самом деле!..

Я и сам долгое время служил на Тихоокеанском флоте, и у нас было много общих знакомых, общие вопросы, которые мы обсуждали с Германом Алексеевичем. Угрюмов там провёл ряд успешных операций. Насколько мне известно, его командой был

разоблачён один из агентов иностранной разведки, который был уже на грани получения спецтехники, которую использовали наши подводные диверсанты. Герман Алексеевич — разработчик операции и руководитель пресечения этой деятельности.

У нас были оригинальные образцы, аналогов которым не существовало в мире. За ними, естественно, охотились. Но, как говорят, получился облом!..

Под его руководством прошел ряд успешных мероприятий по линии борьбы с организованной преступностью. Началась эпоха хищений, в криминальную деятельность втягивали бывших военнослужащих либо тех, кто еще носил погоны. Угрюмов не мог мириться с этим по своей природной закваске: он так был воспитан — сын фронтового разведчика, чудесной матери, он исповедовал одну доктрину: народное — это народное, моя зарплата — это мой заработок.

Кстати, по его предложению и под его руководством было создано подразделение по борьбе с организованной преступностью и коррупцией на Тихоокеанском флоте.

Аркадий Аркадьевич Дранец:

Под его руководством было проведено множество оперативных мероприятий — в том числе и по американской разведке. Я работал во втором секторе — это как бы штаб, — обобщал материалы, поэтому могу утверждать: объем работы, проводимой Германом Алексеевичем и нашим Управлением, был огромен. Приглашаю верить на слово, поскольку подавляющее большинство ситуаций, которые удалось «разрулить», — не для рассказа.

С 1994 года началась подготовка морской пехоты к отправке на Кавказ. Их подготовка шла по линии Министерства обороны, а у нас формировалась группа оперативного состава, которая тоже готовилась к отбытию в том же направлении. В течение месяца на полигоне морские пехотинцы отрабатывали технику ведения боя, учились стрелять. Целиком полк укомплектовать не получилось, времени на подготовку было явно недостаточно. Два командира ДШБ (десантно-штурмовых батальонов) отказались ехать. Получилось так.

Построили нас всех на аэродроме, среди провожающих — командующий Тихоокеанским флотом, Герман Алексеевич. После постановки задачи, напутствия и прощальных слов — «Какие есть вопросы?» два комбата сказали, что их солдаты не готовы вступить в бой, поскольку для подготовки было отпущено мало времени. Требовали еще месяц на подготовку.

Одного нам удалось уговорить: мол, братишки всё равно в

бой пойдут, вместо тебя встанет в строй кто-то другой, которого они не знают как командира, не уважают так, как тебя. Командир полка полковник Фёдоров сказал, что его заверили: с ходу в боевые действия их не пошлют, дадут на месте сориентироваться. Один согласился, а второй офицер — ни в какую! «Я отвечаю за жизни своих подчинённых и не могу позволить, чтобы их, не научившихся как следует воевать, посылали в огонь как пушечное мясо. Дайте срок на их обучение — и мы сделаем в Чечне втрое больше с минимальными потерями. Если я повезу на войну необученных, то как я потом буду смотреть в глаза их матерям!..».

Это был один из лучших комбатов, на учениях показал отличные результаты. Из Министерства обороны позже пытались его скомпрометировать, но перед другими офицерами его особая позиция ничуть его не унизила: по-своему он был прав.

Я знаю, что Герман Алексеевич направлял в Москву шифровки с просьбой довести информацию до командующего группировкой в Чечне, до начальника штаба, что прилетят неподготовленные воины, и это необходимо учесть при планировании боевой операции. Но, забегая вперед, скажу, что нас бросили в бой сразу. Третьего января 1995 года мы находились уже в Грозном. И десантники, и морпехи показали себя прекрасно.

А пока — заснеженный аэродром во Владивостоке. Моряки на лётном поле натоптали ногами: «На Грозный!» Герман Алексеевич пригласил меня и командира полка в машину. Выпили за удачу, он сказал напутственное слово всем. Потом повернулся ко мне:

— Я знаю, что ты полезешь в пекло, поэтому прошу: береги себя и ребят. Мой тебе наказ: сколько взял парней — столько и верни!

— Задачу выполним, флот не опозорим.

В первый раз я пробыл в Чечне до 6 марта 1995 года. Мы провели много хороших операций. Я тогда досрочно получил звание подполковника, орден Мужества, медаль «За воинскую доблесть» 1-й степени и наградное оружие от министра обороны Павла Грачёва — американский армейский кольт.

Вернувшись, первым делом зашел к Герману Алексеевичу и доложил:

— Ваше задание выполнено. Сколько взял — столько и вернул.

Олег Иванович Пил-ов:

При Германе Алексеевиче Управление практически через год уже встало на ноги, а через два года по результатам оперативно-служебной деятельности Москва назвала Управление ФСК по

Тихоокеанскому флоту в первой пятёрке среди 89 Управлений ФСК (по количеству субъектов федерации). Не только среди органов военной контрразведки, а именно среди управлений! А еще через год Управление по ТОФу числилось уже в первой тройке.

С той поры ему неоднократно предлагали повышение в должности, но он отказывался. Ему нравилось чувствовать себя хозяином в своем ведомстве, где он навёл порядок, ко многому приложил руки, организовал множество перспективных оперативных заделов. Хотя как профессионал он уже свою должность перерос. Так что перевод его в Москву был вполне закономерен.

Глава 8
«Дело» Пасько

Предательство чаще всего совершается не по обдуманному намерению, а по слабости характера.

Франсуа де Ларошфуко

А кто, будучи на службе государевой, учнёт изменою из полков переезжати в неприятельские полки и там про вести и государевых людей сказывати… такова переезщика казнить смертию, повесити против неприятельских полков…

Соборное Уложение 1649 года Государя Российского Алексея Михайловича «О службе всяких ратных людей Московского государства», статья 20

Военный журналист Павел Евдокимов:

По логике наших славных «правозащитников» и так называемых «демократических СМИ», если бы Герман Алексеевич не поднял бы дело в отношении Григория Пасько, то он поступил бы правильно. Но поскольку он действовал как профессионал, то поступил плохо.

Редакторы многих печатных органов, теле- и радиопрограмм

предоставили площадь и время только тем, кто выступал в защиту Пасько — причем апологетически, основываясь на домыслах, на «личном мнении», не особо утруждая себя аргументами, либо как бы нейтрально, но именно «как бы». Пример: «Ольга Журман из Владивостока сообщает. Возобновился судебный процесс по делу военного журналиста Пасько, который обвиняется в передаче японцам секретных материалов. Пасько сообщил журналистам, что до сих пор не понимает, в чём его обвиняют, и сказал, что ФСБ оказывает давление на него и на суд всеми доступными способами. Какими способами — Пасько не уточнил. Адвокат уверен, что Пасько будет оправдан». Здесь всё «нейтральное» сообщение построено так, что обыватель останется в полной уверенности, что Пасько невиновен, а проклятые фээсбэшники что хотят, то и творят. Единственная критическая фраза, «спрятанная» в середине информации, — что Пасько не уточнил способов давления «органов» на суд. Но она почти незаметна для слушателя.

Автор: Павел Евдокимов процитировал информацию из утренних новостей «Радио России» от 3 декабря 2001 года. В тот же день программа новостей НТВ в 14 часов предоставила слово Григорию Пасько, который сообщил телезрителям, что ни первому, ни второму судебному заседанию он не верит. Далее комментарий: опрошены 50 свидетелей; часть документов, по заключению экспертов, переданных военным журналистом Григорием Пасько японским средствам массовой информации, не являются секретными. *(А другая часть?..* — В. М.*)* Суд решил завершить дело, и предположительно 25 декабря 2001 года он вынесет приговор. Адвокаты пророчествуют, что в этот день «будет продемонстрирована несостоятельность судебного процесса над журналистом». (Напоминает русскую пословицу: пророк на печи промок, а в луже высох!..) В комментарии тележурналиста Григорьева также сказано, что, по мнению Пасько, ФСБ оказывает влияние на суд, — и опять-таки без уточнения, в чём это влияние заключается. Комментарий телеведущей программы ко всему вышесказанному также не прозвучал.

Павел Анатольевич Евдокимов:

Герман Алексеевич, надеюсь, прекрасно понимал, что дело это будет скандальным, что времена СССР прошли, ситуация в стране иная, что «пряников» и наград ожидать не приходится и вся пресса обрушится на него — «душителя свободы слова». Тем не менее он довёл дело до конца, до суда.

Автор: Считаю необходимым привести ещё несколько

документов и комментариев коллег Угрюмова по этому вопросу, поскольку прав Павел Евдокимов: «дело Пасько» в российских и зарубежных СМИ было раздуто намеренно и превращено в очередную кампанию, организованную заказчиками-«кукловодами» с очевидной целью — бросить тень на российские спецслужбы, судебную систему, расколоть общество и журналистский корпус, а заодно и проверить на лояльность «своих»: насколько оперативно они выполнят команду «фас!». Сила печатного слова в России до сих пор велика. О телевидении разговор отдельный, это сильнейшее средство манипуляции сознанием и психикой, ибо около 80 % информации человек получает через зрение (а здесь ещё плюс через слух), и критически осмысливать увиденное (плюс услышанное) в «ящике» большинство попросту не в состоянии. Откровенно сказал о задачах прессы основатель журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» и других респектабельных изданий Г. Люс, выступая перед сотрудниками журнала «Тайм» в 1972 году: «Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подаёт факты без какой-либо ценностной оценки, является современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: «К дьяволу объективность!».

Недостатка в примерах, подтверждающих это, нет.

К делу Пасько вернёмся чуть позже, а пока предоставлю слово весьма уважаемому мной человеку, который обладает немалыми профессиональными знаниями по данной теме, давней дружбой с которым горжусь. Это «человек-легенда», как назвали его американцы, повивальный отец группы специального назначения «Вымпел», один из руководителей операции «Шторм-333» — штурма дворца Амина в Кабуле — и т. д.

Генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, бывший начальник Управления ПГУ КГБ СССР:

Передо мной доклад Объединенного комитета начальников штабов конгрессу США за 1992 год (несекретная версия). В главе 11, в разделе «Разведка», страница 11.1, говорится о том, что руководители стран СНГ дали обязательство (!!! — В. М.) демонтировать свои разведывательные структуры и сделать их более общественно доступными… «Какие бы службы после этого ни были созданы, они всё равно будут представлять собой опасные формирования, преследующие разного рода военные и политические цели».

По существу, здесь определена перспектива отношений американского разведывательного сообщества к российским спецслужбам, задача которых была, есть и будет обеспечивать

государственную безопасность, в том числе и в новой важнейшей области — информационной борьбе.

Сегодня *(сказано в 1998 году. —* В. М.*)* в России, по существу, завершается процесс установления иностранного контроля в этой сфере. Информационно-психологическая война, которая ранее велась против СССР, продолжается против России. Важнейшим средством ее являются СМИ, в первую очередь телевидение, узурпированное небольшой группой патронируемых Западом представителей московских политических и финансовых кругов. Имеются основания утверждать, что в стране сложился антинациональный, чрезвычайно влиятельный информационно-финансовый комплекс.

Одним из направлений информационной войны является подкуп тех социальных групп, которые способны оказать влияние на выработку и принятие важнейших государственных решений — чиновников, журналистов, представителей академических институтов, специализирующихся в сфере политологии, внешней политики, экономических и военных вопросов. Действуя через различные фонды и гуманитарные структуры, спецслужбы США выделяют значительные финансовые ресурсы в форме грантов, гонораров за публикации и чтение лекций, зарубежных поездок. Всё это стало едва ли не основным источником материального благополучия для значительной части участников московского политического бомонда, который еще со времен «перестройки» взял на себя роль идеолога прозападной агентуры влияния.

Вице-адмирал Александр Владиславович Жардецкий:

Надеюсь, все ещё помнят плач и стенания о сбитом на Дальнем Востоке южнокорейском «Боинге», который нарушил наше воздушное пространство и никак не реагировал на предупреждения. Ясности, определённости в тогдашних публикациях, посвящённых этому трагическому случаю, не было. Но постоянно присутствовал вполне прозрачный намёк, что наши силы ПВО превысили пределы допустимой обороны.

К октябрю 1991 года этот инцидент как будто подзабыли — ведь сколько лет прошло! А сколько более значимых, даже эпохальных событий прогремело на весь мир в этот отрезок времени!.. Но вот мы получаем шифровку ГРУ. Преамбула: идет развал Вооружённых сил страны, для Главного Противника (ГП) в стране создана благоприятная обстановка. Далее — текст добытого военной разведкой документа. Смысл его в том, что ГП определяет насущные задачи, а именно: ситуация требует дальнейшей активизации наших (имеется в виду — их) действий. В связи с этим предлагается для дестабилизации обстановки в

Советской Армии провести следующие мероприятия — и перечень мероприятий. Назову главные: возвратиться к событиям, связанным с уничтожением южнокорейского самолета, с целью добиться привлечения к уголовной ответственности командования, которое приняло решение и отдало приказ на его уничтожение; развернуть в СССР кампанию по дискредитации высшего эшелона руководства Вооруженными силами страны.

Я как чувствовал, что произойдёт дальше, позвонил в ГРУ и спрашиваю: «Ребята, если кто-то из СМИ ко мне обратится, можно, я их носом ткну?..» — «Можно».

И точно: вскоре после получения шифровки мне звонит корреспондент «Известий»:

— Александр Владиславович, у нас есть сведения, что военная контрразведка КГБ СССР занималась расследованием причин гибели корейского «Боинга». У вас есть какие-либо документы по этому делу?

— Ну и что?

— Мы хотели бы получить доступ к информации по этому делу.

— Зачем она вам?

— Ну как же! Надо ведь довести дело до логического завершения.

— А в чём вы видите логическое завершение дела?

— Привлечь к ответственности виновных!

— Сколько вам лет?

— Двадцать восемь.

— И вы хотите добиться, чтобы 60–70-летних маршалов посадили в тюрьму?

— Какое это имеет значение?

— Прежде чем вы засучите рукава и навострите перо, я советую вам поехать в любой аэропорт Москвы, встретиться с опытными пилотами и расспросить их, что такое «Боинг».

— Что вы имеете в виду?

— Имею в виду следующее. Американские «Боинги» оборудованы специальной системой, суть работы которой заключается в том, что каждый самолет связан информационной системой, электронной системой, с главным командным пунктом управления полётами. В кабине лётчика имеется блок, который производит набор определённых цифр, без которого невозможен запуск двигателя, выводка самолета на рулёжную и взлётную полосы.

Далее. Все самолеты, которые вылетают с Аляски и летят в Японию, сопровождаются наземными пунктами радиослежения за полетом — и «мёртвых зон» у них нет. На «Боингах» установлена

отличная навигационная аппаратура, которая нам ещё и не снилась. Она автоматически обращает внимание пилотов на отклонение от курса. Хотя бы эти обстоятельства должны вас убедить в том, что подобной ошибки без умысла быть не могло?

— Каков же мог быть умысел?

— А умысел простой: заставить всю службу ПВО Дальнего Востока «работать» по этому самолету. А восточнее его в это время летит другой самолет, RC-135, начинённый аппаратурой, которая записывает все сигналы наших наземных средств радиослежения. Таким образом, они вынужденно рассекречивают свое базирование. А теперь я спрошу вас: кто поручил вам «раскрутку» этого дела?

— Да нет, никто не поручал. Просто газета наша интересуется всем, что происходит в мире — вы, наверное, ее читаете…

— Но всё-таки: вы же корреспондент, а не главный редактор. Значит, тему выбрали не сами, а вам её предложили. Меня интересует — кто?

— Да почему вас это интересует?!

— По одной причине: потому что сейчас вы выполняете задание РУМО — разведывательного управления министерства обороны США.

— Господи, да откуда вы взяли?!

— Если хотите знать, откуда, — приезжайте ко мне, я вложу вам карты в руки. Но сначала вы мне назовёте фамилии тех, от кого вы получили задание вытащить эту историю на свет.

Он повесил трубку. Через некоторое время опять позвонил:

— Знаете, мы всё-таки хотели эту ситуацию прояснить…

— Я понял, что вы сейчас между молотом и наковальней. Тогда мой вам совет: напишите нейтральную статью, но обязательно при этом упомяните о навигационном оборудовании — то, о чем я вам рассказал. А закончите статью сомнением: не ошибаются ли те, кто настаивает на «сбое» навигационной системы «Боинга»? И патриотично поступите, и поставите на место тех, кто в этом деле мало смыслит, но суётся со своими домыслами.

— Спасибо за совет. — И положил трубку.

Аналогичный случай произошел спустя некоторое время. Звонит мне заместитель Генерального прокурора. Есть, говорит, группа молодых депутатов из Комитета по делам молодежи, они настаивают на том, что надо вернуться к факту гибели АПЛ «Комсомолец» и возбудить приостановленное уголовное дело на виновников трагедии: привлечь к уголовной ответственности адмирала флота Владимира Чернавина как бывшего Главкома

ВМФ, лишить его звания Героя Советского Союза, посадить на скамью подсудимых его заместителей — по нисходящей…

Я кладу в портфель полученную из ГРУ ориентировку, приезжаю в Генпрокуратуру, зачитываю. Заместитель Генпрокурора смешался: что же делать?

— Пусть приезжают. Посадите меня так, чтобы я их видел. А я потом включусь в разговор.

Приехали трое молодых депутатов и начали шпарить прямо по ориентировке! Заместитель Генпрокурора покосился на меня:

— Да-а, интересный вопрос!..

Словом, поговорил я с ними, как и с корреспондентом «Известий». На требование назвать фамилии тех, кто поручил им это дело, они ответили: «С какой стати!».

Так что шумиха вокруг дела Пасько — колобок из того же теста…

Борис Владимирович Пр-вич:

Само вознаграждение за информацию, которую Пасько регулярно передавал японцам, исключает версию, что он передавал сведения, взятые только из открытых источников. Что, в «русском» отделе японских информационных агентств нет кадров, владеющих русским языком?! Абсурд!

Пасько настаивает на том, что он был борцом за экологию в Приморском регионе. Но военная контрразведка этой темы и не касается. Она говорит лишь о закрытой информации, которую «эколог» предоставлял японской стороне. Трудно говорить о нанесённом им материальном ущербе государству, но важнее ущерб, нанесённый престижу государства, обороноспособности, Военно-Морскому Флоту. Этим вопросом полностью занимался Герман Алексеевич, под его руководством были получены первичные материалы, которые получили дальнейшее развитие.

И взят был Пасько отнюдь не скоропалительно — по одному лишь подозрению. В разработке он находился года полтора-два. Вначале стала поступать информация, что он пользуется не только дозволенными, но и недозволенными способами для получения сведений, касающихся жизни Тихоокеанского флота. Потом стало известно, что японцы у себя по одному из телеканалов показали ряд эпизодов из жизни ТОФа. После детального анализа вышли на Пасько и взяли его в разработку.

Николай Алексеевич Медведев:

Я столько лет рядом, бок о бок проработал с Германом Алексеевичем, что уверен абсолютно твёрдо: если бы не было реальных материалов, а лишь неясные зацепки — он никогда бы

не дал хода делу! А дальше я рассуждаю как оперативник. Для того чтобы заявить, связан человек с иностранной разведкой или нет, мне нужны данные, что этот человек встречался с представителями иностранной спецслужбы с соблюдением мер конспирации. Коль это было, то делаем вывод: стало быть, в такой встрече присутствует некий умысел. Если умысел имеется, то речь однозначно идёт о шпионаже. Иначе зачем честному журналисту конспирировать встречу? Ну а уж коль за «открытую информацию», переданную в условиях конспирации представителю иностранной спецслужбы, человек получил деньги, то тут не о чем разговаривать, кроме как о степени ущерба, причинённого стране передачей этой «открытой информации».

Юрий Алексеевич М-цев:

Неоднократно приходилось слышать и читать, что процесс Пасько потому идёт в закрытом режиме, что у следствия мало (или вовсе нет) аргументов, «чтобы Пасько засадить», что спецслужбы, движимые той же целью, фабрикуют и подбрасывают следствию документы. Я уже говорил, что все спецслужбы мира одной из главных заповедей считают завет Гиппократа врачам: noli nocere — *не навреди*! Надо ли объяснять, что существует очевидная необходимость жёсткого соблюдения профессиональных тайн. Если их использовать в судебном процессе, то утечка информации явится серьёзной угрозой для жизни многих лиц, которые оказывают нам содействие — в том числе и за рубежом. Руководствуясь этим правилом, мы даже пошли в «деле Пасько» на такие жертвы, как *недостаточность доказательств* его шпионской деятельности. И многие другие материалы мы не реализуем лишь потому, чтобы не рассекретить человека или целую цепочку помощников и участников проведённой операции. Это «азы», доступные пониманию, как мне кажется, самых твердолобых критиканов.

Генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин:

Известен такой случай. Сотрудник контрразведки Великобритании Беттани собирался перейти на нашу сторону, но его выдал предатель Гордиевский. Беттани лишь сделал попытку выйти на контакт. Он получил двадцать лет тюрьмы и продолжает отбывать срок, и дня не проработав на КГБ. И будьте уверены: отсидит от звонка до звонка. Никакие амнистии его не коснутся. Порядок жёсткий, но с точки зрения государственного интереса — оправданный.

Автор: Колыбель мировой демократии, как известно, —

Древняя Греция. Но и там, несмотря на примитивность законодательства (с сегодняшней точки зрения), существовало разделение на два рода судебных процессов: *дике* — если речь шла о частных интересах, и процесс *графэ параномон*, если затрагивались интересы государства. Чтобы второй процесс перевести в первый, и в те далёкие времена требовалось о-очень много денег: ведь по разным процессам и приговор приговору — рознь! Может быть, и сегодня некоторые древнегреческие проблемы терзают наших правозащитников?..

Александр Александрович Зданович:

Против Германа Алексеевича и всей нашей службы ополчилась целая стая. То, что в России еще есть что защищать, для них ничего не значит. Это люди, для которых интересы государства и граждан настолько абстрактны, что иные мотивы для них важнее. Общественные организации и их лидеры, которых финансируют источники, находящиеся вне пределов России, действуют по известному принципу: кто платит, тот и заказывает музыку. Или, как говорят одесситы, кто девушку ужинает, тот её и танцует. Поинтересуйтесь, откуда поступают средства в ПЕН-клуб, в Фонд защиты гласности — и очень многое станет ясным.

Для меня это была не просто защита Угрюмова, это была необходимость объяснения общественности наших действий и реального объяснения действий Пасько, хотя мы находились в стесненном положении, мягко говоря, поскольку не имеем права до решения суда и вступления приговора в силу рассказывать многие вещи, так как они составляют тайну следствия. Вдобавок нас тут же обвинили бы в давлении на суд. То, что своими публикациями и выступлениями они оказывали на суд давление, — это их мало смущало. «Больше наглости!» — как провозгласил один из их кумиров. Мы же себе этого позволить не можем.

Мне импонировало, как держался Герман Алексеевич, поскольку вся пишущая и говорящая свора накинулась прежде всего на него как на руководителя органа. До конца его жизни продолжались попытки опорочить его как профессионала — раз, как человека, преследующего корыстные интересы — два, и как солдафона, далёкого от понимания прав человека, соотношения личности, общества и государства. Но, как писал когда-то Николай Васильевич Гоголь, защищая от критических нападок свою поэму «Мёртвые души»: «Иногда надо иметь противу себя озлобленных».

Автор: Чтобы составить для себя наиболее полное представление о Григории Пасько, я повстречался с несколькими морскими офицерами, знавшими его лично. Чтобы не «дробить» повествовалние, я свёл его в рассказ одного «виртуального» человека, не прибегая при этом к авторскому домыслу и ничего не исказив.

Человек рождается с определенным набором задатков, и некоторые, даже не получившие развития в свое время, подспудно в нём существуют, существует некоторая предрасположенность — как есть, например, у кого-то предрасположенность к заболеванию туберкулезом, а он дожил до глубокой старости и так и не узнал, что же это за страшное заболевание. Благоприятные условия для этого не сложились ни разу. Есть русская пословица: не клади плохо — не вводи вора в грех. К человеку с устойчивой моралью она не относится, он и в мыслях не допустит, что можно взять чужое. Другой же поколеблется — а, никто не видит, всё равно никто не узнает! — и возьмёт. Всегда важна обстановка, в которую такой человек попадает, она проявляет его как лакмусовую бумажку.

Гриша попал в такой хаос, когда всё начало переводиться на деньги. Кому-то такое время — во как поперёк горла, а для него оно стало **его** временем. Отношения между нами были довольно дружескими, а в какие-то моменты и тесными. Например, когда большая группа моряков работала по обеспечению визита американцев из Сан-Диего (штат Калифорния) — города-побратима Владивостока. Администрация города не могла не подключить флот. А раз флот подключен, то газета «Боевая вахта», где Гриша работал, чуть ли не всем составом толчётся здесь же.

Гриша с английским языком был не в ладах, поэтому всегда искал человека, через которого можно было общаться с американцами. Поэтому волей-неволей он никогда не оставался с ними один на один. Надо думать, он всегда находился в поле зрения контрразведки, и все его вопросы к американцам не вызывали никаких сомнений: работал он чисто как журналист. Но слабинка у него проявилась уже тогда: тяга ко всякого рода «побрякушкам», эмблемам, значкам. Причем если что-то ему на глаз «легло» — вцеплялся, как клещ. Обращался к ребятам: «Слушай, упроси этого янки, пусть подарит, а?» Мы даже подсмеивались над ним: «Гриш, на кой тебе «Плэйбой» сдался! Голых баб американских не видел, что ли? Да наши русские девки всё равно лучше». — «Да нет, вы не понимаете!.. Ну, уговорите его. Может, на что поменять хочет». Махнули на него рукой: чёрт с тобой, цыгань на здоровье, лишь бы делом занимался. А за

вожделенный сувенир Гриша мог воробья насмерть загонять!..

Заметна была его меркантильность. Например, он не шибко «вкладывался», когда вместе ходили пивка попить. Если кто-то за всех рассчитался — не лез в карман за кошельком: ведь уже заплачено!.. Хотя гонораров в то время получал побольше других: он писал не только в «Боевую вахту», но и в городские газеты, журналы его печатали. А такая черта, как скупердяйство, не может быть незамеченной.

В «Боевой вахте» у них стоял бильярд, и я захаживал туда иногда — шары покатать. Как-то во время игры зашёл разговор, что он за доллары дает информацию иностранным газетам. Меня это удивило: «Гриш, ты что, сдурел! За баксы — информацию!» — «А что? Им главное, чтоб она была горячая. Знаешь, какая у них там конкуренция — ого! А когда твоя газета вперёд всех новости печатает, её первую и раскупают. Создается и имидж самой оперативной газеты». — «И помногу они платят?» — «По-всякому: за которую информушку — полтинник, за другую тридцать баксов».

Однажды играли с Колей Литковцом, собкором «Красной звезды» по Приморью — а он был заядлый бильярдист, — появляется Гриша. Коля сквозь зубы: «О, блин, явился! Сейчас «зеленью» трясти начнет». — «Как понять?» — «Да недавно решили партейку на деньги сыграть, чтоб нервы пощекотать маленько, так Гриша вынул пачку баксов и давай нас раззадоривать: ну кто? ну кто? На «деревянные» не играю, мол, только на валюту. Ни у кого валюты не оказалось. Спрашиваем: откуда у тебя? Отвечает: не ваши проблемы, работать надо уметь!».

Методы работы разведки везде практически одинаковы. Отличие — в нюансах, которые должны учитывать русский характер, характер англичанина, японца, американца. Вербовщик должен чётко знать, на чем он может сыграть и каких вопросов ни в коем случае не должен касаться, учитывая национальную особенность вербуемого. А играют в первую очередь на человеческих слабостях, это общеизвестно: тому стодолларовую бумажку надо показать, другому красивую бабу подсунуть, третьего продвинуть на высокий пост — и так далее. *Жадность всегда бросается в глаза в первую очередь*. Надо, чтобы «клиент» заглотал наживку, а потом организовывают процесс постепенного втягивания. Гриша на этом и попался, что втягивали его и постепенно, и умело.

В постепенной разработке человек узнается всё глубже и глубже, открывает другие слабости. Выполнил маленькую просьбу — ему заплатили, посмотрели: как отреагировал? Сразу взял, не

сразу, загорелись ли глазки, что сказал при этом — проанализировали. Попросили ещё об одной услуге…

Я слышал такую историю: журналистов из Географического общества попросили прислать телефонный справочник — за деньги, естественно. Потом попросили уточнить кое-что и кое-что добавить. Тоже оплатили. Потом столь же вежливо попросили сделать обобщённый справочник по администрации Владивостока: фамилия, имя, отчество, домашние и служебные телефоны, возраст, домашние адреса, увлечения. То есть установочные данные на первых лиц города. Сумма оплаты возрастает — причем заметно: это ж не изданную в типографии книжку почтой переслать. Далее следует еще более деликатная просьба: нам бы надо встретиться с таким-то товарищем по вопросу инвестиций в городское коммунальное хозяйство, а на какой козе к нему подъехать — не знаем. И вроде дело обоюдно выгодное, и сорваться может из-за какой-то ерунды. Если можно, охарактеризуйте этого чиновника поподробнее, в долгу не останемся. То есть к установочным данным плюсуются характеризующие данные… Чужая разведка, получив такие сведения, уже имеет неплохую информацию и использует её в своей игре. Ну а что такого совершил наивный журналист? Да ничего! И за это «ничего» получил 300 или 500 долларов. А всего-то три раза мизинцем пошевелил! Ну и каким же дураком надо быть, думает он, чтоб отказываться от сотрудничества с такими милыми и щедрыми людьми!..

То же самое происходило с Гришей. С 1994 года он начал выполнять подобные поручения. Я даже уверен, что он не осознавал, куда его втягивают и кто. Просьба плёвая, деньги за её исполнение хорошие, так я их честно заработал! И на книжку отложил, и костюмчик приобрёл, и на пиво хватает — умей работать. Думаю, деньги обострили в нем чувство самодовольства и одновременно профессиональной зависти. Он не раз, словно между прочим, говорил, что давно готов заменить главного редактора. Парни его спрашивали: «Гриша, а на что тебе этот «хомут»? Ты глянь только на Юру Отёкина: голова постоянно занята, времени на жизнь не хватает, без конца вызывают на «ковёр» в политотдел: раз похвалят, пять раз шею намылят. Тебе это надо?» — «Эх, мужики, работать надо уметь. Я и не такое потяну!».

Подполковник Сергей Н-вич:

О том, как Пасько попал в наше поле зрения. Первичная информация такая: он активно общается с американцами, с японцами. А не секрет, что если контрразведка отмечает

человека, контактирующего с иностранцами, то начинает его рассматривать как возможного негласного помощника. Естественно, идет первичная проверка: насколько человек способен выполнять те или иные поручения.

Когда начали проверять Пасько, сразу выяснили, что он с легкостью продаётся. Отошли от него. По своим каналам мы знали, что идет утечка секретной информации, проверили всю военную контрразведку на чистоту погон — все наши офицеры оказались безупречными. Стали анализировать, делать прогнозы. Вышли на журналистский канал. По итогам года собрали всю информацию по журналистам и бывшим сотрудникам политотдела. В политотделе на ТОФе существовал такой подотдел с названием «Спецпропаганда», в котором работали и журналисты, и те, кто закончил ВИИЯ — Военный институт иностранных языков. Суммировали всех, кто мог представлять для иностранцев интерес как источник информации. Тогда Григорий и попал опять в поле нашего зрения в числе — подчёркиваю! **— пяти человек**, которых мы выделили из общей категории. Один из них работал с японской телекомпанией Эн-эйч-кей. Мы провели с ним профилактическую беседу, он сразу всё понял и ответил: «Ребята, спасибо, что остановили! Я готов грести в обратную сторону».

Поначалу думали, что то же будет и с Гришей. После первичной беседы с ним, проведённой в закамуфлированной форме, чтобы не выдать наш интерес к нему, поняли, что нет: парень увяз и, главное, это его вполне устраивает. Контакт его был не эпизодическим, а долговременным. Он вполне целенаправленно и осознанно шёл на развитие «межнациональных» отношений и развивал их на перспективу. Доложили об этом Герману Алексеевичу. Он попросил предоставить максимальный подбор доказательств. К моменту ареста Пасько военная контрразведка имела их в достаточном количестве — проверенных и перепроверенных. Остальное известно.

ЧАСТЬ 4. АНтитеррор

Comming events cast their shandows before.

(Грядущие события бросают тень свою вперёд.)

Thomas Campbell. Lochiel's Warni

Глава 9
Во главе военной контрразведки

На высокую башню можно подняться лишь по винтовой лестнице.

Френсис Бэкон

Алексей Алексеевич Моляков:

На Тихоокеанском флоте, несмотря на огромные масштабы работы, у Угрюмова нерешаемых вопросов не существовало. Вот почему спустя четыре года его кандидатура была предложена на должность заместителя начальника Управления военной контрразведки ФСБ России. Требовался руководитель с его подходом, хваткой и знаниями, который мог бы правильно организовать работу и руководить другими подразделениями.

Меня в это время пригласили на должность заместителя секретаря Совета безопасности. Начальником 3-го Управления был назначен генерал-лейтенант Петрищев Владимир Иванович, заместителем которого и стал Угрюмов. Я не потерял связи с Управлением, радовался, что Герман Алексеевич сразу вписался в команду Управления ВКР.

Владимир Иванович Петрищев:

Будучи начальником Третьего главка, я решал вопрос и кадровый — в первую очередь вопрос с заместителями, среди которых мне нужен был человек, который бы курировал флот. Весь военный флот России. На фоне других руководителей Герман Алексеевич выглядел более весомо, поэтому я и предложил ему пойти ко мне заместителем. Он согласился. Любое предложение он принимал по-солдатски: если служба требует, то надо собираться и ехать. Жена его, Татьяна Ивановна,

настоящая офицерская жена, тоже была под стать мужу — ни охов, ни вздохов: знала, за кого замуж вышла.

Пригласил я его потому, что на протяжении многих лет знал его как прекрасного организатора, как трудоголика, умеющего работать и достигать результатов, не нытика — я нытиков не люблю, такие обычно умеют много рассуждать, объяснять, теоретизировать, а на выходе — ноль, — надёжного, крепкого офицера и просто настоящего русского мужика, на которого можно положиться и опереться. Он был и несколько моложе других кандидатов, человек моторный, не «обросший ракушками», безупречный в нравственном отношении. Последнее можно даже подчеркнуть. Поэтому я даже долго не рассуждал, определяясь, кого мне взять в заместители. Даже если б была ему альтернатива, я бы все равно остановился на нём.

Он сразу включился в работу. По линиям нашей работы я поручил ему самую сложную у нас — четвертую линию. Это антитеррор, борьба с организованной преступностью, с коррупцией и, естественно, Чечня, где проводилась уже вторая военная кампания. Надо сказать, Чечня отнимала у него до 80 процентов времени. Конечно, как руководитель я не самоустранился, регулярно бывал там, владел обстановкой, ситуацией, и все организационные решения были за мной. Герман Алексеевич в качестве заместителя показал себя с очень сильной стороны как исполнитель. Любое ЧП — и он уже вскорости находился на месте.

Борис Владимирович Пр-вич:

Это был один из руководителей, который мог принимать решения, порой не посоветовавшись с вышестоящей инстанцией. Брал на себя полную ответственность, не думая о возможных последствиях. Уже одно это обстоятельство красноречиво говорит о том, что пришел не карьерист, а человек, глубоко преданный делу. Кстати, вскоре это подтвердили события на Новой Земле. Потом был чрезвычайно опасный случай с захватом АПЛ, потом освобождение заложников в Лазаревском…

Автор: В конце августа 1998 года четверо дагестанцев — 19-летние Раидин Бугаев, Шамиль Шамхалов, Гусейн Шарипов и Темерлан Мальсагов, проходившие срочную службу на ядерном полигоне на Новой Земле, были арестованы за неуставные отношения и направлены в поселок Белушья Губа, в котором находилась другая «губа» — гауптвахта. Там уже находился матрос Дмитрий Хозяинов, попавший на «губу» за самоволку. Никаким «межнациональным конфликтом» и не пахло: напротив,

пятерка быстро нашла общие интересы и разработала план. В узилище арестованные сговорились напасть на часового, забрать оружие и улететь в Чечню — совершать новые «подвиги». Два дня у них было на размышление и подготовку. Когда их вывели на работу, они напали на конвоира, проломили ему голову и забрали автомат. Обезоружили подполковника медицинской службы, взяли в заложники его и водителя ЗИЛ-131. Погрузились в машину и приказали водителю ехать на военный аэродром. По дороге на аэродром офицеру удалось выпрыгнуть из машины и поднять тревогу. Матросы, в одночасье ставшие бандитами, решили идти ва-банк: теперь терять им было нечего. Свернули к местной школе, где взяли в заложники 65 человек — учителей и детишек. В обмен потребовали оружие, автобус до аэропорта и самолет для вылета в Чечню.

Контр-адмирал Виктор Шевченко, начальник местного гарнизона, вступивший в переговоры с бандитами, предложил им в заложники себя в обмен на учителей и школьников. Как будто договорились. Но негодяи, взяв адмирала в заложники, детей все же не отпустили. Загнав в автобус около пятидесяти человек, выехали на лётное поле. Здесь не выдержали нервы у Шамхалова, и он сдался властям.

Остальные сдаваться не собирались. Они понимали, что Москва уже оповещена о трагедии на Новой Земле и что срочные меры по их нейтрализации принимаются. Хватило ума догадаться, что по их черные души прилетят бойцы группы «А», но подбадривали себя, что, мол, и у «Альфы» не по две головы.

На Лубянке действительно среагировали молниеносно. Заместитель начальника УВКР контр-адмирал Угрюмов уже через пару часов находился в самолете, а из Мурманска на Новую Землю немедленно вылетела группа захвата Регионального отделения спецопераций Управления ФСБ.

Тем временем на аэродром, находящийся под контролем террористов, приземлился военно-транспортный самолет Ан-12 — обычный плановый борт, прилетевший по расписанию. Ободренные террористы захватили экипаж, провели внутрь пленников. Пока самолет под дулами автоматов заправляли горючим и готовили к вылету, контр-адмирал Шевченко сумел-таки убедить бандитов отпустить заложников, за исключением экипажа и его самого: мол, на кой вам везти к ваххабитам такую ораву детишек-северян, достаточно будет одного начальника гарнизона с исправным и оснащённым самолетом в придачу. Террористы сочли это резонным аргументом и, оставив для охраны летного экипажа Хозяинова, решили смотаться в поселок за документами и личными вещами — под прикрытием взятого в

заложники контр-адмирала. «Альфа» появилась, как всегда, в самый неудачный для террористов момент. Во время их захвата в штабе полигона Шарипов был тяжело ранен (скончался в больнице 1 апреля 1999 г.), остальные обезврежены. Вторая группа спецназа тем временем взяла Хозяинова.

Новый глава ФСБ В. В. Путин (всего месяц в должности) в тот же день получил шифровку об успешном завершении операции, общее руководство которой было возложено на Г. А. Угрюмова.

Не заставило себя ждать и следующее ЧП. Торпедист атомной подводной лодки (АПЛ) матрос Кузьминых в ночь с 10 на 11 сентября поднялся на ходовой мостик, ударом по голове оглушил вахтенного матроса, завладел его автоматом. Затем спустился во второй отсек, в упор расстрелял находившийся там личный состав, перешел в первый (торпедный) отсек и там забаррикадировался. Перед этим пристрелил еще двух матросов, находившихся в первом отсеке. По внутреннему переговорному устройству не выдвинул никаких требований (что сразу ставило в тупик руководство операцией по его обезвреживанию!), лишь проклинал всех и вся, плакал и угрожал взорвать бортовые оружейные комплексы. С такой ужасающе непредсказуемой (а если предсказуемой, то еще ужаснее!) ситуацией и моряки, и контрразведчики, и спецназовцы столкнулись впервые. Ничего подобного до этого на атомном флоте не происходило. Специалисты доложили командующему Северным флотом, что в случае подрыва боезапаса АПЛ произойдет разрушение ядерного реактора, а это приведет к катастрофе, равной Чернобылю, пострадают пришвартованные рядом атомоходы (а может сдетонировать и их боезапас!), причальные сооружения расположенного рядом гарнизона. Что будет с людьми — понятно и так…

После срочного доклада в Москву о сложившейся ситуации была создана группа Главного штаба ВМФ, утвержденная Главнокомандующим адмиралом *Владимиром Куроедовым,* она вылетела на место происшествия, а вместе с ней вылетела группа оперативно-следственного управления военной контрразведки во главе с Г. А. Угрюмовым.

11 сентября Герман Угрюмов с группой спецназа уже находился рядом с захваченной террористом подлодкой. «Альфовцы», прилетевшие опять из Мурманска, блокировали все подходы к причалу, командование Северным флотом эвакуировало людей в безопасную зону.

Начальник ЦОС ФСБ генерал-майор А. А. Зданович заверил журналистов, что спецподразделения антитеррора «не зря едят государственный хлеб и в любой момент способны выстрелить без

осечки».

Виктор Алексеевич Смирнов:

Командование Северным флотом во главе с весьма уважаемым на флоте командующим СФ адмиралом Вячеславом Алексеевичем Поповым действовало очень профессионально с точки зрения командирской, но с точки зрения антитеррористической операцию обязан был возглавить также профессионал. Герман был профессионалом высокого класса — об этом, наверное, тебе уже многие говорили. Он сказал, что принимает руководство операцией на себя, чем, наверное, возмутил заслуженных адмиралов. Их можно понять — естественная человеческая реакция на подобное заявление малоизвестного или почти неизвестного «варяга». Но обстановка накалялась буквально по минутам, и, по классическому выражению, промедление было смерти подобно.

Угрюмов доложил о ситуации министру обороны маршалу И. Сергееву и руководству ФСБ (не знаю, кому он позвонил первому), что всю ответственность за проведение операции он берет на себя. Знаю, что Владимир Путин дал «добро». Тем временем специальным самолетом из Санкт-Петербурга были доставлены родственники обезумевшего матроса. Ему устроили переговоры с матерью и, кажется, с братом. Но ни мать, ни брат не смогли уговорить его сдаться: он твердил, что жизнь всё равно кончена, что повинную его никто не примет в зачет, на его совести шесть загубленных жизней товарищей, и что задуманное он непременно совершит. На тот свет — так хоть не в одиночку!..

Автор: Как писал позже военный журналист *А. Витковский*, «принятое Угрюмовым решение было настолько ошарашивающим и нестандартным, что подивились даже профессионалы. Технология той операции еще и сейчас хранится за семью печатями, и никакими клещами нельзя вытащить из чекистов хоть два слова о её проведении. В результате преступник был уничтожен, а страна избавлена от трагедии, которая по своим масштабам немногим бы уступала чернобыльской».

Можно добавить со слов одного из офицеров, участвовавшего в операции, что команда Угрюмова прозвучала как нельзя вовремя: когда первый отсек АПЛ был разблокирован, а террорист мертв, обнаружилось, что под одной из торпед горит кучка промасленных «концов» — ветоши. Погори она еще немного!.. «Был бы славный кегельбан», как писал поэт Николай Тихонов.

Освобождение заложников в Лазаревском произошло в

сентябре 2000 года. Бандиты захватили автобус с заложниками, поставив его на мосту, откуда был великолепный обзор всех подходов — незаметно не подступишься. Потребовали гигантскую сумму в «зелёных», вертолет и безопасный воздушный коридор до Чечни. Общее руководство операцией по вызволению заложников и нейтрализации террористов было возложено на Германа Алексеевича Угрюмова.

Полковник А. В. Дуганов, офицер группы «А»:

Нас подняли по боевой тревоге и сообщили, что террористы захватили несколько человек в гостиничном комплексе посёлка Лазаревское — неподалёку от Сочи. Больше — ничего. Пока мы готовились к вылету, телевидение показало небольшой сюжет, из которого мы хотя бы увидели, как выглядит этот комплекс.

Ситуация была непохожа на другие: заложников приковали наручниками к трубам отопления; чего хотели террористы — мы не знали. То есть летели мы в неизвестность. В принципе, у нас всё отработано, требовалось посмотреть само место, изучить объект, подходы к нему, разобраться в обстановке на месте.

С Германом Алексеевичем мы были знакомы ещё по Чечне и знали, что это умный и решительный офицер, который всегда подкупал новизной разработок боевых операций. В самолёте провели «мозговой штурм»: сколько задействовать людей, какие понадобятся спецсредства и так далее. С нами — наш руководитель, генерал-лейтенант А. Е. Т-ов, Герман Алексеевич. Для Угрюмова такая операция — внове, но он спокоен, как Будда: коль решение принимать предстоит на месте, то зачем заранее нервничать и суетиться. Ей-Богу, я такое спокойствие нового руководителя видел впервые. Он задавал лишь общие вопросы.

Ещё до нашего прилёта в Лазаревском был создан оперативный штаб из офицеров местного ФСБ и МВД. Получив от них первичную информацию, я с тремя бойцами группы отбыл под здание гостиницы, чтобы засветло осмотреть объект, подходы к нему — говоря «по-учёному», на рекогносцировку. Выяснили, что штурмовать нам предстоит третий этаж здания: заложники и террористы находились там. Скрытно проникли на второй этаж, послушали, о чём разговаривают на третьем, оценили состояние заложников, поведение террористов.

Вернулись, доложили всё Герману Алексеевичу. В штабе, который он сформировал по прилёте, минимум людей, обстановка спокойная, без нервозности. Первое, что сделал Угрюмов — убрал ненужные звенья штаба, оставил лишь тех, кто доставляет информацию и кто будет действовать, когда придёт «час Икс». Второе, что он сделал — обрезал все пути

проникновения слухов: каждому поставил конкретную задачу и потребовал столь же конкретного доклада. И по этим докладам уже вырабатывалась схема операции.

Террористов было пять или шесть человек, уж не помню точно. Заложников — трое плюс одна женщина «подсадная». О ней мы узнали, когда после завершения операции нашли выброшенную видеокассету. Наша задача осложнялась ещё одним обстоятельством. Дело в том, что до прилёта «Альфы» по освобождению заложников пытались работать другие группы, но они были замечены террористами. Последние дали понять, что у них серьёзные намерения, и бросили в окно две гранаты — Ф-1 и РГД. Естественно, что после этого они занервничали. Главарь террористов был непредсказуем: то он спокойно вступает в переговоры, выдвигает свои требования, то вдруг срывается и начинает орать, что перестреляет всех заложников и живым в руки не дастся. Требования он выдвигал разные: сначала требовал большую сумму денег, потом связь, потом оружие, потом опять деньги… Герман Алексеевич моментально получал всю информацию о ходе переговорного процесса. Много слушал, никого не перебивал, делал пометки в блокноте, отдавал чёткие и короткие указания. С течением времени из Москвы на него начали «давить»: где результат? Почему не начинаете операцию? Мы с момента прилёта настроены на штурм, это понятно.

Но что такое «не начинаете»? Операция уже идёт. Действия спецназа при освобождении заложников можно разделить на три варианта. Первый — когда между двумя сторонами достигается некое соглашение, по которому заложников освобождают, а террористы сдаются. Это — высший пилотаж, самое высокое искусство! Второй вариант — снайперский выстрел. Третий, самый тяжёлый и самый опасный, — штурм. «Альфа» штурмует, террористы защищаются. Могут при этом пострадать и бойцы группы, и заложники. Помню, Герман Алексеевич после моего очередного доклада положил мне руку на плечо:

— Ну что, седой, штурмовать собрался? Ты и твои ребята — все профи, я на вас надеюсь. Давайте сделаем так, чтоб всё прошло успешно.

В тот раз всё завершилось по первому варианту. Переговоры с террористами блестяще провели наш начальник генерал Т-ов и подполковник Милицкий — участник будённовского штурма. Они договорились об освобождении заложников и сдаче террористов. Всё прошло чётко, без задоринки. Успешно, как сказал Угрюмов. Эта тройка — Угрюмов, Т-ов, Милицкий — сработала очень слаженно, без какой-либо нервозности, суеты, окриков. По изменяющейся ситуации сразу принимали очень грамотные

решения.

С той поры, как я пришёл служить в группу «А», я во всех подобных случаях ходил на штурм. А тут мне сказали: «Спасибо вам, можете расслабиться». Я, руководитель штурмовой группы, впервые услышал такие слова!

Переговоры с террористами — это сложнейшая и тонкая наука. Переговорщик, руководитель операции должны уловить тот момент, когда террорист «дал слабину», тут же использовать этот фактор и дальше суметь «повести» его за собой — к безоговорочной капитуляции. Чутьё оперативника в таких случаях должно быть не только обострённым, но в первую очередь — безошибочным.

Виктор Алексеевич Смирнов:

Владимир Путин, будучи тогда директором ФСБ, не мог не запомнить такие громкие успешные операции с участием Угрюмова. И как мне потом рассказывал Герман, когда Путина назначили председателем Правительства Российской Федерации, он собрал совещание с участием представителей силовых структур. Все идёт, как обычно: объявляют по списку фамилию, имя, отчество, звание, должность и прочее — для того чтобы глава правительства знал, с кем ему предстоит иметь дело. Объявляют: «Угрюмов Герман Алексеевич…». Путин останавливает: «Известен». То есть — лично известен. Мы его с тех пор так и называли — «Лично известен».

Генерал-майор, Герой России Олег Михайлович Дук-ов:

Я попал в центральный аппарат отчасти по просьбе Германа Алексеевича. С тех пор, как я уехал из Закавказья в 1987 г. учиться на очное отделение Академии КГБ, судьба нас развела. В 1998 году я был начальником отдела по округу Внутренних войск МВД России. На меня выходит Владимир Иванович Петрищев и просит возглавить в Центре Четвертый отдел, который занимался вопросами борьбы с терроризмом. Для меня это не было повышением по службе, и я бы, по всей видимости, отказался, если бы не курировал Четвертый отдел Герман Алексеевич. Он позвонил мне вскоре после Петрищева:

— Олег, давай приезжай и ни о чём не беспокойся. Все проблемы мы тут решим. Просто я хочу работать с тобой вместе. Жду решения. И не тяни с ответом.

Десять лет мы практически не встречались, а он меня помнит. Но как тут без колебаний?.. Четвертый отдел — очень сложное направление: терроризм, экономические преступления, незаконный оборот оружия. Но — согласился, принял отдел.

Однако меня удивило его приглашение. Я работал в Нижнем Новгороде, он во Владивостоке, встречались редко и только на совещаниях в Центре — и я не помню каких-то «знаковых» встреч… Значит, он не просто помнил меня, а внимательно отслеживал и биографию, и географию тех, кто ему когда-то приглянулся, на кого он возлагал надежды.

Владимир Иванович Петрищев:

В июне 1999 г. у нас случилось очередное ЧП. СКРУ ФСБ (Северо-Кавказское региональное управление) сообщило, что на территории Ингушетии, по соседству с Чечней, похищены четыре наших сотрудника. Угрюмов тут же выехал туда и занялся их поисками.

Надо сказать, в обязанности Германа входила и борьба с работорговлей, вызволение из плена заложников, чем он активно занялся.

Олег Михайлович Дук-ов:

Начиная с июня три последующих месяца мы работали по поиску наших сотрудников. Работали по Чечне (следы вели туда) с территории Ингушетии. А наша основная база, сейчас об этом можно сказать, располагалась на территории Управления 58-й армии, расположенной во Владикавказе. Тогда же ее местонахождение держалось в глубочайшем секрете. База — это просто помещение, где были сосредоточены оперативные и силовые подразделения. Наша группа состояла из руководящего и оперативного ядра и насчитывала порядка двадцати человек, ей были приданы до сорока человек из силовых подразделений. Руководил всей операцией Герман Алексеевич, я был у него заместителем.

Полковник Владимир Павлович Ан-в:

Наши сотрудники отрабатывали одно мероприятие и возвращались к месту базирования. С точки зрения оперативной территория, где их взяли боевики из банды Мистоева, была крайне неблагополучной — это Джерахское ущелье, ближе к Грузии. Оттуда они выбирались вчетвером: начальник группы, его заместитель, еще один оперативник и солдат. Им устроили классический вариант засады. Парни наши отстреливались, все получили ранения. Солдатику удалось вырваться, а трех офицеров чечены взяли ранеными.

Прошёл доклад о пленении наших сотрудников, сразу же создали оперативную группу, её возглавил Герман Алексеевич. В Москве оставил за себя надежного зама. Их группа была близка к тому, чтобы вытащить наших офицеров. Вначале были получены

данные, что один недолго прожил, второй — тоже. Задача стояла — вытащить последнего оставшегося в живых и забрать тела еще двоих. Группе Угрюмова удалось взять живыми двоих из банды, которые дали показания. Мы тогда отмечали неординарные ходы Угрюмова в планировании и проведении операции. Работали и с той стороной, пытались найти рычаги давления на них. Но вызволить ребят всё же не удалось. Операция сложилась почти благоприятно для нас, когда они расстреляли последнего. И места их захоронения мы так и не смогли установить.

Что еще важно: уже тогда мы работали на перспективу — не только на вызволение троих офицеров ФСБ. Герман Алексеевич всегда умел создавать задел на будущее. И уже тогда, в ходе упомянутой операции, он создавал этот задел — на разряжение обстановки в этом районе в дальнейшем. Благодаря этому впоследствии был обеспечен бескровный ввод наших войск в ряд населенных пунктов и относительно благополучное пребывание их там.

Глава 10
Герой России

Со стороны Кавказской линии наиболее беспокойства и разбоев производили чеченцы.

А. П. Ермолов. Записки…

Не знаю, что лучше — зло ли, приносящее пользу, или добро, приносящее вред.

Микеланджело Буонаротти.

Письмо папе Клименту VII, 1524 г.

По данным Всесоюзной переписи населения, в 1989 году на территории Чечено-Ингушской АССР проживали свыше 293 700 русских (23,1 % населения республики).

Планомерное переселение чеченцев из горной местности на территории, граничащие со Ставропольским краем и Дагестаном, проводилось руководством республики (Д. Завгаев) уже примерно с середины 80-х годов, и последствием его стало нарушение исторически сложившегося «этнического баланса» в Шелковском, Наурском, Грозненском, Сунженском и других равнинных

районах Чечено-Ингушетии, где до этого численно преобладало русское население. Фактически уже тогда была заложена основа для будущих этнических «чисток», которые планомерно проводились в 90-е годы в «Республике Ичкерия».

Ярко выраженная антирусская политика, приводящая к систематическим нарушениям прав человека, моральному и физическому террору, направленному против русского населения, стала кошмарной реальностью в самопровозглашённой Ичкерии с августа 1991 г., когда при попустительстве, а зачастую и при прямом содействии центральной власти чеченские сепаратисты захватили власть в Грозном.

Многочисленные свидетельства террора против нечеченского населения республики, который проводился по личному указанию президента Д. Дудаева и его окружения, находятся в правоохранительных структурах России, в администрации президента Российской Федерации, в Федеральном собрании Российской Федерации, в других ведомствах, имеющих касательство к положению в Чеченской республике.

По сведениям различных источников, с 1991 г. по 1999 г. на территории Чечни было убито (не считая погибших во время боевых действий) более 21 тыс. русских, захвачено более 100 тыс. квартир и домов, принадлежащих «некоренным» жителям Чечни (включая ингушей), более 46 тыс. человек было обращено в рабство либо использовано на принудительных работах (от сбора дикорастущей черемши до строительства дороги в Грузию через Итум-Кале и Тазбичи), только за период с 1991 г. по декабрь 1994 г. (то есть до ввода федеральных войск) Чечню покинуло более 200 тыс. русских.

В настоящее время в Чеченской республике находятся, по данным МВД России, около 29 тыс. русских жителей, подавляющее большинство из которых (свыше 17 тыс.) составляют люди пенсионного возраста, беспомощные старики. Утверждение в республике шариатского правопорядка, закрепление законодательно исламского образа жизни ставит их фактически «вне закона», в положение изгоев общества. На территории Чеченской республики находится более 800 граждан России, похищенных в целях выкупа на сопредельных территориях. /…/.

После похищения 18.02.99 г. в Грозном советника президента Чеченской республики по делам русскоязычного населения А. Митрофанова руководство республики не занимается проблемами русских даже формально. Русское население является фактически заложниками в политическом шантаже федерального Центра чеченским официальным руководством и так называемыми

«полевыми командирами». Остающиеся в Чечне русские боятся даже вести переписку, так как жалобы могут стать ещё одним поводом для их убийства как «русских шпионов и врагов чеченского народа».

Министерства по делам Федерации и национальностей РФ, июль 1999 г.

«…В нашем доме 71 квартира, осталось пять семей в двух подъездах, в стоящих рядом двух девятиэтажных домах. Ни одной русской семьи там не осталось. Нам не на что выехать, у нас нет возможности купить жильё. Неужели Россия не может купить наши квартиры, чтобы такие, как я, могли купить в России хоть комнату. Умоляю вас, господин Строев, пожалуйста, сделайте доброе дело, пожалуйста, помогите нам!

Я не боюсь, что меня убьют, убивают русских здесь ежедневно. Страшно, когда издеваются, мучают, насилуют. Проработала более 30 лет с учительницей Марией Васильевной. Её убили, нанесли 12 ножевых ран, разбили всю голову, замучили, всё село об этом знает, убили из-за дома. <…>

Неужели нельзя помочь нам? Компенсацию получают те, кто убежал из Чечни, а мы остались, нас убивают ежедневно. Зачем покупать дом, квартиру, когда можно бесплатно отобрать у русских. Если Совет Федерации примет закон о нас, поможет нам, я буду молиться за вас всю свою жизнь.

Умоляю, прошу вас, помогите!»

Письмо председателю Совета Федерации РФ Е. С. Строеву.

«…Вырваться же из этого смертельного ада, можно с уверенностью сказать, невозможно. Нет средств, а если кто рискнул или собирается выехать и если об этом узнали чеченцы, берегись. Приходят и днём, и ночью и избивают до полусмерти, требуя при этом отдать ордер на квартиру или документы на выкуп жилья. В последнее же время ко всем русским приходят с оружием, в натянутых на морды чулках или в масках, и избивают, требуя при этом не только документы на жильё, но и грабят. А ещё, не дай тебе Бог, если узнали, что ездили за пенсией и привезли её не за один месяц, то считай себя если не мертвецом, то через месяц-другой станешь им.

Автор: Приходят грабить в «намордниках» русских пенсионеров ведь не некие «члены НВФ», а тот самый чеченский «мирняк» — соседи или получившие «наводку» от тех же соседей. После очередной страшной трагедии, случившейся в Москве, когда у бандитов оказался в заложниках огромный зрительный зал, заполненный людьми, пришедшими посмотреть разрекламированный мюзикл «Норд-Ост», наши записные публицисты словно взбесились: со всех страниц газет, из каждого телевизионного канала несколько дней без перерыва неслось заклинание: *«У преступности нет национальности!»* Господи, а куда она вдруг подевалась — эта национальность? Да ещё в самый щекотливый момент!.. Есть национальность и у Мовсара Бараева, и у его дяди-«мясника» Арби, и у других преступников, как есть она и у тех, кто утверждал в те дни совершенно обратное. Не японские камикадзе и не китайские же шахиды там обвязывались взрывчаткой и грозили подорвать здание со всеми людьми. Кому нужно это нелепейшее самоубаюкивание и враньё?..

Генерал *Святослав Набздоров,* назначенный комендантом одного из районов Чечни на границе с Ингушетией, так описывает чеченский менталитет.

«Чеченцы — странный народ. Ни на кого не похожий. Я больше десяти лет отслужил в Таджикистане. Казалось бы — Восток. Восточное коварство, азиаты… Но только таджики, по сравнению с чеченцами, просто дети.

Чеченец живёт в сложнейшей иерархической структуре родоплеменных, тейповых связей. И традиции эти, безусловно, всегда были сильнее всех других законов. При этом сам тейп причудливым способом вписан в запутанную систему чеченского «малого» мира, чеченского этноса.

Первая проблема работы с чеченцами состоит в том, что очень сложно, а зачастую и просто невозможно, установить какие-то «базовые» ценности или понятия, с помощью которых можно найти общий язык. Ведь почти все они имеют у чеченцев свой собственный смысл. Та же честность. Для большинства это понятие универсальное по отношению к любому человеку, с которым ты работаешь или общаешься. Но для чеченцев это совсем не так. Для него честность — это очень специфическое и узкое понятие, относящееся исключительно к рамкам семьи. Но уже совсем не обязательное среди своих соплеменников и почти невозможное для «чужих».

Мусульманство — тем более не «базовая» ценность. Для чеченцев характерно вообще своё «особое» течение в мусульманстве — кадерия, но законы адата, родоплеменной свод традиций и законов — всё равно всегда были на первом месте. При этом десятилетия советской власти практически размыли религиозность большинства чеченцев, и сегодня мусульманство в Чечне — это такая же традиция, как и в России посещение христианских храмов на большие праздники. Кроме того, в Чечню активно вторгся ваххабизм. В общем, клятвы на Коране и заклинания именем Пророка здесь также весьма и весьма условны.

И так со всеми понятиями. Таков их менталитет.

При этом человек для чеченской ментальности не является какой-либо безусловной ценностью. Чеченец спокойно отнесётся к гибели родственника или даже жены. Это только накладывает на него обязанность отомстить. Но вот к чему чеченец действительно чувствителен — так это к материальным благам. Смерть даже близкого человека не производит на него такого действия, как разрушение его дома, хозяйства, имущества. И это удивляет.

Вообще, между чеченцами и всеми остальными народами словно проходит некая грань. Чеченцы, пожалуй, как никакой другой народ, считают себя особенным, и культивируют эту «особенность». Как только себя некоторые из них не величают: «царским народом», «дворянами Кавказа», «народом-воином» и тому подобное.

Но когда погружаешься в жизнь чеченцев, начинаешь видеть, насколько они сами устали от своей «избранности» и как действительно трудно живётся здесь простому человеку. Тейповое разделение общества привело к тому, что вся республика фактически расколота на бесконечное количество «уделов» и «наделов», за которые идёт беспрерывная война. Деньги берутся друг с друга буквально за всё. Пригнали мне в район пятьдесят два новых трактора. Я их распределил по администрациям. Так уже через сутки мне мои информаторы докладывают, что главы администраций распределили эти трактора — мало что по своим родственникам, так ещё и за десять тысяч рублей каждый! Вот тебе и «родня», вот тебе и «царский народ»!

Когда шли активные боевые действия, «менялы» трупов просто делали себе состояния. Выменивали у наших десяток убитых боевиков на захваченного в плен или убитого русского солдата, которого по дешёвке выкупали у боевиков или местных жителей. А потом втридорога родственникам продавали тела их убитых сыновей, братьев, мужей. И ничего — уважаемые люди!

В любой администрации всегда сидит только один клан, одна семья.

Продаётся буквально всё. <…>

Сами чеченцы говорят — мы здесь за эти годы столько наворотили, что теперь, чтобы что-то в порядок привести, лет пятьдесят нужно. И главное, чтобы всё это время власть в республике ни в коем случае чеченцам не принадлежала. От района и выше — чтобы русские во главе стояли. Иначе всё опять прахом пойдёт…» («Завтра», № 26, 2000 г.)

Без горькой правды, коя в первую очередь — **правда**, в этой книге не обойтись. Приведённые свидетельства и факты пусть ещё раз напомнят, в какое время Г. А. Угрюмов вплотную занялся чеченской проблемой. Но вначале — Дагестан: хроника конфликта:

19 июня 1999 г. («Комсомольская правда»). «Вчера ночью на границе Ставрополья и Дагестана с Чечнёй погибли 7 и ранены 15 сотрудников МВД России. <…> По сведениям из Грозного, ответственность за нападение на российские посты и заставы взял на себя командир непримиримой группировки чеченских боевиков Хаттаб, объявивший «священную войну за освобождение Кавказа». <…> В эту же ночь серьёзный шестичасовой бой завязался на дагестано-чеченской границе. Боевики атаковали автоматно-миномётным огнём две заставы и КПП в Хасавюртовском районе Дагестана. Бой продолжался с девяти вечера до трёх часов ночи. Вертолёты северокавказской военизированной группировки засекли колонну крытых военных грузовиков, идущую в направлении Дагестана. Колонна была уничтожена.

Россия приняла решение закрыть практически все КПП на границе с Чечнёй. Теперь они будут переоборудованы в опорные пункты с пулемётами, КСП и наблюдательными вышками».

12 августа 1999 г. Прекращён въезд автотранспорта в Дагестан с территории Чечни.

Объявлено, что командование операцией осуществляет главком ВВ МВД Вячеслав Овчинников.

Федеральные войска проводят рейдовые операции. Ударом с вертолётов уничтожен штаб боевиков в селе Хвайни, два автобуса с экстремистами, миномёт и зенитная установка с расчётом.

В Ботлихском районе Дагестана обстрелян вертолёт федеральных сил. Один человек погиб, 9 ранены. В их числе начальник разведки ВВ МВД по авиации генерал-лейтенант Виктор Якунов, заместитель начальника организационно-инспекторского управления МВД генерал-майор Виктор Ракитин.

И. о. премьер-министра Владимир Путин заявляет, что боевики будут вытеснены из Дагестана за полторы-две недели.

13 августа. Сообщены данные разведки, в соответствии с которыми силы боевиков расположены в 7 из 32 населённых пунктов Ботлихского района.

В Дагестане взят в плен личный переводчик Хаттаба.

Владимир Путин заявляет, что «удары будут наноситься по базам боевиков, где бы они ни находились».

Это — начало второй чеченской войны… Если верить «российским» СМИ, то обобщённо — «русские напали на мирных чеченцев и продолжили ничем не оправданный геноцид маленького, но гордого народа».

Елена Бадякина, журналист:

Русские на Тереке

…Войска ушли, а люди были отданы на растерзание и истребление. И без того невыносимые условия стали поистине нечеловеческими. Каждый день милицейские сводки Наурского и Шелковского районов пополнялись сообщениями об убийствах русских семей, изнасиловании русских девушек, угоне скота с русских подворий, избиениях и разбойных нападениях. Как правило, дальше констатации фактов дело не шло, а следствие по этим делам даже не велось. Русские в притеречных районах Чечни подвергались самому настоящему геноциду.

По данным Министерства по национальной и региональной политике РФ в Чечне, за период с 1996 года, после вывода войск, было убито свыше 21 тысячи русских!

Основной удар репрессий пришёлся именно на русские терские районы. Несколько месяцев назад в региональной печати прошла информация о том, что в станице Шелковская был зарезан последний русский житель, 90-летний дед, который просто не смог заплатить обычную продуктовую дань чеченским бандитам. Озверевшие боевики подвергли русского старика нечеловеческим пыткам, после чего зарезали ножницами для стрижки овец. И происходило это злодеяние, никем не замеченное, примерно в то же самое время, когда мир захлёбывался в антисербской истерии по поводу мнимых «этнических чисток» албанцев.

А настоящие этнические чистки происходили в Чечне, которая, начиная с 1992 года, планомерно изгоняла русских с их родных земель. В Грозном, построенном русскими солдатами и

казаками в 1818 году, осквернялись русские кладбища. Туда свозился навоз с близлежащих ферм. Похищались русские дети. Потом их обезображенные трупы подбрасывались к домам родителей. Здесь насиловали даже русских бабушек, не говоря о симпатичных молодухах.

Детский дом в Олимпийском районе Грозного, где большинство воспитанников составляли русские дети, был превращён в самый настоящий публичный дом. Русские старики не получали пенсию с 1992 года, хотя она исправно переводилась в Чечню из Российского пенсионного фонда.

Тогдашний министр по социальным вопросам Элла Памфилова была объявлена Дудаевым «лучшим другом чеченского народа». Сейчас белокурая депутатша об этом предпочитает не вспоминать.

Геноцид русского населения стал реальностью в «суверенной» Ичкерии. Правозащитники этого почему-то не замечали, всю симпатию направив на защиту «страдающего чеченского народа». Им бы не мешало почитать свидетельские показания, собранные за период с 1991 года (все эти данные давно проверены и преданы гласности), о положении русских и представителей других народов в Чечне. А ведь эти люди составляли более половины населения республики. Именно они добывали нефть, лечили больных, учили детей.

Басаев тоже выходец из села Вышне-Ведено, основанного более века назад русскими дезертирами и пленными, принявшими ислам. В жилах Шамиля течёт и русская кровь, о чём мало кто знает. Да и учился Шамиль не где-нибудь, а в московском вузе, так же, как и многие другие его соплеменники. Только добра чеченцы не захотели помнить, питая себя лютой ненавистью к России. И всю эту ненависть и жестокость они обрушили на своих соседей, земляков, которые приняли их в 1957 году после возвращения из мест высылки с чистым сердцем.

Были примеры и другого рода, когда именно чеченские соседи спасали русских друзей от банд грабителей и насильников, помогали им выехать из Чечни, делились с ними куском хлеба, сидя в подвалах под бомбёжками в 1995 г. И эти случаи русские беженцы охотно вспоминают, *как бы оправдывая весь чеченский народ.* **Но, увы, зла было больше, чем добра, и это нужно знать и помнить.**

Нередко и чеченцы, лояльно настроенные к российским властям и помогавшие русским соседям, подвергались насилию. В начале октября были зверски убиты пять глав сельских администраций Наурского района, выразившие готовность сотрудничать с российским командованием и чеченской

оппозицией.

Особенно чувствительно для многих русских было убийство директора совхоза «Советская Россия» Шамиля Лабазанова. Он, как мог, помогал станичникам в трудное время.

А вот боевикам сейчас раздолье: грабь, убивай. Их семьи вывезены в безопасное место: задолго до начала боевых действий Аушев получил неплохие деньги под многократно завышенное число возможных беженцев. О новой военной операции каким-то образом чеченцы узнали заранее.

Весь огненный удар, по сути, как и в 1994 г., обрушился на русские дома, обитателям которых некуда, да и не на что уезжать.

Многие беженцы из Наурского и Шелковского районов рассказывают, как часто наша артиллерия лупила по русским же станицам после того, как оттуда ушли чеченские боевики. Русские бегут в Ставропольский край и Моздок. Но и здесь на КПП их встречают грубость и равнодушие. Точно известно, что часто пропускают за взятку чеченцев, но зато часами мурыжат своих же русских стариков.

Миграционной службе РФ русские беженцы не нужны. Недавно в интервью Каламанова — руководителя ФМС РФ прозвучало, что беженцам положено 35 рублей в день. Так и этих крох не выдают! Русские беженцы из Шелковского и Наурского районов почти две недели жили на привокзальной площади Моздока в ожидании хоть какой-то помощи. И лишь участие и человечность простых горожан изменило это положение.

На фоне такого искреннего народного порыва ещё более омерзительно выглядит деятельность чиновников, по роду своей службы обязанных оказывать помощь беженцам. Похоже, что российская ФМС стала поистине русофобской организацией, направляющей составы помощи семьям чеченских боевиков, при этом игнорируя русских беженцев, в основном находящихся в Моздоке и Ставропольском крае. Их вынуждают возвращаться назад в станицы, где ещё идут зачистки и зверствуют чеченские бандиты. 7 октября житель станицы Чернокозово Ибрагимов расстрелял 42 русских жителя этой же станицы. А несколькими днями раньше чеченец зарезал семью Алленовых в станице Алпатово.

«Спецназ России», № 10 (ноябрь), 1999 г.

Баграт Рафаэлович Князчан:

Сейчас кто-то может мне не поверить: мол, под Героя подгоняю свои воспоминания о нем, но могу поклясться, что чеченские события он предвидел еще до развала Союза. Задолго до бакинских событий мы с ним говорили об этом. Не

«программно» — что, дескать, именно так и будут развиваться события в стране, нет. Страна уже начала ходить ходуном, упиваясь разрешённой «гласностью», вот тогда у нас и возникали такие разговоры — мозаичные, в какой-то мере не очень «предметные», но сейчас я, спустя срок, обобщаю и понимаю, что Герман мыслил как хорошо подготовленный геополитик и знаток национальных тонкостей.

С его подачи у меня семь «поколений» водителей-срочников были чеченцы. Помню, однажды я спросил его об этом: зачем? Он мне ответил:

— Баграт, скоро грянет карабахская проблема. Она взорвется, если её заранее не решить. А ты видишь, что её решать никто не торопится, да как будто и не собирается. Но Чечня — это тебе не Карабах!.. — Помолчал, потом добавил: — Пройдет года два-три, и мы будем молиться на то, что мы сейчас делаем. Надо готовить своих людей, надо готовить актив.

Именно так он и выражался: актив.

На Каспийскую флотилию чеченцев он набирал десятками. И большинство из них остались верными России, когда началась чеченская вольница. Расскажу об очень интересном случае, который имел место гораздо позже — месяцев за пять до его кончины. Позвонил мне:

— Шеф, привет! Ты знаешь, где я нахожусь? На «югах». Что делаю? Да вот, сижу, беседую с одним из наших общих знакомых…

— Ну, раз наш общий знакомый — передай ему привет.

— Не-е-т, шеф, таким, как он, приветы не передают!.. И от меня он привета не дождётся, когда… кой-куда его отправят. Лет на несколько.

Значит, кто-то из наших бывших друзей-чеченцев проштрафился. И попался. И он решил этим звонком ко мне дать ему понять, что тот предал нашу дружбу. Я думаю, это был очень сильный ход, который, возможно, подтолкнул того чеченца к раскаянию. Но кто это был — до сих пор не знаю. Понятно, что один из тех, кто подался в мерзавцы…

Владимир Иванович Петрищев:

Ко второй чеченской кампании мы все готовились весьма основательно, ибо прекрасно понимали, что второй войны не избежать. Как готовились? И планы разрабатывали, и базу создавали, и людей готовили. С точки зрения исполнительной изначально там, на месте, этим занимался Герман Алексеевич. Потому-то его позже и назначили заместителем директора ФСБ и «бросили» на Чечню, где он находился почти безвылазно. За год с

небольшим лучше него вряд ли кто овладевал ситуацией основательнее. Там он стал фигурой заметной, узнаваемой, влиятельной: мог организовать дело и его решить.

В Чечне у нас много отделов Управления военной контрразведки, их работу требовалось скоординировать: встречаться на местах, осуществлять конкретные планы, организовывать на месте взаимодействие — это он все знал и умел делать на высоком уровне. Встречался с местными властями, прокуратурой, милицией, с органами иного подчинения, с нашими территориальными органами. Очень предметно мы работали по работорговцам, и Герман Алексеевич этим вопросом занимался.

Если говорить с общей точки зрения, мы старались создать систему оперативных мер. Беда-то в чем была — слабость оперативных позиций по бандформированиям. Мы постарались эту систему укрепить и привести ее к единому знаменателю, чтобы она действовала по единому плану, под единым руководством. А когда броуновское движение превратится в целенаправленное, тогда и будут результаты. Очень серьёзную работу провели по оценке боеготовности сил и средств военного командования на месте (командующим СКВО был тогда Виктор Казанцев).

Чечню Угрюмову доверили еще и потому, что для него было характерно знание людей Кавказского региона, сопредельных территорий и, главное, умение работать в экстремальной обстановке, принимать быстрые и эффективные решения и реализовывать их. Причем — не подстраховываясь! Там пригоден именно такой метод работы: сам решаешь, сам выполняешь решение и сам за него отвечаешь. Для того тебя туда и послали.

Александр Владиславович Жардецкий:

Когда шла подготовка ко второй чеченской кампании, тут и встал вопрос: а где информация? Занадобился Аслан Масхадов, люди из его окружения — где искать? Без агентуры не ответишь на многие вопросы. Вспомнили про Германа Алексеевича, про его знание Востока, умение работать с населением. Перевели его в Москву и «поставили» на Чечню. Ошибки не было в выборе кандидатуры, так как при нем дело сразу пошл**о**. Агентура ему верила, поскольку отличительная черта Угрюмова — надёжность. Причем надёжность во всём. Это такая база для доверия — ого!..

Виктор Алексеевич Смирнов:

Знание национальных особенностей горских народов и личные качества, о которых уже говорили, позволили ему резко выделиться среди других контрразведчиков в чеченской

кампании. Кому-то, может быть, мои слова покажутся странными, но я свидетельствую: **он любил чеченский народ**. Там, где он бывал в Чечне (а он проехал её вдоль и поперек!), он знал поимённо всех, с кем ему доводилось встречаться. И чеченцы знали его и относились исключительно по-хорошему. Герман Алексеевич тяжело переживал трагедию чеченцев, что лидеры их позволили втянуть народ в кровавые события, и делал для них максимально возможное и полезное.

У простых людей он пользовался любовью и авторитетом, у других он проходил в списках как «враг чеченского народа № 1». Но это был **их** враг, а не чеченского народа.

Осенью 1998 года он стал заместителем руководителя военной контрразведки. Замом он пробыл месяцев пять. Тогда же полностью погрузился в чеченскую проблему. А за это короткое время он успел многое сделать и для сотрудников департамента, очень ценил людей: квартиры, премии, награды отличившимся пробивал очень энергично, считал, коль человек заслужил — он должен быть отмечен. Во-первых, это дань справедливости, а во-вторых, поощрение по заслугам любого сотрудника только мобилизует.

Когда самого Германа заметили и назначили первым заместителем Департамента по борьбе с терроризмом — это был шаг через три должностные ступени. Потом он стал руководителем департамента и заместителем директора ФСБ.

Людей своих в Чечне очень берёг. Прежде чем послать на операцию, просчитывал всё, что можно просчитать. Думаю, это нервное напряжение в тот период сильно подорвало его здоровье: он был человеком неравнодушным, с «голым», обнаженным сердцем. К себе же относился беспощадно. Времени суток для него не существовало — работал на износ.

Александр Хинштейн, журналист:

Особые отделы — они действительно особые. Нечто среднее между госбезопасностью и армией. Особист полностью разделяет все тяготы воинской службы, ничем не отличаясь от обычного служаки. И в то же время задачи у него совершенно иные.

Круг вопросов военной контрразведки огромен: это и противодействие иностранным разведкам, и борьба с преступностью, и предупреждение терактов, и аналитическая работа. Всего не перечислишь. Не погрешу против истины, если скажу: упраздни сегодня систему военной контрразведки, и Вооружённые силы окончательно загнутся. Это тот стержень, который не виден на первый взгляд, но без которого вся пирамида развалится по частям.

Именно об этом в канун юбилея *(80-летия со дня основания военной контрразведки — 19 декабря 1918 г. —* В. М.*)* мы и побеседовали с заместителем начальника Управления военной контрразведки ФСБ России контр-адмиралом Германом Угрюмовым.

— Герман Алексеевич, простите за дилетантизм: неужели иностранные разведки по-прежнему охотятся за нашими военными тайнами?

— Конечно, охотятся. Более того, мы отмечаем постоянную активизацию разведывательной деятельности иностранных спецслужб.

Не стоит думать, будто наша армия — это что-то вроде отряда самообороны в банановой республике. Зарубежные разведки, кстати, понимают это лучше, чем российские политики. Потому и пытаются получить доступ к российским государственным военным секретам, стремятся влиять на происходящие в Вооружённых силах процессы.

За последние несколько лет органы военной контрразведки пресекли шпионскую работу многих иностранцев. Разоблачён ряд российских граждан, завербованных, как раньше было принято говорить, спецслужбами противника и вставших на путь инициативного сбора секретных сведений.

Вот только несколько фактов: к 12 годам колонии строгого режима приговорён иностранный агент, старший научный сотрудник 14-го отдела НИИ ВМФ Финкельман. Такой же срок получил офицер штаба ракетной армии майор Дудник. Он намеревался раскрыть иностранным спецслужбам государственные секреты, касающиеся системы РВСН. Свои услуги изменник оценил в полмиллиона долларов. Ущерб же, который мог быть нанесён обороноспособности России, подсчитать невозможно.

За разглашение государственной тайны и злоупотребление должностными полномочиями военным судом Московского округа осуждён подполковник Центра космической разведки ГРУ Ткаченко. Он передавал служебные материалы сотруднику израильской разведки «Моссад».

— Как я понимаю, агентурная работа является для иностранных разведок приоритетной?

— Совершенно верно. Скажем, ЦРУ, реализуя «Концепцию обеспечения национальной безопасности США», получает основную информацию именно агентурным путём. Таким же образом американцы рассчитывают влиять в нужном для них направлении на развитие ситуации в «зонах национальных интересов США». Через агентуру, обладающую соответствующими

возможностями.

— В том числе и в России?

— Разумеется. Другое направление нашей работы — защита государственных секретов. Мы видим, что отдельные индустриально развитые страны стремятся взять под контроль информационное пространство России. Знаем о «подходах» к секретоносителям — как в стране, так и за её пределами, о попытках трудоустроить отставных военных.

Что интересует иностранцев? Информация стратегического плана: строительство Вооружённых сил, состояние военного и мобилизационного потенциала, военные разработки. К сожалению, здесь нашим классическим противникам активно помогают спецслужбы недавних наших союзников.

— Не могу не спросить бывшего начальника военной контрразведки Тихоокеанского флота о нашумевшем деле военного журналиста Григория Пасько, арестованного по обвинению в шпионаже. В прессе на этот счёт говорилось немало.

— Отчасти я понимаю журналистов: корпоративность, цеховая солидарность… Но здесь коленкор иной. До момента задержания УФСБ по Тихоокеанскому флоту вело в отношении Пасько длительную оперативную проверку. В результате было установлено, что подданные одного иностранного государства…

— Японии?

— …одного иностранного государства установили с Пасько контакт. За материальное вознаграждение он собирал и передавал им секретные сведения о Тихоокеанском флоте, оборонной промышленности. Впоследствии эксперты дали заключение, что часть переданных Пасько данных составляла государственную тайну. Не забывайте: Пасько — офицер. Он имел допуск секретности и прекрасно понимал, что к чему.

— Говорят, однако, что Пасько передавал данные об экологии, о сливе радиоактивных отходов в океан.

— В этой части ФСБ не имеет к нему никаких претензий. Но повторяю: речь идёт о совершенно других материалах.

— С агентурой иностранных разведок всё более-менее понятно. А как обстоит дело с негласными сотрудниками военной контрразведки? Разрушение армии вряд ли способствует особой сознательности.

— Не сказал бы, что мы испытываем в этом серьёзные проблемы. Массового оттока агентуры не произошло. Может быть, потому, что основная часть людей идёт на сотрудничество с органами сознательно. И хорошо. Нам не нужны стукачи. Нам нужны помощники, которые понимают, что и зачем они делают.

— Закон об оперативно-розыскной деятельности позволяет

заключать с агентом контракт. Вы пользуетесь этой практикой?

— В единичных случаях. Как правило, люди работают не за деньги, а за идею.

— К вопросу о деньгах. Положение в армии — известно. Военной контрразведке легче?

— Мы в равных условиях. По закону финансирование органов ВКР идёт из Минобороны. Если воинская часть сидит без зарплаты — значит, и наши сотрудники бедствуют вместе со всеми.

— Это сближает?..

— Сближает… На «земле» между особистами и военными практически не бывает разногласий. Напротив, все помогают друг другу.

Недавно на Камчатке был проведён анонимный опрос восемнадцати командиров подлодок: «Нужен ли вам в походе опер?» Все восемнадцать ответили категорически: нужен! Особист — наш главный помощник.

И наоборот, во всех экстренных случаях командиры спешат на выручку чекистам. Некоторое время назад в одной из частей произошло ЧП. Офицер-ракетчик высказал угрозу взрыва ракетной базы. Через 20 минут после этого самолёт командующего был готов к полёту, через 40 уже поднялся в воздух. На борту находилась группа офицеров военной контрразведки. Если бы не такая оперативность, кто знает, чем всё могло бы закончиться.

— Вы заговорили о терроризме. Наверное, эта головная боль похлеще, чем шпионы?

— Не только терроризм, но и преступность, коррупция, незаконный оборот оружия. Обращусь к цифрам. В нынешнем году по нашим материалам военная прокуратура возбудила более 430 уголовных дел. Была проведена масса прокурорских проверок.

Но главное для нас — не столько схватить с поличным, сколько предотвратить преступление. Профилактика, предупреждение, особенно в войсках и на объектах РВСН, флота — без этого никуда.

— Как же вам удаётся решать столько задач при таком мизерном финансировании?

— Иногда мне и самому это непонятно. Но, в конце концов, в органы люди идут не за деньгами. Слава Богу, не всё ещё решает Его величество Доллар.

— И последний — «юбилейный» вопрос: как будете справлять праздник?

— Как и положено: весело. Мы неплохо поработали за этот

год, добились определённых результатов. Ряд сотрудников представлен к наградам.

Больно, к сожалению, осознавать, что до этой даты не дожили многие товарищи. За последние годы при исполнении служебных обязанностей погибли семь военных контрразведчиков. Один из них, капитан Громов, посмертно был удостоен звания Героя России.

Я уверен, что во всех отделах и Управлениях военной контрразведки третий тост будут пить молча и не чокаясь…

«Московский комсомолец» от 19.12.1998 г. «Особисты, вперёд!»

Александр Витальевич Лад-к:

Когда я был назначен к нему порученцем и увидел, как он работает, то… это не сравнимо ни с чем! Приезжал рано, окна в его кабинете не гасли допоздна, из командировок не вылезал… При этом он еще находил время, чтобы помогать сотрудникам решать бытовые вопросы.

Парни из «Альфы» и «Вымпела», сопровождавшие его, поражались его мужеству и готовы были идти с ним куда угодно. Уже после начала войны мы с ним Чечню проехали с севера на юг и с запада на восток. За ним охотились. За его голову обещали гигантскую сумму в американской валюте. Мы неоднократно фиксировали радиоперехваты, вроде этого: «Э, слюшай, что у вас там дэлается! Куда ви смотрите, если вчера у вас под носом крутился этот толстый адмирал! Почему, биляд, не замочили?! Разъезжает, наглец, по Чечне, как у себя дома!..» Были указания от разных полевых командиров чеченскому спецназу: взять «толстого адмирала» в заложники, на худой конец — пристрелить или взорвать. Наша служба всякий раз предотвращала покушения на него.

Автор: Приведем немного избранной хроники того времени.

31 августа 1999 г. Указом президента Ельцина в составе ФСБ создан Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

В этот же день возобновились военные действия в «кадарской зоне» Дагестана.

В этот же день в Москве на Манежной площади сработало взрывное устройство (эквивалент 200 г тротила): 41 человек ранен, 6 из них — тяжело.

12 ноября 1999 г. началась «зачистка» Гудермеса силами федеральных войск, милиции и местных вооруженных формирований. Над Гудермесом поднят государственный флаг России.

В Кремле под руководством премьера Правительства России В. В. Путина проходит совещание членов Совета безопасности по Северному Кавказу. В Москве проходит Съезд народов Чечни. Аслан Масхадов обращается к участникам съезда и изъявляет готовность «подписать договор о запрещении незаконных вооруженных формирований в Чечне и на Северном Кавказе в целом». Он заявляет также, что взрывы домов в Москве — «не дело рук официальной Чечни и чеченцев вообще».

В вечернем телеинтервью на ОРТ Владимир Путин заявляет, что «у нас нет другого выбора: контртеррористическая операция должна быть доведена до конца», что «если мы не завершим эту операцию, то всё снова вернется к нам». *(«Недорубленный лес скоро вырастает». А. В. Суворов. Письма.* — В. М.*)*

В Лондоне завершился Международный съезд исламских террористов, на котором от Чечни присутствовали Хаттаб и Басаев. Резюме съезда: объявить джихад России.

18 ноября 1999 г. в Стамбуле состоялся саммит ОБСЕ, на котором Борис Ельцин заявил, что лидеры западных стран не вправе «критиковать Россию за Чечню». Он привел цифры: в результате террористических актов, проведенных чеченскими экстремистами, в России пострадали 1580 человек, за последние годы похищены 935 заложников — «не только россиян, но и англичан, американцев, французов; около 200 пленников еще удерживаются бандитами, причем делаются с ними ужасные пытки, плёнки по которым просто нельзя смотреть равнодушно!».

В истории государства Российского немало печальных страниц, среди которых едва ли не большую часть занимают события, причиной которых стала излишняя мягкотелость правителей, незнание истинного положения вещей и упование на то, что всё само собой рассосётся, либо на то, что пряник гораздо лучше кнута (не раз имела место и противоположная крайность, но сейчас не об этом). «Единый удобный способ обороны есть война наступательная», — писал в своих «Записках…» Алексей Петрович Ермолов. (Эту мысль почти дословно повторил капитан 2-го ранга *Александр Васильевич Колчак* в докладе «Какой нужен России флот», прочитанном 21 декабря 1907 года в Петербургском военно-морском кружке: «Как всякая борьба, единственно целесообразною может быть война только наступательная…».) Но, как замечает А. А. Керсновский, «император Александр I не одобрял слишком решительных мер, требуя проявления к горцам «дружелюбия и снисходительности». Петербург проявил полное незнание обстановки, а горцы считали «снисходительный» образ действий за признак слабости русских и всё более смелели».

Александр Благословенный многое сделал для становления русской армии, но после заключения Священного союза, движимый мечтой о «едином народе христианском», допустил усиление немецкого засилья в высшем командном составе. И те «…лица, — пишет А. А. Керсновский, — запарывавшие шпицрутенами сотни людей у себя в военных поселениях, смели упрекать Ермолова в «жестокости с туземным населением» *(«История русской армии», т. 2)*.

Автор: 1999 г., 31 августа — прозвучал взрыв в торговом комплексе «Охотный ряд» в Москве. В ночь с восьмое на девятое сентября взорван дом № 19 на улице Гурьянова (94 убитых), сильно пострадал соседний дом № 17. 14 трупов не смогли идентифицировать.

13 сентября, в годовщину памяти погибших от взрыва в Москве и Буйнакске, был взорван дом № 6, корпус 3 на Каширском шоссе (124 убитых)…

6 января 2000 г. влиятельная английская газета «The Independent» публикует статью некой Елены Вомак под интригующим обывателя заголовком «Российские агенты взорвали дома в Москве».

Летом этого года известный валютный спекулянт Джордж Сорос посетил МГИМО. К его приезду студентам были розданы буклеты с текстом его приготовленного выступления, в котором сказано, что «государство, которое построит Путин, вряд ли будет основываться на принципах открытого общества; скорее, в его основе будут лежать такие принципы, как деморализация, унижение и угнетение россиян». Сорос «обобщает», зато сопровождающий его Ален Безансон «растолковывает» смысл речи патрона и конкретизирует: теракты в столице (взрывы жилых домов) устроены не чеченцами, а сотрудниками ФСБ России.

В августе «Новая газета» поверх логотипа на первой полосе помещает сенсационный заголовок «ФСБ взрывает Россию», наискось перечёркнутый «штемпелем» — «специальный выпуск». Авторы спецвыпуска — сбежавший бывший подполковник ФСБ (находится в федеральном розыске) Александр Литвиненко и историк Юрий Фельштинский (с 1978 г. — гражданин США). Суть «сенсации» — все та же: российские спецслужбы уничтожают собственных граждан. Вроде и не ново, но всё равно и страшновато (на них никакой управы, а вдруг и нас завтра?..), и возмутительно (что ж вы творите, сволочи?!).

Со временем ажиотаж вокруг «сенсации» схлынул, потрясённые москвичи перестали грозить кулаком в сторону

Лубянской площади, следствие по взрывам завершилось, но до сих пор не все знают истинных преступников. Военный журналист *Павел Евдокимов* приводит официальные заключения ФСБ.

Операция Абу Умара

Граждане России должны твёрдо знать: преступления, в которых были обвинены сотрудники ФСБ, совершены людьми Хаттаба.

Тайная база террористов находилась в посёлке Мирный *(не откажешь в фантазии*!.. — В. М.), недалеко от Кисловодска. Туда они завезли из Чечни взрывчатку, которую производили на двух фабриках — в Урус-Мартановском районе и под Сержень-юртом. Когда российские войска заняли эти населённые пункты, они обнаружили вещественные доказательства.

Инициатор создания диверсионной группы — араб Абу Умар. Непосредственным руководителем террористов был Гочияев Ачемез Шагабанович (уроженец города Карачаевска). В роли эксперта по взрывному делу выступил Сайтаков Денис Фаридович. Он родился в городе Капши, а жил в Татарии, в Набережных Челнах.

Грузовой «Мерседес» со взрывчаткой отправился в Москву в начале августа 1999 г. Прибыв в город, Гочияев арендовал несколько складских помещений. «Адская» смесь была доставлена в столицу в фуре (трейлер «Мерседес»). Её водитель не подозревал, что он везёт на самом деле. Думал — сахар, 38 мешков. Они были распределены по трём точкам и заложены под несущие конструкции домов.

Как удалось выяснить сотрудникам ФСБ, в обоих взорванных домах — и на улице Гурьянова, и на Каширском шоссе — подвалы под склады арендовал лже-Лайпанов. Человек с такой фамилией погиб еще в начале года. Гочияев — его родственник, вклеил в паспорт свою фотографию, а остальное было уже делом техники. *(Сами собой приходят на память горячие телевизионные протесты Владимира Познера и его единомышленников, осуждающие проверки паспортов у граждан «кавказской национальности». «Голос Америки», неоднократно отмечавший сей факт «нарушения прав человека», «дискредитацию граждан России по национальному признаку», ни разу не заикнулся, однако, о тотальных проверках всех арабов — граждан США после уничтожения торгового центра в Нью-Йорке.* — В. М.*)*

Благодаря предпринятым мерам оперативникам ФСБ удалось предотвратить два взрыва. В ходе проведённой операции было

изъято 12–13 тонн смертоносной взрывчатки.

В Волгодонске взрыв дома был устроен группой Юсуфа Крымшамхалова. Террористы поставили у дома грузовик, начинённый взрывчаткой. Как и в первом случае, водитель оставался в неведении. Люди, которые наняли его, попросили остаться в кабине на ночь: «Постереги картошку». Под утро водитель вышел погреться, а через некоторое время прогремел взрыв. Повезло парню.

Денис Сайтаков погиб в Чечне при отходе отряда Хаттаба. Два других террориста — Гочияев и Крымшамхалов — по оперативным данным, скрываются где-то на территории Грузии.

Абу Умар был ликвидирован российским спецназом в ходе специальной операции, проведенной 11 июля 2001 г. в высокогорном селении на территории Чечни.

«Спецназ России», № 9, 2001 г.

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

По Указу № 61 от 22 января 2001 г. о передаче Федеральной службе безопасности руководства по контртеррористической операции в Чечне мы начали разворачивать Региональный оперативный штаб в Ханкале. Это было светопреставление, с которым я столкнулся впервые!.. Всё бегом, все торопливые, всем надо срочно, а кому-то ещё срочнее: Президент на нас смотрит!.. В первый раз в жизни мне приходилось разговаривать одновременно с четырьмя-пятью людьми. Крутились, как бельё в центрифуге. А втащил меня в этот «смерч», как ты, наверное, догадался, Герман Алексеевич. А дело было так.

Я в тот период отдыхал после командировки 2000 г. Полгода пробыл в Чечне, вернулся в августе (тогда еще работал по линии военной контрразведки), поехал домой в отпуск, во Владивосток. Ночью раздается звонок (разница с Москвой по времени — семь часов), звонит руководитель аппарата Германа Алексеевича Володя Ан-в:

— Володь, извини, что разбудил, но тут дело интересное начинается, шеф про тебя вспомнил. Ты как, не прочь на 2–3 месяца вернуться в Чечню?

— А когда выезжать?

— Через недельку будь готов. Мы шифровку дадим, чтоб тебя откомандировали.

Когда заместитель директора ФСБ приглашает — не с руки отказываться. Да и дело вроде знакомое. Жене пока не говорю: неделя еще в запасе, пусть проживет её спокойно. Однако через пару часов опять звонок:

— Володя, извини: не через неделю, а через два дня…

В семье, конечно, «радость»… Но он важных дел откладывать не любил. «Давай-давай, не тяни!» — вот присущая ему фраза.

Когда мы прилетели в Ханкалу, Герман Алексеевич коротко объяснил мои обязанности, попросил мою записную книжку, открыл на чистой странице, и я получил самый блистательный в жизни инструктаж — чисто «угрюмовский»:

— Поясняю специально для бестолковых: это я (рисует квадратик), это ты, вот пункт управления… офицеры… офицеры… офицеры… доклады от этого — тому, стрелки понятны? Собираешь информацию в свои руки, мозги собираешь в кучку, делаешь анализ — и мне на стол. Всё понял? А теперь запомни главное: сопли утирать тебе я не буду!

Так примерно выглядел мой инструктаж на развертывание Регионального оперативного штаба. Всё остальное уже было потом.

Отличие штабного офицера от другого в том, что он защищён. Он не ходит под смертью каждый день. Но он должен быть готовым к длительному монотонному труду, к «рваному» сну, к постоянному умственному напряжению, психическим «передозировкам» и к тому, что если он даже смертельно устал, то никому до этого нет дела. Последнее в расчет вообще не принимается. В такой ситуации он должен уметь монотонно и затяжно работать и выдавать если не лучший результат, то не хуже среднего. Этот навык — обязателен.

Вторая моя командировка стала результатом первой. Потому что в 2000 г. мы проводили в жизнь… скажем, некоторые весьма удачные задумки, о которых я докладывал Герману Алексеевичу и которые он запомнил. Второй раз я поехал и потому, что он пригласил, и потому, что в мирной жизни, чтобы проверить реальность своих задумок, надо лет пять, а то и десять. А тут — два-три месяца, и результат известен — чего твои мозги ст**о**ят: динамичная обстановка, конкретные бандиты, конкретные операции. Легко проверить, работает твоя схема управления или нет. Подходит твоя «математика» для анализа и обобщения, идентификации, выявления бандита, чтобы просчитать его ходы, либо не подходит. Что-то подошло, что-то, как выяснилось, не сработало… Не зря же писал умный немец Хельмут фон Мольтке, что «не всякий план переживёт встречу с противником».

Там я получил и очередное воинское звание, и удовлетворение от того, что я востребован, что Герман Алексеевич может доверить мне решение сложных вопросов и у меня моя работа получается. Из сорока-пятидесяти лейтенантов только один становится генералом, из множества командиров взводов только один становится командиром дивизии, хотя

служебный рост для всех закономерен. Безусловно, здесь есть и элемент везения: на кого перст судьбы укажет. Но никто и не виноват в том, что у тебя карьера не сложилась…

Мне повезло, что Герман Алексеевич доверил мне серьёзный участок работы, с которым я справился и получил звание капитана 1-го ранга. Кстати, интересно я его получил. Герман Алексеевич — мёдом не корми — обожал кому-то сделать приятное и очень не любил, когда кто-то его опережал с приятной новостью у него сразу менялось настроение (не вышло сюрприза!), и тогда он начинал всех остальных «драть». Прилетел он в Ханкалу из Москвы в 20-х числах мая (год 2001-й), а на меня Указ вышел 25 мая. Естественно, сплетни по телефону до меня уже дошли. А тут вызывает по телефону Герман Алексеевич. Захожу, докладываю. Сидят офицеры, Угрюмов насупленный, мрачно смотрит в стол. Есть армейская заповедь: когда начальство вызывает — не думай, что за орденом.

Жду. Герман Алексеевич поднимает голову и сердито говорит:

— Тут некоторые в моё отсутствие сильно распустились и позволяют себе нарушать форму одежды! И эти «некоторые» — товарищ Гайн-ов… которому приказываю надеть другие погоны — те, которые я ему вручу. — И протягивает мне новенькие трёхзвёздные погоны…

Он выработал дополнительную систему поощрений. Регулярно за успешные действия награждались офицеры из Министерства обороны, из МВД именно по линии Департамента по борьбе с терроризмом: памятные значки, вымпелы, майки с надписью «Антитеррор» вручали. Очень почетной наградой был нож «Скорпион» с символикой ФСБ и наградным удостоверением к нему. Я знаю случай, когда один горец за такой нож предлагал свою машину «Жигули»!

Олег Михайлович Дук-ов:

Руководя Региональным оперативным штабом контртеррористических операций начиная с января 2001 г., а до этого будучи организатором этой работы, он как заместитель директора ФСБ, я полагаю, сделал довольно много. И получилось это ещё и потому, что он хорошо знал Чечню, имел много личных друзей среди чеченцев, он с большим уважением и любовью относился к этой республике, к её народу.

Герман Алексеевич очень чётко оценивал и расстановку сил, которая имела место на тот период. Поэтому нашим войскам удавалось на том или ином направлении без потерь и без сопротивления со стороны боевиков или населения завоёвывать

территории, занимать населённые пункты. Взятый без боя Гудермес — это, я вам скажу, частность, не самое крупное завоевание, а просто один из эпизодов, который, может быть, наиболее показателен в плане, как могут работать сотрудники спецслужб. Предварительная работа с авторитетными людьми, которые затем позволяли войскам войти без сопротивления в населённый пункт, проводилась как раз под руководством Германа Алексеевича.

Когда говорят о встречах армейских командиров со старейшинами, с авторитетами, главами тейпов — они ж не просто вышли навстречу войскам с белым флагом… Их выводили в ходе проведения оперативных мероприятий и спецопераций для непосредственного контакта с командирами частей, полков, дивизий, с командующим на этом направлении. Где-то нам удавалась такая работа проще, поскольку наши позиции были лучше, на других направлениях сталкивались с определенными сложностями, тем не менее и там такую задачу решали. А занимались решением этой задачи с первых шагов наших войск по территории Чечни.

Сначала мы вели переговоры и готовили население, а потом уже входили войска. Замысел этот принадлежал Герману Алексеевичу, эта задача для него была основной: сохранить мирных жителей, сохранить населенные пункты и жизнь военнослужащих федеральных войск. Я не могу рассказать о технологии решения всех этих вопросов, но подчеркну, что эта деятельность — кропотливая, сложная, требующая терпения, выдержки и дипломатического таланта: подчинить своим убеждениям, своему влиянию оппонента с воюющей против тебя стороны!

Я не помню случая, чтобы, когда он лично подключался к операции, бывали какие-то провалы. Это одна из величайших его заслуг! Благодаря ему сохранены сотни, а может, тысячи жизней.

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

Уже после смерти Германа Алексеевича заместитель полпреда президента России в Южном округе *Николай Бритвин* совершенно правильно сказал, что «главное, что за полгода в республике успел сделать Герман Угрюмов, — это сорвать амбициозные планы террористов по захвату городов, проведению контрнаступлений и широкомасштабных диверсий. Это ведь при нём были здорово почищены полевые командиры среднего звена».

Верно, так и было. И здесь надо говорить о комплексном подходе к решению задачи, сторонником которого всегда был Герман Алексеевич. Да, нам безусловно важно обезглавить

верхушку. Всем ясно, что сразу это не получится: на той стороне с нами воюют профессионалы, которые заканчивали те же военные вузы, что и наши офицеры. Бывало и такое, когда случай свёл двух бывших однокурсников по Высшей школе КГБ. Представь себе, насколько встреча была «радостной» для обоих… Тема прямо для Шекспира. Так что прав француз Жан Ростан, сказавший, что «среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства».

Есть второй путь — параллельный: выщёлкивание тех, кто представляет связующее звено между верхушкой и рядовыми членами бандгрупп. Покуда верхушка не спилена — давайте обрубим сучья. И дерево начнёт сохнуть. Это обычная тактика войны. В этом и есть задача вооруженной борьбы. ФСБ решает её своими специфическими силами и методами, армия — своими.

Чем сильно государство — это системой мер, комплексным подходом к решению проблем. Рыбу можно ловить на крючок, можно бить острогой, можно поставить сетку и загонять ее туда. А у сетки бывают разные ячейки… Допустим, мы вычислили ареал такого-то полевого командира, обложили этот район и заставили его двигаться — создали ему такие условия, что на месте он сидеть не будет. А коль он двигается — значит, оставляет следы, обнаруживает себя. «Зафлажковали», круг сужаем. А далее этот полевой командир уже играет теми картами, которые ему сдали мы, а не «рок истории», как утверждал Станислав Ежи Лец: рано или поздно он попадётся, это уже судьба.

Одна из классических операций была проведена в Курчалоевском районе против Абу Умара, высококлассного подрывника, активного координатора, одного из сподвижников Хаттаба. С оперативной точки зрения она была подготовлена практически безупречно.

Охота за Германом Алексеевичем шла постоянная. Он в этих ситуациях использовал главный фактор — неожиданность. Всегда можно нанести упреждающий удар, если владеешь информацией. И здесь важно не повторяться. И он появлялся там, где ему было нужно и где его совершенно не ждали.

Однажды он привел в состояние шока одного полевого командира своим появлением. Тот настолько был обескуражен, что не мог сдержать своего изумления, о чём и сообщил Герману Алексеевичу. Случилось это на территории, плотно занятой боевиками. Он прилетел туда с минимальным количеством людей. Чечен закрутил головой:

— Ну, вы неожиданный человек!.. У вас горстка людей, территория вами не контролируется…

На что Герман Алексеевич спокойно ему ответил:

— Почему вы считаете, что я здесь в одиночку и что я не контролирую эту территорию?

Пока не имею права сказать о задаче, с которой он туда явился, но поверь на слово: его дерзкое появление в том селении, занятом боевиками, спасло сотни солдатских жизней.

Он говорил, что каждая операция должна быть с изюминкой: «Парни, как говорят у нас на Урале, дождь идёт не там, где просят, а там, где косят. Присмотритесь внимательно к каждой разработке: есть ли там что нового — такого, чего никогда ещё не было». Бесцельно, наугад гонять людей, подвергая их риску, — такого он не допускал.

Павел Анатольевич Евдокимов:

По роду деятельности Герман Алексеевич редко появлялся на экранах телевизоров. Полагаю, что он был одним из самых «закрытых» руководителей в ФСБ. В его ведении находился Центр специального назначения Управления «А» и Управления «В» — «Альфы» и «Вымпела». Сначала это был АТЦ — антитеррористический центр, затем переименовали в ЦСН — Центр специального назначения.

Одно из его выступлений по телевидению связано с гибелью трёх сотрудников ЦСН, это случилось весной 2000 г. Погиб один офицер из группы «А» и двое из «Вымпела», проводя спецоперацию в Веденском ущелье: на горной тропе им подставили ловушку — замаскированный фугас. Прощались с ними на Лубянке, отпевали в храме Христа Спасителя. Офицера, который наступил на фугас, хоронили в закрытом гробу… Тело одного спецназовца отправили на родину, двоих похоронили на Николо-Архангельском кладбище.

Тогда тележурналисты зафиксировали редкий кадр во время церемонии прощания на кладбище: выступил Герман Алексеевич и сказал фразу, которую я запомнил дословно: «Террористы прислали нам «чёрную метку», мы принимаем этот вызов!». Это его подлинные слова. Большинство населения тогда впервые увидело, кто в ФСБ отвечает за борьбу с терроризмом.

Позже, когда на Николо-Архангельском кладбище открывали памятник всем бойцам спецназа, погибшим при исполнении служебных обязанностей, он также присутствовал при этом. Памятник был создан по инициативе Героя Советского Союза *Геннадия Николаевича Зайцева*. Он нашел скульптора, сумел организовать бизнесменов. Памятник похож на беломраморную часовню с православным крестом, позади которого на каменной глыбе выбиты литеры **«А»** и **«В».**

Первым выступил Герман Алексеевич, потом Г. Н. Зайцев, президент Ассоциации ветеранов «Альфы» *Сергей Алексеевич Гончаров*, начальник штаба ЦСН *А. И. Миренко*. На открытие собралось много народа — ветераны, действующие сотрудники. Кажется, это было последнее публичное выступление Германа Алексеевича.

«Независимое военное обозрение» сообщило, что 21 декабря 2000 г. «Президент России Владимир Путин в ходе церемонии награждения в Кремле военнослужащих за проявленные ими героизм и мужество на Северном Кавказе подтвердил решимость российского руководства довести антитеррористическую операцию в Чечне до конца и восстановить там законность и порядок».

Германа Алексеевича Угрюмова не было на награждении в Кремле, хотя, прямо скажем, «повод был»: ему Президент России должен был лично приколоть на грудь Золотую Звезду Героя России. Но он не мог оставить без контроля подготовленную спецоперацию в Урус-Мартановском районе (близ селения Рошни-Чу, где был уничтожен 21 боевик), которая закончилась уничтожением полевого командира Асланбека Дидиева и всей его банды (25 декабря). Герой героем, а война — по распорядку!..

18 декабря был убит Ширвани Басаев, а чуть раньше служба Угрюмова получила из достоверных источников сведения, что в Чечне «под ружьём» находятся от 1,5 до 2 тысяч боевиков и ещё 1,5–3 тысячи скрываются на территории «дружественной» Грузии. Вдобавок произошла кадровая замена: командующего ОГВ на Северном Кавказе генерал-лейтенанта Валерия Баранова сменил генерал-лейтенант Владимир Булгаков. Начальник ГШ Вооружённых сил РФ генерал армии Анатолий Квашнин заявил о переходе к новому этапу контртеррористической операции в Чечне, в котором главная задача — обеспечение нормальной жизнедеятельности и безопасности жителей Чечни.

Словом, не до Москвы, не до наград — даже если это высшая награда Родины. Существует ответственная мужская работа, которая не признаёт выходных и праздничных дней…

Есть смысл привести одно из редких интервью Германа Угрюмова, данное им корреспонденту газеты «Известия» *Евгению Крутикову*. Называется оно «Все теракты будут раскрыты».

Заместитель директора ФСБ, руководитель 2-го департамента (по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом) дал интервью «Известиям» сразу же после того, как вернулся из последней командировки в Чечню. В относительно небольшом кабинете российский герб, портрет Владимира Путина на стене,

на столе потёртый ноутбук и множество моделей парусных судов — от крошечных до двухметрового в углу кабинета. Сказывается прошлое — вице-адмирал Угрюмов работал начальником управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту, а затем заместителем начальника Управления военной контрразведки, где опять же курировал ВМФ. Сейчас в его оперативном подчинении находится Центр специального назначения ФСБ, куда входят знаменитые «Альфа» и «Вымпел», и он лично отвечает в ФСБ за контртеррористическую операцию на Северном Кавказе.

— Герман Алексеевич, так убили Ширвани Басаева или нет?

(Пауза. Постепенно расплывается в улыбке.)

— Пусть это его брат подтвердит. Так будет правильнее. Я в похоронах не участвовал, и потому мне сложно судить.

— А по взрывам в Москве есть подвижки?

— На данный момент нет ни одного крупного террористического акта, по которому не были бы установлены все основные исполнители. А часть расследуемых уголовных дел уже направлена в суд.

— Установлены, но не задержаны?

— По некоторым и задержаны. По взрывам жилых домов в Москве — Французов и Магаяев задержаны, остальные в розыске, при подготовке взрыва во Владикавказе задержаны Игорь Мирошкин и Николай Епрынцев (русские, ставшие ваххабитами), по взрыву дома на улице Пархоменко в Махачкале Муртазалиев и Алиев уже осуждены на пожизненное заключение, по взрывам на вокзалах в Невинномысске и Пятигорске задержаны Куребеда и Муханин, осуждена террористическая группа, готовившая взрывы в Пятигорске. По сути дела, все теракты уже раскрыты. А задержание всех исполнителей — уже другая часть операции.

— Давайте вернемся к Чечне.

— Боевики попытались перехватить инициативу, и, естественно, мы в ответ тоже активизировали свои действия.

— А как они перехватили инициативу? Ведь линии фронта больше нет, применяется только партизанская тактика.

— Начали вновь проводить серии терактов, потом перебрасывать группы по тридцать человек в равнинную часть Чечни, стараются выйти из горной зоны. Чеченский участок работы ФСБ в основном лежит именно на нашем 2-м департаменте, и я должен сказать, что уровень работы сейчас совсем иной, нежели был в первую кампанию. Подход даже совсем иной. Удаётся работать на упреждение акций боевиков. Это не только теракты, но и учащающиеся попытки боевиков выйти с горной зоны на равнину. С одной стороны горы вроде бы защищают, но всё же в них очень трудно передвигаться и воевать.

Противник привык действовать конспиративно, скрытно, а упреждающая информация даёт возможность действовать на опережение. И есть основания считать, что в ближайшее время у боевиков возникнут проблемы с руководством.

— Значит, операция по захвату или уничтожению лидеров боевиков всё-таки проводится?

— Ну, так скажем: чтобы не допустить их активности. Война есть война, не мы её начали. Это они вторглись в Дагестан с оружием в руках. Наше терпение и так было почти безграничным. Пытались и быть лояльными к определенной категории лиц, пытались не замечать, но затем всё это вышло из-под контроля. Наше терпение расценивалось как слабость федеральной стороны, вызывало агрессивность, наглые требования. Сейчас можно по-разному относиться к кандидатурам, которые выбрал федеральный центр (я имею в виду Ахмада Кадырова, Беслана Гантемирова и других), но они чётко определили свою позицию по отношению к ваххабитам. Они открыто размежевались с бандитами и с оружием в руках доказали свою позицию. Я считаю, что сам факт того, что такое размежевание произошло, — главная победа.

Люди, которые ушли в горы с оружием в руках, уже больше ничего не умеют, кроме как убивать. У них уже сформировался за эти годы определенный образ жизни. Они уже забыли, как это — работать. Слово такое забыли. И они вынуждены будоражащими действиями, агрессией (против соседних республик, например) поддерживать свой образ жизни. Да необходимо оправдывать и деньги, поступающие из-за рубежа по тем программам, которые предусматривают общее изменение исламского мира. Мне кажется, что деньги — в принципе первопричина нестабильности в некоторых конфликтных точках. Там, где идёт война, легче торговать оружием, легче прокладывать маршруты трафика наркотиков (в Афганистане, например, наркотики — это государственная система обогащения, практически единственная статья бюджета), а это — сверхприбыли. В Чечне, кстати, за сто долларов человек способен подписать любой документ. Были случаи, когда человек по шесть-семь раз «вступал» в незаконные вооружённые формирования, получал сто долларов и автомат, затем продавал автомат (дополнительная прибыль) и уезжал из этого района. Есть мощные тейпы, которые запретили своим юношам вступать в незаконные вооружённые формирования.

— Правда, что за мирное взятие Гудермеса один офицер получил Героя России?

— Правда.

— Переговоры о сдаче Гудермеса велись с братьями

Ямадаевыми?

— Не думаю, что есть необходимость называть конкретные фамилии. Кстати, сейчас очень сильно обсуждается (правда, в основном людьми, никогда там не бывавшими) вопрос о создании отрядов самообороны, чеченской милиции. Обсуждать это можно сколько угодно, но когда сам в этой шкуре побываешь, то видишь, что без помощи местного населения ничего не сделаешь. Есть же разница, когда колонна идёт, просто ощетинившись со всех сторон, или когда на броне сидят чеченские милиционеры. В Чечне ведь очень сильна кровная месть. И боевик, который собирается напасть на колонну, прежде чем выстрелить, триста раз подумает, в кого попадёт его пуля и перед кем на следующий день придётся отвечать. А отношения с местным населением — очень сложный вопрос… Вот как вы думаете, при имеющейся системе военной контрразведки мы или командование можем не знать о том, что творится в каждом конкретном подразделении?

— Вряд ли.

— Так что если бы существовали эти так называемые «летучие отряды» в масках, которым приписывают террор против мирного населения, мы бы об этом знали. В то же время я однозначно подтверждаю: есть сложности, есть взаимное недоверие и есть на войне ситуации, в которых любое движение воспринимается как агрессия. Но жизнь всё равно будет там налаживаться, и мне кажется, что сейчас фаза активных боевых действий должна перейти в фазу восстановления. По моему глубокому убеждению, всё это произойдёт буквально в ближайшие месяцы. Понимаете, когда люди уже начинают говорить о возможных выборах президента, срок полномочий которого истекает, о возможных политических силах, всё это свидетельствует о постепенном восстановлении нормальной политической жизни.

Кстати, контртеррористические операции — это не только Чечня. Можно вспомнить Васильевский спуск — освобождение автобуса с южнокорейскими туристами, захваченными в заложники, или, например, недавнюю операцию в Лазаревском. Я благодарен журналистам за понимание сложной специфики нашей работы. Важно словом, фразой в эфире или на страницах газет не навредить тем, кто рискует жизнью ради освобождения людей.

«Известия», 17 декабря 2000 г.

Руслан Михайлович Арешидзе:

Когда ему присвоили звание Героя России, он приехал к нам домой — не могу сказать, чтоб шибко сияющий или довольный:

выглядел таким, каким бывал всегда. Это была пятница или суббота — не упомню. Характерно для него, что ни банкета не устроил, ни грудь не выпятил и вообще не изменился никак: каким был Германом, таким и остался. Подчинённые его об этом Указе президента были оповещены в рабочем порядке, а сам он к этой теме больше никогда не возвращался. Нельзя сказать, чтобы он был не рад или не горд званием Героя, но оно его ничуть не испортило.

Ну вот, приехал он ко мне домой, сели за стол, поговорили о текущих делах — как всегда, когда он приезжал. Потом:

— Руслан, сказать тебе приятное? — Он любил начинать с этих слов.

— Скажи, если и вправду что-то приятное.

Немного горделиво:

— Руслан, ты знаешь, что Путин на меня подписал Указ?

— Какой ещё Указ?!

— На Героя России.

Я обнял его, поцеловал, коньяк на стол поставил, закуску. Потом спрашиваю:

— А ты сам-то Указ этот читал?

— Нет, в глаза ещё не видел, но знаю точно, что он подписан. Ладно, подробности потом. Давай рассказывай, как живёте…

— Герман, да какой там — «как живёте»?! Давай за тебя!

Подняли тост за него: Герой есть Герой!.. В моём близком окружении это единственный Герой России…

Я всегда плохо представлял масштабность его дел: это не моё — борьба с терроризмом. Когда я произнёс тост в его честь, он шутливо отмахнулся:

— Ну, ты же знал, наверное, что я умный и героический…

— Слушай, Герман, а Указ-то будет опубликован в печати?

— Вот этого не знаю. Может быть, и закрытым будет.

Потом уже, много позже, приехал ко мне, показывает этот «закрытый» Указ президента:

— На, читай. А то думаю — вдруг ты не поверил…

Баграт Рафаэлович Князчан:

20 декабря был издан секретный Указ о присвоении Герману Алексеевичу звания Героя России, а 7 января я пригласил всех «каспийцев» и его, разумеется, к себе домой на хаш. Хаш — это и по-армянски, и по-азербайджански, и по-грузински, и по-турецки — горячий холодец. Герман Алексеевич его очень любил, ещё с Каспия. Говяжьи ножки всю ночь варятся, а потом, когда к утру получается жидкая клейкая масса, — с чесночком, с приправами!.. Это надо пробовать. Настоящие «хашисты» едят

хаш руками — корочкой хлеба, лепёшкой. Герман был настоящий «хашист». Мне хотелось создать такой объединяющий ностальгический момент, когда мы были моложе, когда существовала великая страна, когда народы были поистине братскими…

Глава 11
ВРАГИ ГЕРМАНА УГРЮМОВА

Да, я жалею, что не знал России
и что ранее не искал её дружбы.
Имам Шамиль

16 января 1995 года в газете «Нью-Йорк таймс» *Виллиам Софайр* поместил статью с красноречивым названием «Балтийские страны принадлежат НАТО». В статье есть примечательная фраза, касающаяся нашего «предмета»: **«Чечня необходима США. Война в Чечне делает слабой Россию, и всё, что делает слабой Россию, идёт на пользу США».**

Тут, как говорится, уже не до дипломатии, когда на виду у всех тебе под ноги небрежно бросают перчатку — как будто сплёвывают… Поднимем. Ответим. Не заметить — себя не уважать.

Директор ФСБ России Николай Платонович Патрушев:

Недавно Федеральная служба безопасности предала гласности имеющиеся в ее распоряжении данные о подрывном характере деятельности на территории Российской Федерации и стран СНГ организаций, созданных экстремистским крылом международного исламского объединения «Братья-мусульмане». Следует отметить, что экстремистские подразделения «Братьев-мусульман» функционируют более чем в 50 странах мира под руководством центров, расположенных на территории ближневосточных и европейских государств. Структуры, созданные их эмиссарами, выявлены в 49 регионах России. Руководители экстремистов координируют свою деятельность с террористическими группировками «Аль-Гамаа аль-Исламия», «Аль-Джихад аль-Ислами», известным международным террористом Усамой бен Ладеном, боснийскими боевиками и используют благотворительность в качестве прикрытия для распространения идей воинствующего ислама.

Анализ материалов показывает, что основной целью экстремистов в России и странах СНГ является разжигание сепаратистских настроений в регионах с компактным

проживанием мусульманского населения и создание на этом пространстве государственных образований исламского типа в составе так называемого «Великого исламского Халифата».

Установлено, что значительная часть полученных из-за рубежа финансовых средств идёт на вербовку сторонников, проникновение во властные структуры, детальное изучение и анализ военно-географического, социально-политического и экономического положения в странах СНГ, для разработки планов последующей экспансии, вплоть до военной. Подтверждением этому служит факт вторжения экстремистов с территории Чечни в Дагестан, события в самой Чечне, а также документальные материалы, полученные российскими спецслужбами с конца 1999 г.

В обход официальных духовных управлений зарубежные эмиссары экстремистов наладили механизм отправки российских граждан на обучение в зарубежные исламские центры Саудовской Аравии, Пакистана и других стран. Там в течение 5–7 лет студенты подвергаются активной идеологической обработке и возвращаются в Россию фанатичными воинствующими приверженцами идей исламского фундаментализма.

VIP-журнал «Политика», № 43, 2000 г.

Из официальных сообщений ЦОС ФСБ РФ

…ФСБ России располагает достоверной информацией о подготовке специалистов минно-взрывного дела для вооружённых международных террористов, воюющих на территории Чеченской Республики.

Одной из структур, негласно осуществляющих такого рода деятельность на территории Российской Федерации, является международная неправительственная организация «HALO-TRUST», созданная в Великобритании в конце 80-х годов в качестве благотворительной некоммерческой организации со штаб-квартирой в Лондоне. Её основной задачей, согласно уставу, является оказание помощи в проведении работ по разминированию территории стран, пострадавших от вооружённых конфликтов. Организация располагает сетью филиалов в Анголе, Камбодже, Афганистане и странах СНГ.

Финансирование деятельности «HALO-TRUST» осуществляется в том числе Министерством международного развития Великобритании, Госдепартаментом США, правительственными органами Германии, Канады, Европейским союзом и частными лицами.

В поле зрения российских органов госбезопасности данная организация попала в 1998 г. в связи с получением данных о

проведении сотрудниками её абхазского филиала (подданными Великобритании Чарли Эммсом, Николасом Ноббсом и гражданином Зимбабве Томасом Диббом) разведывательно-подрывной деятельности против России на территории Чечни.

При поддержке А. Масхадова и руководства чеченской так называемой Службы национальной безопасности, начиная с 1997 г. представители «HALO-TRUST» прибывали на территорию Чечни без соответствующего разрешения российских властей. Данная организация не зарегистрирована на территории России; в обход официальных российских властей был открыт филиал «HALO-TRUST» в Чечне, сотрудники которого прибывали в Россию под прикрытием двух коммерческих организаций, скрывая свои истинные цели. Под видом организации работ по разминированию территории республики ими были организованы курсы по подготовке специалистов минно-взрывного дела, проведена полномасштабная топографическая разведка всей территории Чечни с привязкой населённых пунктов к натовской системе координат.

Представители «HALO-TRUST» занимались сбором разведданных военно-политического характера, в этих целях поддерживали тесные контакты с чеченскими лидерами (З. Яндарбиевым, А. Масхадовым), СНБ и влиятельными полевыми командирами (Р. Гелаев, Б.-А. Исмаилов), создали разветвлённую сеть из числа местных жителей. Контрабандным путём через государственную границу Российской Федерации «HALO-TRUST» были организованы поставки специальной техники, средств связи и имущества военного назначения для боевиков НВФ.

В ноябре 1999 г. на контролируемой НВФ территории, в населённом пункте Старый Ачхой, находилась группа сотрудников «HALO-TRUST» численностью до 15 человек. Руководство их деятельностью осуществлялось сотрудниками филиала «HALO-TRUST» в Абхазии. Имеются данные, что большинство из них причастны к различным военным ведомствам Великобритании, а руководитель — Мэтью Мидлмис — является кадровым военным разведчиком.

В частности, данная группа осуществляла сбор, описание и классификацию фрагментов вооружения и боеприпасов, используемых федеральными войсками. Получаемая информация после соответствующей обработки направлялась в один из офисов в Шотландию.

ФСБ располагает данными о деятельности в России и странах СНГ организаций, созданных международным исламским объединением «Братья-мусульмане».

Автор: Доктор *Абдулла бин Ахмед бин Аль-Зейд* из Королевства Саудовской Аравии так наставляет верующих мусульман: «Что же касается закята (пожертвований), то это та часть, которая берётся у богатых и отдаётся бедным и нуждающимся. Это один из замечательных принципов ислама, согласно которому обеспечивается солидарность общества и сочувствие в отношениях между его членами.

В соответствии с этим принципом каждый бедный имеет право на долю богатого без снисхождения и не из милости» (Обучение молитве. Эр-Рияд, 1417 год Хиджры). Слово «нуждающимся», правда, не несёт никакого точного определения. Чеченские террористы всё время нуждались в деньгах и пополнении арсеналов — можно ли их, в рамках заповедей Ислама, причислить к «нуждающимся»?.. Оказывается, можно!..

Романтизированный образ погибшей в автокатастрофе леди Дианы у нас, в России, благодаря многочисленным сочувственным публикациям, радио- и телепередачам, журналисты сумели поднять на такую *культовую* высоту, что выше — только причисление к лику святых. Меж тем полковник в отставке Службы внешней разведки России (СВР) *Александр Юрьевич Дроздов* в одном из интервью упоминает о «якобы неправительственной, некоммерческой и благотворительной организации «HALO-TRUST» со штаб-квартирой в Лондоне, специализировавшейся под лучезарной улыбкой покойной леди Дианы на минно-подрывных операциях против России», активную деятельность которой (организации) сотрудники ФСБ, работающие в Чечне, прикрыли в августе 2000 г. *(«Литературная Россия», № 40, 2000 г., стр. 4*). Симпатичный патрон-покровитель был у «Хэйло-Траста»!..

И плачут глупые русские бабы о безвременной кончине принцессы Дианы, глядя в «русский» телевизор, просят Господа Иисуса Христа принять в царствие небесное её белоснежную ангельскую душу, а потом, пролив искреннюю слезу по ней, идут на кладбище к сыночку, убитому или замученному в Чечне, или разорванному в клочья миной, посланной в Чечню той самой б… ю, оплаканной только что русской матерью — знать не знавшей, что она молила Господа за царствие небесное душе убийцы её родного сына.

Да когда ж ты проснёшься, РОССИЯ?!!

Когда ж проснёшься ты, русский человек?..

Вчитайся хотя бы в эти строки из чеченского «Майн кампф». (Цитата из книги *«Наша борьба, или Повстанческая армия Имама». Киев, 1997 г.)*

Магомед Тагаев:

«У нас только два выхода. Или чужая армия с чужими порядками, или своя со своими законами на своей земле. Мы не собираемся ждать, пока русские соберут Курултай народов Дагестана от России. Мы никем не уполномочены заявлять, что в своей борьбе готовы на всё, даже если ценой этому будет вся планета. Но нам также никто не может закрыть рот и запретить думать и говорить то, что мы считаем необходимым.

Мы не намерены дольше терпеть от империи всевозможные сходы закупленных людей, некоторых народов и наций, взявших на себя роль представителя всех дагестанских народов с согласия империи.

России как национального государства никогда не было, поэтому идёт нормальный процесс обретения завоёванными народами самостоятельности, независимости своей земли, родины. Естественно, Россия останется в пределах только исторической Московии, Тверской и Новгородской области.

…Воспользоваться моментом, пока у руля находится слабоумный чиновник *(Б. Н. Ельцин.* — В. М.*),* и срубить этому деревянному слону ноги топором.

Война, которую русское воинство развяжет на Кавказе, легко перекинется или будет перенесена армией Имама на русские провинции — Вологду или Череповец, Архангельск, Мурманск, Мончегорск, Рыбинск, Ярославль, Кострому, Рязань, Курск, Орёл и так далее. И, конечно, Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург. Ведь нам умереть всё равно где — что здесь, что там…

Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперёк, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке. Мы создадим немногочисленные отряды особого назначения, не более трёх, обученных и подготовленных в специальных лагерях мюридов. Хорошо обученные и мобильные для ведения малых войн, эти отряды будут в состоянии поднять угнетённые татарские народы, народы Южного Урала, Сибири и Дальнего Востока в нашей борьбе против империи.

Мы постараемся увеличить цифру убитых русских, воюя на русской территории с мирным населением; во-вторых, на нашей стороне Всевышний; ну и, в-третьих, нам терять нечего.

Все на войну с империей. Все на войну с русскими!..

У нас достаточно людей, которые умеют думать и знают, как расквасить нос военной разведке и другим карательным органам империи.

И ни о каких интересах русских на Северном Кавказе речи не может идти. Нас просто тошнит до рвоты, когда мы слышим о том, что Кисловодск и кавказские Минеральные Воды являются

исконно русскими здравницами и курортами. О чём здесь можно говорить, о каком мирном решении вопроса?! Здесь только один выход — мечом и огнём сжечь всё дотла и дорезать, кто остался жив, чтобы ни один не уполз, кто не успел уйти за очерченные нами границы в установленный срок.

Такова должна быть позиция каждого кавказца, войти в его кровь и плоть, должна быть приоритетной во всех направлениях нашей деятельности и жизни.

Смерть русским захватчикам и оккупантам. Смерть, смерть и ещё раз смерть!!!»

Автор: **У**же пленённый имам Дагестана и Чечни Шамиль, неплохо знавший нравы своих подданных, проживавший в роскошной резиденции в Калуге с огромной семьёй и прислугой, решил для замаливания грехов совершить второй по счёту хадж в Мекку (где смерть его и застанет), но тут грянуло очередное чеченское восстание на Кавказе. Российские власти обратились к старому воину и влиятельному духовному лицу за консультацией**: что** делать? Шамиль хладнокровно ответил: «Рэзать надо!». Других способов урегулирования конфликта не предложил.

Чеченский календарь

Встать, суд идёт! Притихший на мгновение зал заскрипел, поднялся — и уставился на человека с «отъехавшим» взглядом, сидящего в клетке за пуленепробиваемым стеклом. Специально к процессу ему разрешили отпустить небольшую растительность вместо неопрятной бороды, сопровождавшей его ранее по жизни. И чёрные очки в пол-лица навсегда остались в Чечне. Видимо, бойцы «Альфы», осуществлявшие захват «Титаника», раздавили их по недосмотру. Бывает.

Так получилось, что в начале столетия Россия оказалась на переднем крае борьбы с этим злом, а её народу пришлось заплатить высокую цену, чтобы ликвидировать базу международного террористического подполья, обосновавшуюся на Северном Кавказе.

И вот — суд. Открытый, гласный. Вместе с Радуевым сидят, ожидая выступления государственного обвинителя и показаний многочисленных свидетелей, лидеры террористов. Живые и мёртвые. Никто не забыт, ничто не забыто.

Защитник публике хорошо известен. Кузнец по фамилии, сын Адама и правозащитник по зарплате *(для недогадливых — Сергей*

Адамович Ковалёв. — В. М.*)*. Орден при нём — тот, который вручил ему генерал-президент «свободной Ичкерии».

Представитель польской газеты, специально приехавший из Кракова в Москву, говорит на ухо корреспондентке канала НТВ Елене Масюк:

— Они боролись за свободу и независимость своего народа, против русской колониальной политики на Северном Кавказе. Csi pani mnie rozumie?

Разумеет, разумеет пани. Ей ли не понимать…

Прокурор начинает зачитывать пункты обвинения:

— геноцид русского населения Чечни и жителей казачьих станиц после захвата власти сепаратистами в октябре 1991 года;

— финансовые аферы посредством фальшивых авизо;

— кража нефти из «трубы» и изготовление полукустарного бензина с последующей реализацией его на российском рынке;

— незаконный оборот огнестрельного оружия;

— контрабанда наркотиков;

— торговля живым товаром — рабами, изощрённые пытки и издевательства над пленными;

— угон скота с сопредельных территорий;

— разбой и бандитизм на территории Северного Кавказа и в других регионах России, в том числе угон автотранспорта;

— взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске, террористические акты на рынках и в людных местах по всей территории этого огнеопасного региона;

— вооружённая агрессия против Дагестана.

Таково лицо «чеченского сопротивления». Запад давил на кремлёвское руководство, брал на испуг, принуждая сесть за стол переговоров с бандитами и убийцами. Однако повторная капитуляция не состоялась. Владимир Путин выстоял, и теперь «цивилизованное общество», поставившее себя в крайне невыгодное положение, вынуждено вносить коррективы в жёсткую позицию и играть отходной марш. Но господа русофобы по собственному желанию, в здравом уме и твердой памяти оказались в одной компании с террористами и маньяками.

Встать, суд идёт!

Генерал Джохар Дудаев, первый президент Чечни. До этого командир авиационной дивизии, дислоцированной в Эстонии. Был призван на роль племенного мессии группой националистов и в качестве главы Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) в начале октября 1991 г. захватил в Грозном власть. Именно он ответственен за геноцид русских и казаков, проживавших на территории Чечено-Ингушской АССР. Война

«подарила» ему огромную недвижимость в Литве, Турции, Арабских Эмиратах и в самопровозглашённой Турецкой республике Северного Кипра. Борьба за независимость оказалась прибыльным делом. Уничтожен в 1996 году, и по одной из версий — своими же соратниками в борьбе за власть…

По другой версии, смерть Дудаева на счету российской стороны, использовавшей данные перехвата. Как известно, задачи космической разведки выполняют спутники серии «Космос» и «Целина-2», находящиеся на геостационарной орбите. Стоило только Дудаеву подключиться к терминалу спутниковой связи — и его местонахождение было сразу же точно определено. По наводке космического разведчика генерал-президента поразила авиационная ракета.

Встать, суд идёт!

Зелимхан Яндарбиев, второй по счёту президент Чечни. В советское время работал заместителем главного редактора журнала «Весёлые картинки». Для мужчины-чеченца должность, надо сказать, унизительная.

В 1991 году «Картинки» пошли почище детских. Яндарбиев принимал активное участие в захвате власти и проведении этнических чисток.

17 апреля 1993 г. указом Дудаева этот мрачный шизофреник был назначен и.о. вице-президента Чечни, занимался идеологическими вопросами. Один из главных представителей ваххабизма в республике. Агент влияния Саудовской Аравии в регионе. По данным МВД, занимался похищениями людей. В середине января 1995 г. Яндарбиев руководил обороной центра Грозного. Сейчас отдыхает в одной из арабских стран на деньги, выданные ему на «сопротивление русской экспансии» — 35 миллионов долларов.

Встать, суд идёт!

Аслан Масхадов, третий президент Чечни. Бывший полковник Советской Армии.

Аслан Масхадов несёт полную уголовную и моральную ответственность за превращение территории Чечни в «свободную зону» криминального разбоя и базу международного террористического подполья. За организацию вооружённого мятежа Генеральной прокуратурой 18 февраля 2000 г. ему было заочно предъявлено обвинение по ст. 279 Уголовного кодекса России. Он объявлен в федеральный и международный розыск.

Встать, суд идёт!

Шамиль Басаев. Родился 14 января 1965 г. До 1970 г. проживал в селе Дышни-Ведено, затем в станице Ермоловская. Принадлежит к тейпу Ялхорой. С 1983 г. работал разнорабочим. Три раза поступал на юридический факультет МГУ, но не проходил по конкурсу.

С 1986 г. Басаев жил в Москве, где поступил в Институт инженеров землеустройства. Его занятия по компьютерной технике вёл преподаватель Константин Боровой. Занимался спортом, имел 1-й разряд по футболу. В 1988 г. был отчислен из института «за академическую неуспеваемость». На волне перестройки занялся коммерцией. Задолжав крупную сумму денег, в том числе своим соплеменникам, вернулся в Чечню.

Мало кому известно, что в 1989/91 гг. будущий «террорист № 1» находился в Стамбуле, где учился в Исламском институте. Здесь об академической неуспеваемости и речи не было — другая «наука»…

В июне 1991 г. Басаев добровольно вошёл в состав боевой группы «Ведено», занимавшейся охраной зданий, где проходили съезды Конфедерации горских народов и Общенационального конгресса чеченского народа. По собственному признанию, самостоятельно изучил теорию военного дела «по российским учебникам».

Во время путча находился в Москве, защищая Белый дом: «Я знал, что если победит ГКЧП, на независимости Чечни можно ставить крест…». Интересно, Руслан Хасбулатов подтвердит этот факт или смолчит? Хороши были защитники у российской демократии!

Автор: Здесь Шамиль Басаев полностью солидарен с Дудаевым, который 7 октября 1993 г. направил Борису Ельцину письмо, в коем говорится: «Правительство Чеченской Республики одобряет Ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве, имевшего своей целью захватить власть в России и потопить в крови демократию, возродить в стране исторически изжившую себя систему. Реакции, пытающейся взять реванш, нанесён серьёзный удар, однако не исключены возможности новых вылазок. Поэтому желаем Вам и Вашим сторонникам решительности и стойкости в закреплении достигнутого успеха, последовательности в осуществлении курса демократических реформ».

5 октября 1991 г. Басаев оказался в гуще «чеченской революции». В составе банды Руслана Шамаева, которая называлась «специальным подразделением», он принимал участие в захвате здания УКГБ по Чечено-Ингушетии.

В ноябре 1991 г., в знак протеста против введения в республике чрезвычайного положения, Басаев организовал вместе с двумя террористами угон российского самолёта из аэропорта Минеральные Воды в Турцию, чем заслужил полное доверие Дудаева и руководства ОКЧН.

Вернувшись домой, Басаев создал диверсионно-разведывательную группу для «защиты свободы и интересов ЧРИ и её президента». Был в Карабахе, воевал на стороне Азербайджана (конец 1991-го — начало 1992 г.). В ходе грузино-абхазского конфликта командовал войсками Конфедерации народов Кавказа.

В июле 1994 г. «абхазский батальон» вёл в Грозном бои с группировкой Руслана Лабазанова. Формирование Басаева также сыграло свою роль во время неудачной попытки штурма чеченской столицы отрядами оппозиции. Басаев считался одним из наиболее близких соратников первого чеченского президента. Личный состав «абхазского батальона» осуществлял охрану Дудаева.

К началу войны с Россией под командованием Басаева находилось около двух тысяч человек. После разгрома в Ведено батальон насчитывал 200–300 человек. Они-то и составили костяк отряда, который 14 июня 1995 г. начал проведение террористической акции в Будённовске, в результате которой были убиты более ста мирных жителей, в числе которых были и беременные женщины, — такова доблесть «чеченского Робин Гуда» *(именно так окрестил бандита «правозащитник» Сергей Ковалёв. —* В. М.*)*.

После этого рейда Басаев стал «национальным героем». (*НТВ радостно оповестило телезрителей: «В Чечне дети играют в Шамиля Басаева. В эти дни много новорожденных мужского пола получают имя — Шамиль». —* В. М.*)*. Личность он, конечно, неординарная, но славой своей «террорист № 1» обязан в первую очередь бывшему премьеру Черномырдину, который не дал специальным подразделениям ФСК довести операцию до конца — как предлагали командиры «Альфы» и «Веги», а также демократической российской прессе.

21 июля 1995 г. Басаеву «за особые заслуги перед Отечеством, проявленные мужество, самопожертвенность по отражению российской агрессии» приказом Дудаева было присвоено звание бригадного генерала (досрочно).

(Дмитрий Корчинский, активный деятель УНА-УНСО, затем лидер украинской националистической партии «Братство», известный своими тёплыми отношениями с лидерами чеченских боевиков, в августе 1999 года выпустил заявление, в котором

вторжение ваххабитов на территорию Дагестана назвал «правозащитной акцией в защиту свободы совести». Украинские «братки» объявили, что их партия начинает кампанию по присуждению Шамилю Басаеву Нобелевской премии мира. То ли не добрали нужного количества голосов, то ли нобелевский комитет посчитал, что для России хватит и одного одиозного лауреата — М. С. Горбачёва… — В. М.)

В декабре 1995 года он был одним из руководителей штурма Грозного. На президентских выборах 1996 года выставил свою кандидатуру (в паре с Вахой Ибрагимовым) и получил 23,7 % голосов. В феврале 1997 года на учредительном съезде «Партии свободы» стал её почётным председателем.

Попробовал Басаев себя и в качестве чиновника. В апреле 1997 г. он стал заместителем председателя правительства Чечни. Ему было поручено курировать «промышленный блок». И это в республике, где промышленность разрушена полностью. Руководство это означало на самом деле контроль за «трубой» — добычей и изготовлением полукустарного бензина.

10 июля 1997 года наступил кризис во взаимоотношениях с президентом Масхадовым, и Басаев подаёт в отставку — «по состоянию здоровья». Однако здоровье скоро пошло на поправку, что отразилось на занимаемых Басаевым «государственных» постах: в начале 1998 г. «умиротворённый» Масхадов поручил своему врагу сформировать новое правительство. Брат, Ширвани Басаев, стал руководителем Госкомитета ЧРИ по топливу и энергетике, то есть семья Басаевых полностью поставила под контроль нефтяной бизнес, убрав с дороги дудаевских выдвиженцев и функционеров старой нефтяной мафии, представленной тейпами Мялхи и Орстхой-цечой.

Летом 1999 г. удача отвернулась от профессионального террориста, возомнившего о своей исключительности. Вторжение в Дагестан стало переломным моментом. 10 августа Басаев официально возглавил «вооружённые силы исламской шуры». На него возложили обязанности «военного амира объединёнными силами моджахедов Дагестана на период полного изгнания кафиров со священной дагестанской земли».

Вторжение в Дагестан стало началом конца, приведшего Басаева на минное поле, когда зимой 2000 года он вместе с толпой боевиков пытался вырваться из окружённого федеральными войсками Грозного. Но смерть не пришла за ним в тот день. Это было бы очень просто, даже гуманно. Мучения физические — ему ампутировали ногу — ничто по сравнению с душевной гангреной. На глазах у террориста Россия вновь утверждается на Северном Кавказе. Дело, которому он отдал всю

свою сознательную жизнь, проиграно.

Встать, суд идёт!

Там, где Басаев, там и **Хаттаб**, он же **Чёрный Араб** и **Ахмед однорукий.** При расправах Хаттаб предпочитает использовать холодное оружие. Он испытывает наслаждение, отрезая убитым носы и уши, снимая скальпы. 12 августа 1996 года его боевики окружили здание, в котором оборонялась сотня милиционеров-завгаевцев. Им предложили сложить оружие, пообещав сохранить жизнь. Как только чеченцы вышли из своей маленькой крепости и сложили оружие, хаттабовцы отрезали им головы.

В октябре 1999 года сотрудниками ФСБ был задержан переводчик Хаттаба. У него был изъят компьютер с уникальными файлами. Вот только один эпизод. Хаттаб со своими боевиками остановился возле подбитого российского БТРа. Его бойцы вытащили оттуда раненого солдата. Аббас достал нож, хладнокровно вырезал печень у ещё живого человека и, слегка обжарив на разведённом огне, съел. Какой тут «чистый Ислам»?! Человек ли он вообще?..

Хаттаб погиб, вскрыв обработанное ядом письмо. Он так и не стал шахидом — мучеником за веру, а погиб в бандитской разборке, спровоцированной ФСБ. «Братья-мусульмане» уличили Черного Араба в присвоении огромных денежных средств, поступавших на борьбу с «неверными». Рассмотрев персональное дело моджахеда Эмира Хаттаба, финансисты международного джихада вынесли ему окончательный приговор.

Встать, суд идёт!

Мовлади Удугов, именуемый «чеченским Геббельсом». Информационный диверсант, организатор виртуального агентства «Кавказ-Центр». Одно время был вице-премьером правительства Чечни. Во многом благодаря этому законченному наркоману террористы выиграли первую информационную войну. Впрочем, сделать это было несложно: вся либеральная и демократическая пресса, радио и телевидение (особенно канал НТВ) ежедневно тиражировали удуговскую дезинформацию, отравляя ею общественное сознание.

Свою «общественную» карьеру г-н Удугов, являющийся, кстати, лидером партии «Исламский порядок», начал с того, что в конце 80-х ходил и предлагал доверчивым пенсионерам, живущим в Грозном, оформить льготную подписку на «Библиотечку «Огонька» и на сам популярный тогда журнал. Жулика схватили за руку и отправили за решётку. Подоспевшая «чеченская революция» открыла для «патриота либеральной прессы» прямо-таки фантастические возможности: весь мир

можно было пугать ужасами и преступлениями, совершаемыми в Чечне российской армией.

Встать, суд идёт!

Ваха Арсанов. Выходец из горского тейпа Чеберлой. В прошлом — капитан ГАИ. В 1991 г. стал депутатом местного парламента, один из руководителей Комиссии по торговле нефтепродуктами, то есть человек, допущенный к «трубе». С декабря 1994 г. — полевой командир. К 1996 г. — командующий Северо-Западным направлением. В 1997 г. стал вице-президентом Чечни.

Руслан Гелаев. Уроженец села Комсомольское. В 1992–1993 гг. воевал в Абхазии, командовал «президентским» полком спецназа. Руководил налётом на Грозный в марте 1996 года. В январе 1998 г. был назначен министром обороны ЧРИ. Во время второй чеченской кампании упорно оборонялся в своём родовом гнезде, а потом ушёл, бросив членов своей банды на произвол судьбы и федеральных войск. *(По отзыву президента Грузии Э. Шеварднадзе, который принимал у себя Гелаева, объявленного Россией в федеральный розыск, «никакой это не бандит, это образованный и умный человек». —* В. М.*)*

Хункерпаша Исрапилов. Полевой командир, диверсант из «непримиримых». Участвовал в абхазском конфликте. Был ранен во время операции в Первомайском. В его «сферу влияния» входил обширный район от Аргуна до Герзель-аула и Хасавюрта. Указом президента Масхадова в 1997 г. был назначен главой «Антитеррористического центра». Подумать только, и террористы борются с терроризмом!..

Зимой 2000 г. Исрапилов вместе со многими боевиками и командирами оказался дичью в ходе «Охоты на волков» — операции, проведённой генералом Шамановым. Сепаратисты, которых удалось хитростью выманить на минное поле, кинулись в расставленный капкан. Среди тех, кто побежал на запад, были Басаев, Хункерпаша Исрапилов, Лечи Дудаев (племянник первого чеченского президента), Асланбек Большой и Турпалпаша Атгериев. Когда под их ногами начали рваться мины, было уже поздно — сзади напирала тысячная толпа. В результате этой операции «чехи» потеряли более пятисот убитыми только в Алхан-Кале и по пути к ней из Грозного.

Абу Мовсаев. Один из самых известных (в том числе своей жестокостью) в Чечне полевых командиров. При Дудаеве возглавлял Департамент госбезопасности, который называл

«чеченским гестапо». Убит в ходе операции спецназа ГРУ.

Лечи Хултыгов. Директор Национальной службы безопасности. Убит в бандитской разборке, когда сторонники Радуева, проводившие митинг у здания телецентра в Грозном, попытались выйти в прямой эфир и потребовать отставки «запятнавшего себя связями с Москвой» президента. Боевикам удалось ворваться в здание, где они, разоружив немногочисленную охрану, учинили погром.

Масхадов попытался образумить погромщиков и отправил к ним на переговоры Хултыгова. Но договориться с ним не удалось. В завязавшейся перестрелке начальника штаба радуевской банды **Ваха Джафаров** («полковник», организатор террористического акта в Пятигорске весной 1997 г.) застрелил директора НСБ, но сам погиб от пуль его охраны.

Турпал-Али Атгериев. Уроженец села Аллерой. Бывший сотрудник 21-й роты ГАИ г. Грозного. Во время боевых действий был командиром Новогрозненского полка, который вместе с Радуевым участвовал в кизлярских и первомайских событиях.

(**Автор:** Продолжу по тексту того же издания — «Спецназ России», но уже более позднего выпуска — № 9, 2002, когда в екатеринбургской колонии № 2 строгого режима Атгериев, получивший 15-летний срок заключения в колонии строгого режима, скончался от рака крови 18 августа 2002 г.).

Впервые широкая общественность узнала о нём в 1996 г., когда боевики Салмана Радуева ворвались в Кизляр, захватили больницу и согнали туда три тысячи человек. В качестве платы за освобождение заложников террористы потребовали вывести российские войска из Чечни. Закончилась операция кровопролитным боем у посёлка Первомайский, в результате которого часть боевиков вырвалась из «плотного» окружения и скрылась на территории мятежной республики.

Весной 1999 года, когда власть Масхадова зашаталась под напором «ястребов», президент Ичкерии объединил все спецслужбы в единое министерство безопасности, а во главе его поставил всё того же Атгериева. В этом качестве тот и отправился в Москву — «укреплять связи с российскими коллегами». На самом деле цель его визита была более чем прозрачна: сбор средств в помощь боевикам, выколачивание дани с коммерческих структур. 16 июня «мытарь» был задержан в аэропорту «Внуково» сотрудниками ГУБОПа МВД России.

Сразу же после ареста тогдашний премьер *Сергей Степашин*

заявил журналистам, что Атгериева отпустят. Так и случилось. /…/

Во время второй чеченской кампании Турпал-Али представлял интересы Масхадова, пытаясь вести переговоры с Москвой. Газета «Время новостей» даёт такую версию его задержания:

«По словам человека, хорошо знавшего Атгериева, последний часто приезжал на границу с Дагестаном, где встречался с весьма высокопоставленными людьми. В частности, с замдиректора ФСБ РФ Германом Угрюмовым. В конце октября 2000 г. полевого командира посетили двое его хороших знакомых (бизнесмены-чеченцы, занимающиеся бизнесом в Москве), предложили прибыть на очередную беседу с г-ном Угрюмовым. Люди, встречавшие чеченцев на границе, объяснили, что вице-адмирал не смог прибыть, и предложили подождать его в ведомственном санатории ФСБ в Махачкале. По словам нашего собеседника, там Атгериеву выделили шикарный номер, в котором он и остался переночевать, положив рядом с собой пистолет. Когда полевой командир утром проснулся, оружия уже не было, а рядом сидели два спецназовца, переправившие вице-премьера 28 октября в СИЗО «Лефортово».

Иса Астемиров. Один из организаторов обороны Грозного во вторую кампанию на Северном Кавказе, вице-премьер в правительстве Масхадова. Он стал первым чеченским «генералом», убитым в ходе антитеррористической операции.

Астемиров, отряд которого пытался сдержать наступление федеральных сил на Грозный, был смертельно ранен в конце 2000 г.

Братья Арсанукаевы. Руководители Чеченской Национальной гвардии. Её отряды были сформированы летом 1991 г. Первая операция гвардейцев — захват в ночь с 29-го на 30 августа здания телевидения, радио, Совета министров Чечено-Ингушской республики.

Изначально гвардейцы набирались из безработных выходцев горных районов. Деньги на оружие поступали из теневой экономики, во главе отрядов становились представители влиятельных тейпов, связанных с нелегальными торговцами нефтепродуктами.

В феврале 1995 г. один из братьев, Абу, возглавил «особый отдел» при правительстве Ичкерии, в задачи которого входила борьба с федеральными спецслужбами и сторонниками России из числа местных жителей.

Руслан Хайхороев Родился в 1963 г. в высокогорном селе Бамут. Рабочий совхоза. Руководил обороной села, превращённого в укреплённый район, и налётом на аэродром «Беслан». Участвовал в боях за Грозный.

Люди, знавшие Хайхороева, характеризуют его как патологически жестокого человека. Именно он отрезал голову русскому воину-пограничнику *Евгению Родионову*, который под страхом смерти отказался снять с себя православный крест и принять чужую веру. Русская Православная Церковь причислила *Евгения Родионова* к лику святых. Его мучитель был убит своими же бандитами.

«Спецназ России», № 12, 2000 г. и № 5, 2002 г.

Вадим Удманцев:

В начале октября 2000 г. многие средства массовой информации разнесли весть о том, что подразделением федеральных сил в ходе разведывательно-поисковой операции в Шатойском районе убит двоюродный брат «вице-президента Ичкерии» Вахи Арсанова — известный полевой командир Бауди Бакуев. Тело убитого боевика и его личные вещи были доставлены в Ханкалу, а командующий Объединённой группировкой войск на Северном Кавказе генерал-лейтенант Валерий Баранов представил журналистам пистолет Бакуева, отделанный золотом и бриллиантами, а также «смертный» жетон бандита. Ещё на прошлой войне этот террорист сблизился с Басаевым и Хаттабом. На его совести похищения бывшего представителя президента РФ в Чечне Валентина Власова, генерала Геннадия Шпигуна, других российских и иностранных граждан. В период второй чеченской кампании 34-летний Бакуев командовал «северо-западным фронтом», затем руководил боевиками в Старопромысловском районе Грозного, а в последующие месяцы его банда орудовала в Шатойском и Итум-Калинском районах Чечни.

«Независимое военное обозрение», № 46, 2000 г.

Гибель «Шер-хана»

Ширвани Басаев, младший брат известного террориста Шамиля Басаева, погиб от ран, полученных в результате спецоперации в минувшие выходные. Похоронен он был практически сразу в Веденском районе. Незадолго до этого Ширвани уже был ранен в другой стычке, после чего долго лечился, но не очень успешно. *(Прискорбно, но и центральные газеты с богатыми традициями в дем. России превратились в подобие «МК-бульвара»: ранен* ***незадолго,*** *а лечился* ***долго****. Свихнуться можно!..* — В. М.*)* Через некоторое время поступило подтверждение из аппарата помощника президента России Сергея Ястржембского. Но и в этой структуре, целиком и полностью владеющей информацией о происходящих в Чечне событиях, «Известиям» смогли сообщить лишь то, что Ширвани Басаев действительно был уничтожен в результате спецоперации подразделения федеральных сил.

«Известия», 19 декабря 2000 г.

«Тракториста» в поле не пустили

Действия *Салаутдина Темирбулатова* по кличке *Тракторист* согласно обвинению подпадают под 38 (тридцать восемь!) статей Уголовного кодекса РФ. Главное из них — участие в казни российских военнослужащих. Прокурор акцентировал внимание на том, что, судя по должности полковника Темирбулатова и самому сценарию кровавой оргии, Тракторист был не просто её участником, а организатором и вдохновителем.

Именно за это преступление прокурор потребовал высшей меры наказания с конфискацией имущества.

Журналист Милрад Фатуллаев:

Более пяти часов во вторник *(25 декабря 2001 г.* — В. М.) в Верховном суде Дагестана зачитывался приговор по делу Салмана Радуева и его сообщников. В полной тишине монотонным голосом судья Багужа Унжолов сначала зачитал описательную часть приговора по главному обвиняемому, Радуев признан виновным по всем статьям обвинения — в нападении на Кизляр, незаконном лишении свободы людей, захвате в плен пензенских омоновцев, похищении оружия, организации бандформирований. Признание его виновным в убийстве с особой жестокостью

вызвало у Радуева возмущение, так как на протяжении всего процесса он неустанно твердил, что не только никого не убивал, но и не отдавал подобных приказов и, напротив, старался не допустить жертв среди мирных жителей. «Зато вы командовали убийствами, что ещё хуже», — прервал начавшуюся было полемику с Радуевым глава группы обвинения, генеральный прокурор РФ Владимир Устинов.

Почти полчаса суд зачитывал эпизоды совершения теракта на железнодорожном вокзале в Пятигорске, в котором Радуев также признан виновным, а именно — организатором преступления. Таким образом, признав командира рейда на Кизляр виновным по всем выдвинутым против него обвинениям, суд вынес ему высшую меру наказания — пожизненное заключение с отбыванием в исправительной колонии особого режима, что и требовал Устинов. /…/

Автор: Случайное совпадение или это Божий промысел, но в тот же день, далеко от Махачкалы, военный суд ТОФа во Владивостоке приговорил к четырём годам лишения свободы с отбытием срока в колонии строгого режима и лишении воинского звания «капитана 2-го ранга» Григория Пасько. Его адвокат Анатолий Пышкин тут же заявил журналистам, что позиция обвинения была «основана на фальсифицированных ФСБ данных». ФСБ, устами *А. А. Здановича*, ответила, что считает приговор «абсолютно справедливым».

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

Комплексный подход к решению оперативных задач, о котором я говорил, неосуществим без профессионально воспитанных кадров. Любому офицеру, который со временем достигает должного профессионального уровня, от начальника требуется лишь «добро». А задача руководителя — обеспечить своих людей присутствием сил, материально-технических, боевых и прочих средств, назначить человека на операцию и утвердить ее. Дальше оперативник может действовать сам.

Говорить о Германе Алексеевиче как о разработчике конкретных операций (убили такого-то полевого командира) — значит принижать его роль. Ибо его задача — организовать систему уничтожения бандитов вообще. Ради этого он в Чечне и находился. Скажу немного шире: его задача — приведение в движение государственной машины, ее резервов, ее ресурсов на выполнение задач, поставленных Президентом. Известна старая расхожая истина: мельник не видит всей воды, которая течёт через его мельницу.

Мужество генерала отличается от мужества солдата. Оно не в том, что он не кланяется пулям, оно — в принятии решения. Если взять во внимание все составляющие, как это будет выглядеть, то ни одно решение в принципе принять невозможно. В этом разница между командиром и специалистом. Специалист — этот тот человек, который не сможет принять решение никогда, поскольку, пока он ищет ответ на один вопрос, тут же возникают несколько вопросов сопутствующих, — и он должен их решать до бесконечности. Командир же — это тот человек, который обязан принять решение, не имея порой никакой информации. Грамотный командир — это тот, кто умеет организовать систему для получения информации, её обработки и реализации. Моя последняя фраза — это «портрет» адмирала Угрюмова.

Смерть «Терминатора»

Во вторник, 19 июня 2001 г., три вертолёта сбросили десант на разных окраинах Алхан-Калы. Одновременно к селу подошла бронетехника, и к вечеру «вотчина» Бараева была плотно блокирована.

В ходе операции поэтапно перекрывались все подходы к отдельным частям села. Задерживались все мужчины от 15 до 60 лет, которых отвозили на «Уралах» в комендатуру села и тщательно проверяли на предмет причастности к бандитам. Как свидетельствует опыт, во время «зачисток» многие успевают уйти огородами. Поэтому на этот раз уже проверенные улицы «зачищались» повторно.

За все шесть дней зачистки в селе не прекращались перестрелки между отрядами Арби Бараева и федеральными подразделениями. В небе постоянно барражировали боевые вертолёты.

Через три-четыре дня после начала операции «Терминатор» получил множественные ранения и контузию. Оказать медицинскую помощь ему не могли. Тогда нукеры поместили Бараева в укрытие, которое находилось в разрушенном ракетой доме. Раненого спрятали под грудой кирпича. Здесь его и обнаружили российские военные. К этому моменту брошенный пёс был мёртв.

…По самой приблизительной оценке, Бараев замешан в сотнях похищений людей, в том числе чеченцев. Выбраться живыми удавалось далеко не всем. В его бандитском послужном списке похищение полпреда России в Чечне Валентина Власова, за освобождение которого «Терминатор» требовал 11 миллионов

долларов (но получил, как утверждают, половину), сына первого заместителя вице-премьера Северной Осетии Каргинова, главы представительства комиссара ООН по делам беженцев в Северной Осетии гражданина Франции Коштеля, российских и иностранных журналистов.

На счету Бараева и похищение английских инженеров Питера Кеннеди, Даррена Хики, Рудольфа Пейчи и новозеландца Стенли Шо. Не в добрый час они приехали в Чечню, чтобы монтировать оборудование для сепаратистов. Их отрубленные головы были подброшены на обочину трассы «Кавказ». «Терминатору» не удалось получить за них выкуп, и тогда он принял радикальное решение.

Кадры с головами обошли весь мир. Покровители чеченского «освободительного» движения были шокированы. Все эти годы, начиная с прихода к власти Дудаева, когда сепаратисты грабили, насиловали и убивали русских (в первую очередь) в Чечне, «правозащитники» молчали, предпочитая обходить стороной эту тему. Убийство иностранных заложников выбило их из привычной колеи. Надо было как-то реагировать, что-то говорить по этому вопиющему факту.

И тогда родилась занятная версия: Бараев — агент Москвы, чуть ли не сотрудник спецслужб. Он выполняет специальные задания, попутно дискредитируя «чеченское сопротивление». То «благородного» Гелаева подставит, то ещё что сотворит. Часть российской прессы подхватила эту сенсационную информацию и стала её повсюду тиражировать.

Насколько можно судить, автор этой дезинформации — Масхадов. Он, кстати, как никто другой, был заинтересован в нейтрализации не только своего личного врага, покушавшегося на его жизнь, но и откровенного бандита, дискредитирующего саму идею. Возможностей расправиться с Бараевым — тот перешёл в подчинение к Хаттабу — у «президента Ичкерии» не было. Оставалось одно: через либеральную прессу распускать слухи о связях «Терминатора» с ФСБ.

Александр Александрович Зданович:

Когда журналисты пишут о том, что Бараев, дескать, не скрываясь, проживал в своем родовом селе, намекая на известный анекдот о «неуловимом Джо», — это не очень красивая подножка по отношению к спецслужбам. Сама ситуация в Чечне никогда не была простой, и выбрать оптимальнейшее решение, я вам скажу, всегда было очень непросто. В обычной-то жизни мы порой не всегда можем выбрать правильное решение, а уж когда вопрос стоит о выборе правильного решения в боевой задаче — тут

вариантов много. В подавляющем случае Герман Алексеевич решения принимал адекватные… По крайней мере, в тот период, когда я находился рядом с ним.

То, что произошло в Алхан-Кале, или, как мы говорим, в Ермоловской, уничтожение Бараева, — всё это было задумано и утверждено Германом Алексеевичем. Он задумал операцию, утвердил её план и много сделал для его реализации. Но — умер. Операция завершилась без него.

Глава 12
Сердце адмирала

…Пускай же каждый взыскует посмертной лучшей славы — хвалы живущих, какую при жизни заслужить он может.

Бэда Достопочтенный. Морестранник. (673–735 гг.)

В своё время пошатнулось что-то в датском королевстве, а в демократической России — хуже того… На смерть Героя различные СМИ отозвались по-разному. Газета «Спецназ России», сняв другой подготовленный материал, поставила в номер очерк *Павла Евдокимова* «Судьба Героя». Приведём его в сокращении, не убоясь некоторых повторов.

«Герман Угрюмов стал вторым офицером высшего командного состава, у которого на этой войне не выдержало сердце. Первым был командующий группировкой морской пехоты в Чечне 53-летний генерал-майор Александр Отраковский, умерший в Ведено в марте 2000 года.

Теперь новая смерть… Последние два-три месяца ходили слухи, что Герман Угрюмов может стать первым заместителем директора ФСБ.

Родился Герман Алексеевич через три года после окончания войны в семье фронтовика. После школы работал на судоремонтном заводе. В 1972 году окончил Каспийское высшее военно-морское училище. Службу проходил на Каспии, был командиром корабля.

Уже в ином качестве, «на берегу», он по-прежнему оставался моряком — и не только по званию, которое свидетельствовало о его флотском «происхождении»; он буквально болел морем. Его кабинет на Лубянке украшали флаги, модели кораблей и

фотографии. Капитанская рубка, одним словом.

«Он… всю жизнь любил море и был связан с морем. И даже когда стал сотрудником КГБ, всё равно был связан с морем», — скажет о нём во время церемонии прощания директор ФСБ Николай Патрушев.

Его имя стало известно широкой общественности во время суда над сотрудником газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» капитаном 2-го ранга Григорием Пасько. Тот был арестован в ноябре 1997 года по обвинению в государственной измене в форме шпионажа. На защиту «эколога» в погонах были мобилизованы крупные силы западных и наших правозащитников, подключена пресса.

…Он честно выполнил свой профессиональный долг, не побоялся мощного давления со стороны «демократической общественности». Его решительность была оценена Владимиром Путиным. В 1998 году Герман Алексеевич был назначен заместителем начальника Управления военной контрразведки, куратором флота.

Следующая ступень — заместитель директора ФСБ, руководитель Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Операция в Дагестане и Чечне стала его боевым крещением. Угрюмов лично отвечал за работу спецслужб на Северном Кавказе. В его оперативном подчинении находился Центр специального назначения ФСБ, в который на правах управлений входят знаменитые группы «Альфа» и «Вымпел».

Да, он недолго «отвечал» за Чечню. Но даже за этот срок Герман Алексеевич сумел сделать очень многое для разгрома банд и ликвидации отдельных чеченских полевых командиров. То, что без боя был взят Гудермес, — это его несомненная заслуга. По имеющейся информации, именно Угрюмов убедил тогдашнего муфтия, а ныне главу Чечни Ахмада Кадырова и связанных с ним полевых командиров открыть фронт и пропустить наступающие российские войска. Нужно ли говорить, сколько жизней было сохранено в результате этого соглашения.

Под его началом сотрудники «Альфы» провели блестящую операцию и захватили Салмана Радуева. Захватили красиво — выманили дудаевского зятька в посёлок Новогрозненский и взяли прямо в постели у любовницы.

За Гудермес, за штурм Грозного и за поимку Радуева (и за другие специальные операции на территории Дагестана и Чечни) Герман Угрюмов получил Звезду Героя.

Через месяц он возглавил Региональный оперативный штаб по проведению контртеррористической операции в Чечне. Причём утверждён он был 21 января в ходе памятного совещания

президента Путина с силовиками.

Помимо чисто военных дел в ведении Германа Угрюмова оказались вопросы передачи силовых полномочий от МВД и армии контрразведке, вывода отдельных частей и взаимодействия с гражданской администрацией. Фактически именно в его руках были сосредоточены все рычаги управления.

По словам главы правительства Чечни Станислава Ильясова, Герман Угрюмов был «мощным, энергичным, подвижным и даже несколько резковатым человеком». В четверг рано утром он, как обычно, пришёл в свой маленький, наспех переделанный кабинет на военной базе в Ханкале.

«Я позвонил ему часов в восемь, чтобы посоветоваться о некоторых вопросах финансирования, — рассказывает Станислав Ильясов. — Герман Алексеевич пообещал решить всё к завтрашнему дню. Назначил мне встречу, и вдруг — такая потеря…».

Было 31 мая. Обычный рабочий день.

«За час до его смерти, — вспоминает заместитель полпреда Президента России в Южном округе *Николай Бритвин*, — мы обсуждали, как будем принимать делегацию иностранных журналистов. Мы, гражданские руководители, во многих вопросах подчинялись ему. Главное, что за полгода успел сделать Герман Угрюмов — это сорвать амбициозные планы террористов по захвату городов, проведению контрнаступлений и широкомасштабных диверсий. Это ведь при нём были здорово «почищены» полевые командиры среднего звена».

Около двух часов ему стало плохо. Военные врачи тут же были на месте, но — поздно. Не выдержало сердце. В тот же день тело адмирала отправили в военный госпиталь в Моздок.

5 июня в Культурном центре ФСБ на Лубянке (бывший Клуб имени Дзержинского) прощались с адмиралом Угрюмовым.

Нескончаемая вереница людей. Венки, алые гвоздики в руках…

Отдать дань уважения Герману Угрюмову прибыл Президент.

Церемония прощания продлилась три часа, после чего состоялось отпевание в Елоховском кафедральном соборе.

Среди тех, кто пришёл на кладбище — директор ФСБ Николай Патрушев, командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал Валерий Баранов, Беслан Гантемиров, бывший мэр Грозного Супьян Махачев и главы чеченских администраций, специально приехавшие в Москву по этому печальному поводу.

«В Чечне мы потеряли уже многих, — сказал Супьян Махачев, знакомый с адмиралом с первых дней боёв за Грозный. — И это

тяжёлые потери. Угрюмов знал республику лучше многих чеченцев и делал для неё всё возможное».

Неудивительно, что первая горсть земли, которую товарищи бросили в могилу, была чеченской».

Автор: Слова *Николая Бритвина* уже после смерти славного адмирала многие средства массовой информации неоднократно пытались «косвенно» опровергнуть, тем самым — бросить тень на работу спецслужб на территории Чечни и на самого Германа Угрюмова — руководителя контртеррористической операции. Однако в июле, всего через полтора месяца после смерти Германа Алексеевича, тем же спецслужбам стало известно, что Аслан Масхадов провёл специальное совещание, *«единственной темой которого стали участившиеся случаи гибели полевых командиров высшего звена. Распространённая недавно видеозапись выступления Хаттаба также содержала слова: «…Они едут с Ханкалы и нас мочат». И, наконец, буквально на днях источниками сепаратистов распространён приказ Масхадова «О мерах безопасности и противодействии спецподразделениям и службам противника». В нём, в частности, отмечается, что «из-за халатности и личной беспечности, недооценки противника… некоторые командиры, члены правительства попадали в засады, героически погибли в неравной схватке или захвачены в плен». («Независимая газета», 7 сентября 2001 г., Илья Максаков.)*

Этот же корреспондент пишет, что «*российские спецслужбы иногда организуют «слив» своей информации через некоторые СМИ, но насколько она является полной, они, естественно, не уточняют. В любом случае точно известно, что за два минувших года ликвидированы такие действительно известные полевые командиры, как Хункерпаша Исрапилов, Асламбек Исмаилов, Леча Дудаев, Абу Мовсаев, Иса Астемиров, Буди Бакуев, Абу Умар, Арби Бараев, Магомед Цагараев.*

…Список задержанных главарей боевиков, конечно же, надо начинать с Салмана Радуева, суд над которым начнётся в ближайшие дни в дагестанском Каспийске. Вместе с ним сядут на скамью подсудимых один из ближайших соратников Аслана Масхадова и участник радуевского рейда на Кизляр Турпал-Али Атгериев, а также ещё один «видный масхадовец» Асланбек Алхазаров».

* * *

…На боевом посту скончался Герой России, человек

«негромкой» профессии, жизнь которого можно определить двумя словами: защитник Отечества. Но где труп — там и вороньё! Как же без него?.. Гадко на душе, но и пройти мимо нельзя. Да и для истории это не будет безразлично.

Газета *«Stringer»* (июль, 2001 г.). К моменту подписания номера в печать, кажется, не прошли ещё и сороковины…

Предупредительный выстрел

(Угрюмов и Баранов собирались сдать Грозный боевикам?)

(**Автор:** Первое и последнее спасибо автору статьи и его заказчику за поставленный знак вопроса в подзаголовке. За всё остальное — при личной встрече…).

«Летальный исход.

31 мая 2001 года руководитель контртеррористической операции в Чечне, замдиректора ФСБ России вице-адмирал Герман Угрюмов рано утром вошёл в свой кабинет на военной базе в Ханкале.

До часу дня Герман Алексеевич отвечал на телефонные звонки. Поговорил с председателем правительства Чечни Станиславом Ильясовым и заместителем полпреда Президента России в Южном округе Николаем Бритвиным.

В 13.00 в кабинет вице-адмирала вошёл человек в штатском. Герман Алексеевич попросил ни с кем его не соединять. Примерно через полчаса человек покинул кабинет Угрюмова, а спустя 15–20 минут за дверью прогремел выстрел.

Военные врачи, дежурившие у кабинета *(?!* — В. М.*)*, буквально сразу же вошли к Угрюмову и констатировали смерть адмирала от… инсульта. Тело в тот же день отправили в военный госпиталь Моздока, а оттуда на самолёте в Москву.

Хоронили Германа Угрюмова как Героя России со всеми почестями. Называли бывшего главу регионального штаба по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе настоящим чекистом и бескомпромиссным офицером.

Из слов провожающих Угрюмова в последний путь следовало, что Герман Алексеевич срывал планы террористов по захвату городов, проведению контрнаступлений и широкомасштабных диверсий. Ему ставили в заслугу задержание Салмана Радуева и зачистку чеченских полевых командиров среднего звена.

Всё так. Однако справедливости ради стоит всё-таки отметить, что Герман Угрюмов возглавлял антитеррористический департамент ФСБ в ранге замдиректора с 1999 года и все эти годы диверсии не прекращались (достаточно вспомнить взрывы московских жилых домов).

Автор: Вынужден прерваться и процитировать специалиста по диверсиям — офицера спецподразделения «Вымпел» Эркебека Абдулаева — между прочим, ученика «дедушки советского спецназа», «бога диверсий» полковника *Ильи Григорьевича Старинова*: «Обозвав всех чеченцев ворами и бандитами, бравый министр обороны *(П. С. Грачёв.* — В. М.*)* сделал безответственное заявление о том, что Москва надёжно защищена от диверсантов и террористов. Господи, это же провокация! Город защитить невозможно! На учениях мы неоднократно демонстрировали это». *(В. В. Морозов. Россия: век уходящий глазами замечательных людей. М., 1999 г.*) Так что взрывы жилых домов — и не только в Москве! — вряд ли «достаточно вспомнить справедливости ради». Сын Германа Алексеевича Владислав свидетельствует: «Когда случились взрывы в Москве, в прессе и на НТВ прошла «информация» о причастности к этому спецслужб. Отец в то время был заместителем начальника Управления военной контрразведки — и уж не мог бы не знать об этом! Когда был взрыв в Печатниках — я помню, ночью нас разбудил телефонный звонок. Отец встал, вызвал машину из гаража. Мама спросила, что случилось. Он мрачно ответил: «Взорвали жилой дом в Печатниках». Больше ничего не стал объяснять и уехал на работу».

В январе 2002 г. писатели *В. Чикин, А. Проханов, Ст. Куняев, В. Бондаренко, Е. Исаев, М. Алексеев и В. Личутин* обратились с письмом в Государственную Думу.

«Уважаемые депутаты, на это обращение в ваш адрес нас побудила та нездоровая, двусмысленная атмосфера, которая сложилась в общественном сознании вокруг спецслужб. Институт государственной безопасности — не рядовой институт государства, сохранению и упрочению которого содействует любая власть. В условиях же нынешней, ослабленной России, незащищённого населения, массовых экономических злоупотреблений, когда злоумышленники стараются воспользоваться переходным периодом нашего развития, а враждебные России зарубежные силы хотят воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику страны, — в этих условиях нагрузка на спецслужбы резко возрастает. Аналитика, борьба с террором, отражение информационных атак, сражение с «пятой

колонной» коррупционеров — всё это требует высокого доверия общества к «органам». К этому следует добавить, что массовый приход в органы власти представителей спецслужб, принадлежность к ним самого Президента России делают «чекистов» объектом пристального общественного внимания».

Писатели возмущены публикациями в «Новой газете» отрывков из книги сбежавшего за рубеж Литвиненко *(за организованный телевизионный «накат» на спецслужбы он получил от «Берёзы» 1 миллион долларов, как сообщили источники в ФСБ)*, который вкупе с Березовским распространяет миф о причастности ФСБ к взрывам жилых домов в Москве и Волгодонске.

В середине марта «Независимая газета» набирает жирным шрифтом:

> Возня, затеянная Б. Березовским вокруг взрывов домов в Москве и Волгодонске в 1999 году, вступила в очередную фазу. Кассета с поделкой французских журналистов, называемая фильмом «Покушение на Россию», начала свою разрушительную работу. Пока в Россию завезено только 900 экземпляров фильма, но Березовский уже пригрозил завезти ещё миллион. Интересно, можно ли в США депутатам парламента обвинить собственные службы в терактах 11 сентября 2001 года? Такой версии, кстати, придерживается множество людей во всём мире.
>
> У нас — можно. Можно, в то время как в Чечне наши солдаты каждый день рискуют жизнью, а координация действий всех силовых структур возложена на ФСБ. Именно сейчас против ФСБ выдвигаются архитяжкие обвинения и звучат требования о создании специальной комиссии для расследования возможной причастности сотрудников ФСБ к взрывам домов. Ответ общества на это очередное покушение на Россию может быть только один: потребовать у власти проверить возможную причастность Юшенкова, Рыбакова, Новодворской и прочих активистов этой пропагандистской акции к деятельности Басаева, Хаттаба и других террористов.

В симпатиях названных господ к «ни в чём не повинным чеченцам» и нелюбви к России мало кто сомневается, но за симпатии и антипатии у нас срок не дают и депутатского статуса не лишают.

Но — далее. Газета *«Stringer»*.

«Не прекратились диверсии и похищения людей в Чечне и после того, как Угрюмов взял в свои руки руководство

Северокавказским контртеррористическим штабом. А лидеры чеченских боевиков по-прежнему живы и здоровы.

И всё-таки, несмотря ни на что, Угрюмов действительно долгое время был некоронованным королём Чечни. А в январе 2001 года, когда президент возложил руководство контртеррористической операцией на ФСБ, сняв эту почётную обязанность с Минобороны, адмирал вступил в свои полномочия официально.

Выходец из «особистов» (особые, или Первые, отделы существовали в Советской Армии для негласного контроля над военными и обладали широкой агентурой в офицерской среде, в начале 90-х были ликвидированы), Герман Угрюмов был направлен в Чечню не столько для борьбы с терроризмом, сколько для выяснения бизнес-контактов российских генералов с чеченскими боевиками. Направление это совпало с постановлением тогда ещё и. о. президента Путина об усилении роли ФСБ в армии и восстановлении особых отделов. *(Какое топорное и некрасивое жульничество — даже отороп*ь *берёт!* — В. М.*)*

Война — это бизнес. И ничего здесь не сделать. Чеченская война — в особенности.

Нефть по трубопроводу постоянно качается. Самогонные перерабатывающие мини-заводики исправно функционируют. Весь юг России сеет, пашет и собирает урожай на дешёвой чеченской солярке. Кто-то должен всё это контролировать?

К январю 2001 года Угрюмов, видимо, поставленную перед ним задачу решил. С момента, когда он возглавил Северокавказский антитеррористический штаб, ни одна копейка мимо Угрюмова не проходила. За ним было последнее слово в финансовых, хозяйственных и политических вопросах. Вся агентурная работа в Чечне замыкалась на Угрюмове. У него в руках были прямые неофициальные контакты с Басаевым, Хаттабом и Масхадовым.

Чтобы такой человек застрелился, в Чечне должно было произойти нечто экстраординарное».

Остальная часть очерка некоего Сергея С. посвящена «провальной» политике президента В. В. Путина на Северном Кавказе. Собственно, и весь очерк написан под флагом этой заданности. Уверен, что Владимир Путин это как-то переживёт. А вот за клевету на покойного автору рано или поздно придётся держать ответ — не перед людьми, так перед Господом. Пока же есть возможность ответить на два основных грязных намёка, прозвучавших в этом очерке.

Баграт Рафаэлович Князчан:

Ему как заместителю директора ФСБ предоставили служебную дачу — бывшую дачу Абакумова. Я ему говорю: «Герман, ты не тяни! Служебная дача — она и есть служебная. Уйдёшь со службы — тебе надо будет чаще бывать на природе. Пока молодой, пока есть силы — строй свою, бери участок!..» Куда там!.. Квартиру в Москве когда получил, сколько тянул с ремонтом: всё некогда да некогда. Для других всю жизнь строил, а себе… Я уж говорил: Герман, давай подключусь, сколочу бригаду строителей, ребята помогут. «Шеф, у меня семья неприхотливая, военная. Дай с Чечнёй разобраться, на пенсию выйти. Тогда и займусь».

В Чечне он миллионами ворочал, контролировал всё. До него все средства, брошенные туда, сквозь пальцы утекали, списывались гигантские суммы на восстановление разрушенного. Он навёл порядок. Все, кто был причастен к финансам, отчитывались перед ним. И при этом — хоть бы копейку к рукам прибрал!.. После смерти вскрыли его служебный сейф — «голый Вася»!..

Руслан Михайлович Арешидзе:

Я говорил ему, что, мол, пора тебе подумать, как обеспечить будущее семьи, он отвечал, что он и так человек обеспеченный — адмиральскую зарплату получает. «Руслан, государство меня поверх земли не бросит, похоронит обязательно». Не знал, конечно, что жене положат пенсию по его смерти аж в две тысячи рублей!.. Говорил ему: «Герман, ну хоть дачу-то купи себе». «Купить пока не на что, а служебная есть».

Полковник Сергей Алексеевич Гончаров, президент Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», депутат Московской городской думы:

…Как показывает российский опыт, в 90-х годах террористы обложили данью, так называемым «исламским налогом», бизнес многих этнических чеченцев в разных регионах страны. Только слепец или враг может критиковать спецслужбы за проведение агентурной работы среди тех же этнических криминальных сообществ, являющихся питательной средой для террористов.

«Спецназ России» № 2, 2003 г. Послесловие к «Норд-Осту»

Автор: Уже после смерти Германа Алексеевича в «Известиях» (от 12 марта 2002 г.) появилась статья с красноречивым заголовком: «Чечня перестала быть «чёрной дырой». Перестала она быть таковой не сразу — в марте 2002 года, этому предшествовала мощная целенаправленная работа определённых органов, вполне конкретных лиц — в том числе и Угрюмова. А

что эта «дыра» представляла собой до его назначения в Чечню — приведём выдержки из упомянутой статьи.

«За первую чеченскую кампанию из всех денег, выделенных на восстановление республики, по сообщениям СМИ, было разворовано 17 триллионов рублей. Чуть больше года назад глава Счётной палаты говорил, что ситуация в Чечне сложная и напоминает август 96-го года. Год назад Счётная палата подсчитала, что из денег, выделенных на восстановление Чечни в 2000 году, 27 миллионов рублей истрачено «нецелевым образом». Прокуратура Чечни возбудила 25 уголовных дел, но к ответственности никто привлечён не был».

Вот тогда-то и появился Герман Угрюмов, который начал «строить» лихоимцев в одну шеренгу…

А то, что триллионы рублей будут разворованы, вряд ли кто и сомневался. Когда 3 июня 1997 года на переговорах в Москве Мовлади Удугова с Иваном Рыбкиным — тогда секретарём Совета безопасности — было решено «рассмотреть возможность финансирования работ по восстановлению Чечни за счёт долгов Москве регионов и стран СНГ, кроме Украины» (решение согласовывалось с первым вице-премьером РФ министром финансов Анатолием Чубайсом), российская пресса практически единодушно заключила, что теперь опять заработает в полную мощь насос по перекачиванию денег в Чечню с территории России — кому-то это очень понадобилось. Например, *Андрей Багров*, корреспондент газеты «Коммерсант-Daily», в статье «Самофинансирование по-чеченски» (4 июня 1997 г.) так комментировал это «нетрадиционное решение» (определение И. Рыбкина): «Что касается долгов, которым уготована роль источника денег для Чечни, то на первый взгляд, Грозный получил мыльный пузырь. Действительно, если должники не платят долгов федеральному бюджету, то с какой радости они предпочтут платить чеченцам? Если речь идёт о выпуске чеченского вексельного займа, то вряд ли он будет встречен на финансовом рынке с распростёртыми объятиями. Если в проекте бартер — поставка в Чечню того, что не находит спроса в России, с зачётом долгов перед бюджетом, то против подобных действий, прямо нарушающих основные принципы не только бюджетной политики, но и денежного обращения, российский минфин активно и небезуспешно борется. Тем не менее Удугов настаивает именно на бартерной схеме, которую, по его словам, первым выдвинул федеральный министр по делам сотрудничества Амангельды Тулеев. Москва, похоже, будет утешаться тем, что бартер позволит избежать криминализации банковской системы за счёт неадресного использования денег, текущих в Чечню. *Тем*

не менее в бюджет возвращается чеченская «чёрная дыра» (выделено мной. — В. М.). Поставщики в Чечню, естественно, будут завышать свои стоимостные объёмы, так что простор для манёвра у желающих платить в федеральный бюджет через Чечню достаточно широк.

Но на самом деле интерес к поставкам в Чечню может иметь и специфическую природу. Чеченцы имеют общепризнанный опыт эффективного посредничества в решении проблем взыскания долгов в денежной или товарной форме*(«Красиво излагает, собака! Учитесь, Киса», — сказал бы Остап Бендер.* — В. М.*)*. И то, что Москва фактически выступает заказчиком подобных действий, которые к тому же явно противоречат принципам её финансовой политики, говорит не в пользу партнёров Удугова по вчерашним переговорам. Цену за сохранность чеченских нефтяных коммуникаций Москва платит немалую».

Активно поддержал эту идею соглашения Борис Березовский, сказав в своём выступлении, что теперь-то инвестиции на восстановление разрушенной Чечни потекут рекой. Видимо, «искренне заблуждался», чего с ним в финансовых аферах до той поры не случалось ни разу. Либо «река» выбрала другое русло…

Но сошлюсь еще на одного отнюдь не рядового свидетеля — бывшего пресс-секретаря президента России Б. Н. Ельцина *Павла Вощанова*, который рассказывает, **как** и при **каком уровне** попустительства эта «чёрная дыра» формировалась, можно сказать — рукотворно создавалась.

«Сегодня недоумевают: на какие деньги бандформирования ведут столь длительную и ожесточённую войну против регулярной армии огромного государства? Страшно сказать, но в том числе и на деньги россиян, чьи дети сегодня гибнут на Кавказе. Летом 1997 года (знаю об этом доподлинно) руководитель одной из российских спецслужб доложил президенту: зафиксирован факт передачи Березовским Басаеву большой суммы денег в валюте, целый чемодан. Предназначение не установлено, но можно сказать с уверенностью: это не выкуп заложников. И какова же была реакция главы государства? «Да-а-а… Свои деньги так просто не отдают…». И точка. Ни поручений, ни распоряжений. Потому что Россия для Ельцина — чужая, а Березовский — свой. Докладчик же вскоре был вышвырнут с государственной службы.

Ещё до начала чеченской войны было установлено: немалая помощь бандформированиям идёт от легальных бизнесменов, разбросанных по всей России, имеющих родственные связи с боевиками или симпатизирующих им. Еженедельно, каждую пятницу, в Чечню отправлялся курьер с собранными со всей

России деньгами. Об этом не раз докладывалось «верхам», но реакции не было никакой — банковские переводы в Чечню, несмотря на обострение отношений между Москвой и Грозным, осуществлялись на удивление чётко. Только в конце 1996 года министр внутренних дел А. Куликов попытался перекрыть этот финансовый кран. Но с этого и начались у него проблемы. Телеканалы наперебой принялись подавать его как «отмороженного мента», а в кремлёвских кабинетах заговорили о желательности его отставки».

«Деловой вторник», № 33 (газета «Трибуна» от 14 сентября 1999 г.)

Полковник Александр Юрьевич Д-ов:

Несмотря на множество реорганизаций КГБ — ФСБ, проведённых в последние годы и равносильных планово осуществлённой диверсии по подрыву дееспособности этих и других спецслужб, там ещё не перевелись аналитики, радеющие за интересы государства и его национальной безопасности. Об этом говорит, например, размещённый в Интернете «Аналитический обзор по вопросам снабжения незаконных бандформирований», подготовленный ФСБ в 1996 году. Документ содержит практически все конкретные источники пополнения ресурсов боевиков, от внутричеченских и внутрироссийских до международных.

Однако странно, что сформулированный Группой оперативного управления ФСБ России по Северному Кавказу магистральный вывод:**«Необходимо разработать комплекс контрразведывательных и административных мер, направленных на прекращение поставок материальных, финансовых и людских ресурсов»** — не был реализован в течение четырёх лет. /…/

Как свидетельствовали СМИ, службы МВД и ФСБ годами информировали высшее руководство обо всех основных ОПГ в Москве, детально указывая их происхождение (чеченская, азербайджанская, грузинская, армянская, афганская, вьетнамская, лаотянская, китайская и другие «мафии»), адреса штаб-квартир, объёмы товарооборота, контролируемые ими сферы банковского капитала и бизнеса, фамилии и клички главарей и т. д. И годами ни столичные власти, от ГУВД до Лужкова, ни федеральные не принимают никаких мер по пресечению их криминальной деятельности.

«Эксперты спецслужб о положении в Чечне», журнал «Диалог», № 7, 2000 г.

Александр Угрюмов, сын:

Когда он в последний раз прилетел домой из Чечни, усадил семью за стол и рассказал о девочке, которая за пропитание чистит солдатам обувь в Ханкале. Чеченка, сирота. Когда улетал в Москву, велел за нею присматривать, кормить. И сказал:

— Вернусь из Чечни совсем — заберу её с собой. Пусть ребёнок увидит ту жизнь, какой она должна быть. У нас есть возможность и обеспечить её всем, и воспитать.

Посмотрел выжидательно на меня, на маму — что мы скажем. Мама сразу ответила:

— Хорошо, Герман, вези девочку. Я тебя понимаю.

По-моему, он даже всплакнул тогда…

Олег Михайлович Дук-ов:

В мае 2001 г. группа сотрудников, в основном из руководящего состава, собиралась приехать в Дом-музей Сергея Есенина в Константиново. Герман Алексеевич не просто любил стихи, сам писал их. Есенин — один из любимых его поэтов. Когда он узнал об этом, загорелся тоже там побывать. Время экономил, поэтому позвонил мне:

— Олег, я прилечу на военный аэродром в Дягилево, а ты привези к тому моменту Татьяну Ивановну, мы с тобой встретим твоих гостей и поедем в Константиново. Я очень хочу побывать на родине Есенина!

Этот разговор состоялся у нас 28 мая, на другой день он подтвердил свою готовность прилететь. 30 мая в 12 часов дня я сам позвонил ему, чтобы выяснить, когда его встречать. Он ответил, что пока вылететь не может — занят, но — «тебе сообщат».

А мне нужно было поехать в Константиново, посмотреть, все ли у нас готово для встречи гостей. Помню, что у Германа Алексеевича во время разговора было прекрасное настроение, он собирался взять с собой своего сотрудника Володю Гайн-ова.

О смерти Германа Алексеевича узнал именно через Володю — он позвонил где-то через час после этого трагического события. Для меня это был, конечно, страшный удар.

Павел Анатольевич Евдокимов:

Незадолго до его смерти мы договорились, что в газете «Спецназ России» дадим материал о нём на всю полосу, с его портретом. Но вышло так, что материал получился посмертный. Для «демократических» журналистов писать о Германе Алексеевиче считалось дурным тоном — «душитель свободного слова»: Гришу Пасько довёл до тюремной скамейки. В какое

время мы живём, Господи!.. Для них Пасько, Радуев симпатичнее, чем человек, который их обезвредил. Как объяснить этот вывих сознания, что террорист вызывает больше симпатии, чем борец с терроризмом?..

Насколько мне представляется, Герман Алексеевич успел создать если не школу, то кадровый резерв, из которого сейчас и в дальнейшем будут черпаться кадры для борьбы с терроризмом. Вот поэтому и невосполнима утрата: он ушел, когда в ходе боевых действий, в ходе проведения спецопераций формировалось это ядро специалистов кадрового резерва. Ведь не секрет, что наши спецподразделения являются первыми в мире по имеющемуся уникальному опыту. Весь этот потенциал был в его распоряжении.

Александр Витальевич Лад-к:

Когда я узнал о его смерти, то не поверил — стал набирать его номер телефона в Ханкале… Десять лет я был рядом с ним, и ни разу он не пожаловался на сердце. Ногами маялся, хотя тоже помалкивал об этом, но о том, что сердце болит, не говорил ни разу.

Александр Угрюмов, сын:

В ночь с 30-го на 31 мая пошёл дождь, и у нас в квартире закапало с потолка. Никогда не было такого, а тут… Причем капало очень сильно. Я подставил вёдра, таз. Мама была на служебной даче в Архангельском. Я решил отвезти ей баночку сметаны. На подъезде к даче — звонок на сотовый телефон: звонит полковник Владимир Павлович Ан-ов, руководитель аппарата отца:

— Саша, ты где находишься?

— В Архангельском.

— Оставайся там, никуда не уезжай.

Берёт трубку Саша Лад-к — офицер по особо важным поручениям, он для нас как брат. Спрашиваю его:

— Саша, что-то серьезное случилось?

— Да. — И молчит.

— Известие с Кавказа?

— С Кавказа.

Честно говоря, я тогда не предположил, что случилось самое плохое. Мама же сразу всполошилась:

— Может, с отцом что?!

— Да нет, мама, папа вчера звонил мне на сотовый телефон, голос бодрый, говорил, что всё у него в порядке, — вру, конечно. Звонил он дня четыре назад. В последнее время часто произносил фразу: «Если меня не будет…». Говорил обычно: «Если что —

держитесь Руслана Михайловича».

Сидим на даче, как было сказано, ждём — чего, не знаем. Появляются Олег Иванович Пил-ов, Саша Лад-к, заместитель директора ФСБ по кадрам Евгений Николаевич Лов-ев, Аркадий Аркадьевич Дранец и две женщины в белых халатах. Подъехал Руслан Михайлович с женой, тётей Диной. Я понял всё и впал в какой-то ступор. Мама глазами спрашивает: что, что?! Саша Лад-к сказал:

— Татьяна Ивановна, Германа Алексеевича больше нет…

С мамой плохо. Хорошо, что врачи приехали — отпоили лекарствами.

Телевизор был включен, работал 1-й канал. Буквально через три-четыре минуты после того, как мы узнали о смерти отца, в программе новостей передали: «Сегодня в Чечне, в Ханкале, в 2 часа 40 минут скончался заместитель директора ФСБ вице-адмирал Герман Угрюмов…». Не знаю, что бы мы делали, если бы эту новость узнали по телевизору…

Ещё до приезда сотрудников и его друзей мне позвонил из Ханкалы адъютант отца, у которого он скончался на руках. Я радостно: «О, Артур, привет!». И он положил трубку — вроде связь прервалась. Он по моему голосу догадался, что мы пока ничего не знаем, и не захотел сделаться первым чёрным вестником…

В 17.30 31 мая самолет с телом отца должен был приземлиться на военном аэродроме во «Внуково-3», но он запаздывал: сначала не было вертолёта, потом погода в Чечне задурила. Позже мне рассказывали, что Андрей О-ко, референт отца, который был рядом с ним в последние минуты, взъярился и заорал, не контролируя себя: «Сейчас Батя встанет да как ввалит вам по полной программе — сразу и вертолёт найдётся, и погода установится!..».

Самолёт наконец приземлился. В нем лежал огромный чёрный мешок. До сих пор не верится, что в нем находилось тело отца… Крепкие парни из «Альфы» уложили мешок на носилки, я сунулся помочь, но меня отстранили: «Сын отца не хоронит!». Загрузили в санитарную машину, которую пригнали из ЦСН, и повезли в морг ФСБ, на Рублёвку.

У всех наблюдался какой-то стресс. Когда носилки пытались засунуть в санитарную машину, руки не проходили, словно отец упирался, не хотел в морг. Санитар хотел сдвинуть руки, но кто-то из спецназовцев подскочил к нему: «Не видишь, что ли, что он не хочет!..» Как о живом.

А последний день его был таким. С утра, как обычно, доклад. На завтрак он выпил чашечку кофе и съел сырок «Виола». В Чечне

они продукты не покупали, привозил свой человек из Махачкалы. Кофе заваривал и наливал Андрей О-ко. Потом до обеденного времени — обычная работа. Андрей доложил, что обед готов. Отец сказал: «Давайте с обедом чуточку подождём. Посидеть хочу на воздухе». Поставили стул на крылечке, он посидел какое-то время, встал, повернулся лицом к входу в вагончик — и вдруг, негромко сказав «Ой!», начал заваливаться на спину. Рядом стоял капитан 1-го ранга Гайн-ов, он и не дал ему упасть, подхватил.

Вот такой был «предупредительный выстрел», который якобы прозвучал в вагончике без присутствия свидетелей…

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

В четверг, 31 мая, напряжённой работы не было, грело солнышко, день ласковый. Операций не планировалось, период небольшого затишья, никаких острых чрезвычайных событий в тот день не произошло. Перед обедом ему потребовался какой-то документ для доклада директору ФСБ и правительству о чем-то, что имеет отношение к экономике Чечни. Пока я бегал и разыскивал документ, он сидел на скамеечке рядом со своим вагончиком. Подошёл и шифровальщик, Саша Кир-енко — мичман с Северного флота, принес очередную порцию документов. Я отдал Герману Алексеевичу требуемый документ, наклонился расписаться в журнале шифровальщика — и в ту же секунду заметил, как Герман Алексеевич валится на меня.

Из его вагончика выскочили два референта — Артур Б-н и Андрей О-ко. Мы, как сумели, расстегнули ворот, перенесли его на траву, кто-то притащил матрац… Мелкие детали я могу не помнить — не до того было. Я мог и заорать. И наверняка что-то орал, поскольку Артур с Андреем появились практически моментально. Я бегом рванул к штабу, начальник штаба Владимир Фёдорович Конд-ко мигом вызвал врачей из центра спецназначения. Дима Зв-ев, прекрасный врач, уже через минуту был рядом, прибежала реанимационная бригада. Они какое-то время пытались оживить его, делали всё возможное, но врачи не боги.

Я и без войны видел много смертей, было, что и умирали на руках. Но когда тащили его на траву, помню внутреннее чувство: это — всё… Он не мучился перед смертью, умер практически мгновенно. Такой смерти можно лишь позавидовать: на рабочем месте, на боевом посту, в хорошем настроении. Однажды он цитировал Ивана Сергеевича Аксакова:

Пусть приведёт меня дорога
Хоть до ничтожного итога

Случайной пользы на земле.

Итог его жизни не был ничтожным, а польза — случайной.

Александр Угрюмов, сын:

…Парни положили отца на траву. Стали делать искусственное дыхание, запускать сердце. Прибежал врач «Альфы» — майор под два метра ростом, сделал прямой укол адреналина или там кордиамина — не знаю! — в сердце. Приехала «неотложка». Через какое-то время сердце «завелось», но ненадолго. Врач констатировал смерть. Докторов заставили работать ещё. В общей сложности они пытались оживить отца больше полутора часов, потом врач-майор встал, поднял вверх руку и сказал: «Всё. Извините, ребята, медицина уже не поможет».

Автор: Не будет лишним напомнить, что скончался Герман Алексеевич от обширного инфаркта, а вскрытие показало, что до этого он пережил семь микроинфарктов. «Отчего люди умирают? От жизни», — подытожил В. М. Гайн-ов.

Пока врачи пытались вернуть адмирала к жизни, всё это время у адмиральского вагончика на коленях стоял боевой офицер, прошедший не одну «горячую точку» и повидавший немало смертей, и, плача, громко молился:

— Господи, если ты только есть, не дай ему умереть! Сохрани его, Господи! Оставь его живым!..

Этот крик отчаяния напомнил мне описание смерти в «Истории Эриванского полка» генерал-майора («храбрейшего из храбрых», как его называли) Николая Павловича Слепцова — командира 1-го Сунженского казачьего полка, погибшего в бою на Гехинских завалах 8 декабря 1850 года:

«Сражённого героя вынесли из сечи на бурке. Слепцов был ещё в памяти и спрашивал, взято ли неприятельское орудие. Ему отвечали, что нет ещё известий, но что завалы взяты… «Ну, и за то слава Богу!» — сказал он, крестясь. Ещё минута — и всё было кончено: Слепцов умер тихо и с твёрдою верою. Ни единого стона не вырвалось из его груди… Горе было всеобщим… Среди казаков эта потеря произвела ошеломляющее впечатление. Чтобы понять, как любили Слепцова на Сунже, достаточно было видеть, что там происходило, когда везли его тело. Всё население высыпало навстречу, и все, от мала до велика, рыдали… Слепых подводили к гробу, матери клали на его крышку грудных детей».

Владимир Мирсаитович Гайн-ов:

Военный человек, если это действительно военный человек, прекрасно сознает неизбежность смерти и спокойно к этому относится. Но он сражается до конца. Как любил иногда сказать Герман Алексеевич, «кто борется, может проиграть, кто не борется — уже проиграл!». Слова эти явно перекликаются с утверждением военного историка Антона Антоновича Керсновского, который писал, что «сущность русской национальной доктрины — преобладание духа над материей». Дух его никогда не бывал сломлен. От других я слышал, что однажды Герман Алексеевич сказал такую фразу: «Когда-нибудь однажды здесь, на Кавказе, меня и убьют: слишком многим мы рискуем…».

…Тело Германа Алексеевича уже увезли — и тут налетели журналисты. Не могу говорить обо всех дурно: во-первых, они выполняли свою работу; во-вторых, многие старались оставаться честными и писали так, насколько они понимали ситуацию. Но тут — как на запах жареного… Мы в жуткой скорби, а они шарят глазами — кого бы спросить, что произошло, да какие подробности… Я отдал команду часовому, чтобы их вывели за пределы расположения штаба.

Александр Угрюмов, сын:

Большой его мечтой было — построить свой дом. Среди его рабочих бумаг я обнаружил план, чертежи — фактически проект. Подсчитан расход материалов, составлена смета. Когда мы заговаривали о даче, он говорил: «Если удастся построить дачу, то никаких огурцов-помидоров там не будет! Только цветы. Посреди двора — беседка для чаепития, а вокруг целое поле ромашек. Представляете, как красиво?».

Хотели похоронить его на Новодевичьем, но там выделили небольшой участок, а мама попросила оставить место и для нее. Похоронили на Троекуровском кладбище *(20 апреля 2002 года Татьяна Ивановна Угрюмова умерла и была похоронена рядом с мужем.* — В. М.*)*. На могиле посадили ромашки — его любимые цветы.

«Духам» он в Чечне стоял поперек горла. После смерти отца, по данным одного радиоперехвата, они собирались как-то надругаться над его могилой: «Живым толстого адмирала не достали — достанем мёртвого!».

Золотую Звезду Героя отцу вручить так и не успели. Адмиральскую форму он «примерил» в первый и последний раз — в гробу. А Звёздочку (дубликат её) отдал свою на похороны Герой России Олег Михайлович Дуков.

Полковник С-й:

Когда умер Герман Алексеевич, на Троекуровское кладбище съехалось такое количество народу!.. Наверное, приехали все, кто мог приехать. У могилы, на аллее места не было — всё свободное пространство было забито людьми, которые пришли проводить его в последний путь. Горький час, но он — показатель: *кого* мы лишились и что это был за человек. Похороны — это ведь не свадьба и не банкет: туда приезжают по велению души, а не по пригласительным билетам… Я сам не видел, но друзья говорили, что Николай Патрушев, директор ФСБ, так и не смог договорить прощальное слово до конца: глотал-глотал комок в горле, потом махнул рукой и отошёл, вытирая слёзы. Подобное состояние испытывали многие.

Автор: В августе 2001 г. приказом Главкома ВМФ России новый базовый тральщик, бортовой номер 422, порт приписки — Астрахань, получил имя «ГЕРМАН УГРЮМОВ».

Техническая характеристика судна:
длина — 48 метров,
ширина — 9 метров,
вооружение — 2 шестиствольных АК-630,
экипаж — 45 человек (5 офицеров, 5 мичманов),
назначение — охрана водного региона.

10 октября 2002 г., в день рождения Героя, в городе-герое Новороссийске состоялось торжественное открытие памятника-барельефа Герою России Герману Угрюмову на новой улице, названной в его честь — улице Германа Угрюмова. На торжественном митинге глава администрации г. Новороссийска Валерий Прохоренко не «зачитывал речь», а говорил от души:

— Нет большей награды человеку, чем благодарная память народа, память друзей. И чем значительнее личность — а значимость эта определяется только реальными делами человека! — тем память о нём дольше. Эта память противостоит уничтожающей силе времени…

Автор: Одному из курсантов Военного университета выпало счастье встретиться с Германом Алексеевичем Угрюмовым в ту пору, когда последний был уже Героем России, вице-адмиралом, заместителем директора Федеральной службы безопасности РФ. Подробностей разговора курсант от волнения не запомнил, но одна угрюмовская фраза врезалась в память, прозвучала и была воспринята как наказ. Наказ этот универсален, поскольку может быть адресован и обращён к любому живущему:

НЕ ДЕЛАЙТЕ ТОГО, О ЧЁМ ВПОСЛЕДСТВИИ МОЖЕТЕ ПОЖАЛЕТЬ.